

МЫСЛИ О РЕЛИГИИ

Блез Паскаль

Перевод с французского: С. Долгова

Публикуется по изданию: *Паскаль*. Мысли о религии. М.: Типография И. Д. Сытина и К^о, 1892.

Содержание

- Статья I. Общее понятие о человеке
Статья II. Величие человека
Статья III. Суетность человека, воображение, самолюбие
Статья IV. Слабость человека, непрочность его естественных познаний
Статья V. Жалкое состояние человека
Статья VI. Удивительные противоположности, встречающиеся в природе человека в отношении истины, счастья и многих других вещей
Статья VII. Против равнодушия атеистов
Статья VIII. Разумнее верить, чем не верить в то, чему учит христианская религия
Статья IX. Признаки истинной религии
Статья X. Истинная религия доказывается заключающимися в человеке противоположностями и первородным грехом
Статья XI. Подчинение и власть разума
Статья XII. Изображение человека, который, испытав тщетность усилий обрести Бога одним разумом, начал читать Писание
Статья XIII. О евреях
Статья XIV. О прообразах; прообразный характер древнего закона
Статья XV. Об Иисусе Христе
Статья XVI. Свидетельства об Иисусе Христе пророков
Статья XVII. Различные свидетельства об Иисусе Христе
Статья XVIII. Для чего Бог, скрываясь от одних, обнаруживает Себя другим
Статья XIX. Ветхий и Новый Заветы в существе одна религия
Статья XX. Истинное, благотворное познание Бога достижимо только через Иисуса Христа
Статья XXI. Мысли о чудесах
Статья XXII. Различные мысли о религии
Статья XXIII. Размышления о Тайне Христовой

Статья I.

Общее понятие о человеке

(Вот к чему приводят нас естественные познания. Если они не истинны, то совсем нет истины в человеке; если же, напротив, они истинны, то он находит в них великий повод к смирению, будучи принужден принизить себя тем или другим способом. Так как он не может существовать, не веря им, то хотелось бы, чтобы он, прежде чем приступить к самым обширным исследованиям природы, не торопясь и серьезно посмотрел на нее, взглянул бы также на самого себя и рассудил, имеет ли он какую-нибудь соразмерность с нею при сравнении им этих двух предметов).

Пусть же рассмотрит человек всю природу в ее высоком и полном величии; пусть перенесет свой взор с низших окружающих его предметов к тому блестящему светилу, которое подобно вечной лампаде освещает вселенную. Земля покажется ему тогда точкою в сравнении с необъятным кругом, описываемым этим светилом; пусть он подивится тому, что этот необъятный круг, в свою очередь, не больше как очень мелкая точка в сравнении с путем, который описывают в небесном пространстве звезды. Но когда взор его остановится на этой грани, пусть воображение уходит дальше: скорее утомится оно, чем истощится природа в снабжении его все новою пищею. Весь этот видимый мир есть лишь незаметная черта в обширном лоне природы. Никакая мысль не обнимет ее. Сколько бы мы ни тщеславились нашим проникновением за пределы мыслимых пространств, мы воспроизведем лишь атомы в сравнении с действительным бытием. Эта бесконечная сфера, центр коей везде, а окружность нигде. Наконец, самое осязательное свидетельство всемогущества Божия, это то, что наше воображение теряется в этой мысли.

Пусть, пришедши в себя, человек посмотрит, что представляет он в сравнении со всем бытием, пусть представит себя как бы заблудившимся в этом далеком уголке природы и пусть по этой келье – я разумею вселенную нашу – он научится ценить землю, царства, города, и себя самого, в своем истинном значении.

Что такое человек в бесконечном?

Но чтобы увидеть другое столь же удивительное чудо, пусть он исследует один из мельчайших известных ему предметов. Пусть в крошечном теле какого-нибудь клеща он рассмотрит еще мельчайшие части, ножки со связками, вены в этих ножках, кровь в этих венах, жидкость в этой крови, капли в этой жидкости, пар в этих каплях; разделяя еще эти последние вещи, пусть он истощит свои силы в этих представлениях, и да будет последний предмет, к которому он придет, предметом вашего разговора. Может быть, он подумает, что это уже самомалейшая малость в природе. Но я покажу ему новую бездну в ней. Я нарисую ему не только видимую вселенную, но и мыслимую необъятность природы в рамке этого атомистического ракурса. Он увидит бесчисленное множество миров, каждый с своим особым небом, планетами, землею таких же размеров, как и наш видимый мир; на этой земле он увидит животных и, наконец, тех же насекомых, и в них опять то же, что нашел в первом; встречая еще в других существах то же самое, без конца, без остановки, он должен потеряться в этих чудесах, столь же изумительных по своей малости, сколько другие по их громадности. Ибо как не придти в изумление, что наше тело, дотоле незаметное во вселенной, которая, в свою очередь, незаметна в недрах всей природы, вдруг стало колоссом, миром, скорее всем в сравнении с недостижимым для воображения ничтожеством? Кто посмотрит на себя с этой точки зрения, испугается за себя самого. Видя себя в природе помещенным как бы между двумя безднами, бесконечностью и ничтожеством, он содрогнется при виде этих чудес. Я полагаю, что его любопытство превратится в изумление, и он будет более расположен созерцать эти чудеса в молчании, чем исследовать их с высокомерием.

Да и что же такое, наконец, человек в природе? – Ничто в сравнении с бесконечным, все в сравнении с ничтожеством, середина между ничем и всем. От него, как бесконечно далекого от постижения крайностей, конец вещей и их начало бесспорно скрыты в непроницаемой тайне; он одинаково неспособен видеть и ничтожество, из которого извлечен, и бесконечность, которая его поглощает.

Убедившись в невозможности познать когда-либо начало и конец вещей, он может остановиться только на наружном познании середины между тем и другим. Все сущее, начинаясь в ничтожестве, простирается в бесконечность. Кто может проследить этот изумительный ход? – Только виновник этих чудес постигает их; никто другой понять их не может.

Не обратив внимания на эту беспредельность, люди дерзнули исследовать природу, как будто имея некоторую соразмерность с нею.

Странное дело: они захотели познать начало вещей и дойти таким образом до постижения всего – самоуверенность столь же бесконечная, как и самый предмет исследования. Очевидно, что подобное намерение не мыслимо без такой самоуверенности или без способностей, столь же совершенных, как и природа.

Сознавая же беспредельность и недостижимость познания нами природы, мы поймем, что она, отпечатлев свой образ и образ своего Творца во всех вещах, выражает в большинстве их свою двоякую бесконечность. Таким образом, мы убеждаемся, что всякое знание бесконечно по обширности его предмета; ибо кто сомневается, что геометрия, например, может представить неисчислимое множество задач? Они так же бесчисленны, как бесконечны их начала, ибо известно всем, что теоремы, считающиеся последними, не имеют основания в самих себе, а вытекают из других данных, которые в свою очередь опираются на третьи и так далее без конца.

С последними выводами, представляющимися нашему разуму, мы поступаем как в материальных предметах, где точку, дальше которой не идут наши чувства, мы называем неделимой, хотя по своей природе она делима бесконечно.

Из этой двойной бесконечности знания мы чувствительнее к бесконечности величия; поэтому некоторые возымели уверенность в знании всех вещей. «Я буду говорить обо всем», – сказал Демокрит.

С первого взгляда видно, что уже одна арифметика представляет бесчисленные свойства, не говоря о других науках.

Но бесконечность в малом видима гораздо меньше. Философы хотя и считали, что достигли этого, однако, все преткнулись именно на этом. Отсюда-то произошли столь обычные заглавия, как: *о начале вещей*, *о началах философии* и другие подобные, хотя и не по внешности, а в действительности одинаково тщеславные с бросающимся в глаза *De omni scibili* (т.е., обо всем познаваемом – прим. пер.).

Мы, естественно, считаем себя более способными достигать центра вещей, чем обнимать их окружность. Видимая обширность мира очевидно превосходит нас, но так как малые вещи превосходим мы, то и считаем себя более способными обладать ими; между тем для постижения ничтожества нужно не меньше способности, как и для постижения всего. Бесконечность ее нужна для того и другого, и мне кажется, что постигнувший последние начала вещей мог бы дойти и до познания бесконечного. Одно зависит от другого и одно приводит к другому. Крайности сходятся и соединяются в силу своего удаления и находят друг друга в Боге и только в Нем одном.

Признаем же предельность нашего существа и наших познаний; мы – нечто, но не все. Уделенная нам частица бытия не дает нам возможности познать первые начала, родящиеся из ничтожества, и обнять нашим взором бесконечное.

Наш разум, в порядке вещей умственных, занимает то же место, что наше тело в пространстве природы.

Всесторонне ограниченное, это состояние, занимающее середину между двумя крайностями, отражается во всех наших способностях.

Наши чувства не выносят никаких крайностей. Слишком сильный шум оглушает нас; слишком яркий свет ослепляет; слишком далекое и слишком близкое расстояние мешает нам видеть; одинаково затемняет себя как чересчур медленная, так и непомерно быстрая речь; слишком много правды нас удивляет: я знаю таких, которые не могут понять, что, отнимая от нуля четыре, получаем нуль. Первые начала имеют для нас слишком много очевидности. Излишнее удовольствие беспокоит нас; чрезмерное созвучие не нравится в музыке, и раздражает слишком щедрое благотворение: нам хочется иметь возможность вернуть долг с излишком: *Beneficia eo usque laeta sunt dum videntur exsolvi posse; ubi multum antevenere, pro gratia odium redditur* («Благодеяния только тогда принимаются благосклонно, когда за них можно отплатить; если же они слишком велики, то порождают не признательность, а ненависть») (Тацит, *Летопись*, кн. IV, 18)).

Мы не чувствуем ни крайнего тепла, ни крайнего холода. Чрезмерные обнаружения свойств пагубны, но не чувствительны для нас. Слаб как слишком юный, так и слишком старый ум; вредно и слишком мало и слишком много учиться. Крайности как бы совсем не существуют для нас, а мы для них: они ускользают от нас, или мы от них.

Таково наше действительное положение, и вот что делает нас неспособными знать наверное и совершенно ничего не знать. Мы как бы носимся по обширной поверхности вод, не зная пути и постоянно бросаемся из конца в конец. Только что думаем укрепиться на одном основании, оно колеблется и покидает нас; хотим ухватиться за него, а оно, не поддаваясь, нашим усилиям, ускользает из наших рук, обращается в вечное пред нами бегство. Ничто для нас не останавливается. Таково наше естественное положение, как оно ни противно нам: мы горим желанием найти твердую почву, последнее незыблемое основание, чтобы воздвигнуть на нем башню и по ней добраться до бесконечного; но все здание наше рухнет и земля разверзается под нами до самых недр своих.

Перестанем же искать уверенности и прочности. Наш разум вечно обманывается непостоянством кажущегося; ничто не может утвердить конечного между двумя бесконечностями, которые заключают его и от него убегают.

Вполне сознав это, мы, думаю, будем сидеть спокойно, каждый в положении, назначенном ему природою.

Так как это выпавшее на нашу долю срединное положение всегда удалено от крайностей, то что за важность, имеет ли человек несколько большее понятие о вещах, или не имеет? Ежели имеет, то смотрит на них несколько свысока. Но не всегда ли неизмеримо далек он от конечного, и продолжительность нашей жизни не удалена ли так же бесконечно от вечности, протечет ли она десять лет более или менее?

С точки зрения бесконечного, все конечные вещи равны между собою; и я не вижу причины, почему один предмет заслуживал бы большего внимания с нашей стороны, чем другой. Нам больно всякое сравнение самих себя с конечным.

Если б человек изучил сперва самого себя, он увидел бы свое бессилие проникать за пределы конечного. Как может часть знать целое? Может быть, впрочем, он будет стремиться познать, по крайней мере, части соизмеримые ему. Но все части мира находятся в таком отношении и сцеплении между собою, что невозможно, думается мне, узнать одну без другой и без целого.

Человек, например, имеет отношение ко всему ему известному. Ему нужно место в пространстве, время для существования, движение для жизни, элементы для создания его тела, тепло и пища для питания, воздух для дыхания. Он видит свет, ощущает тела; все находится с ним в известной связи.

Следовательно, чтобы познать человека, нужно знать, почему необходим, например, для его существования воздух; равно для ознакомления со свойствами и природою воздуха требуется узнать, каким образом он влияет на жизнь человека и так далее.

Горение без воздуха не происходит, так что для познания одного, нам необходимо исследовать другое.

Так как, следовательно, все вещи производятся и производят, пользуются помощью других и сами другим помогают, посредственно и непосредственно, и все взаимно поддерживаются естественною и неуловимою связью, которая соединяет самые отдаленные и различные между собою вещи, то я считаю невозможным познать части без познания целого, равно как и познать целое без подробного ознакомления с частями.

В довершение нашей неспособности к познанию вещей является то обстоятельство, что они сами по себе просты, а мы состоим из двух разнородных и противоположных натур: души и тела. Ведь невозможно же допустить, чтобы рассуждающая часть нашей природы была недуховна. Если бы нам считать себя только телесными, то пришлось бы еще скорее отказать себе в познании вещей, так как немислимее всего утверждать, будто материя может иметь сознание. Да мы представить себе не можем, каким бы образом она себя создала.

Следовательно, если мы только материальны, то совсем не можем познавать что-либо; если же состоим из духа и материи, то не можем вполне познавать простые вещи, то есть исключительно духовные и исключительно материальные.

Поэтому-то почти все философы смешивают понятия о вещах, говоря о чувственных как о духовных, и о духовных как о чувственных. Они смело повествуют, что тела стремятся книзу, к своему центру, избегают разрушения, боятся пустоты, имеют наклонности, симпатии, антипатии, то есть такие свойства, которые присущи только духам. Говоря же о духах, они рассматривают их как бы находящимися в пространстве, приписывают им движение с места на место, что свойственно только телам.

Вместо того, чтобы воспринимать идеи этих чистых вещей, мы придаем им наши свойства и отпечатлеваем наше сложное существо на всех созерцаемых нами простых вещах.

В виду нашей наклонности придавать всем вещам свойства духа и тела, казалось бы естественным предполагать, что для нас весьма постижим способ слияния этих двух начал. На деле же это именно и оказывается для нас всего непостижимее. Человек сам по себе самый дивный предмет природы, так как не будучи в состоянии познать, что такое тело, он еще менее может постигнуть сущность духа; всего же непостижимее для него, каким образом тело может соединяться с духом. Это самая непреборимая для него трудность, несмотря на то, что в этом сочетании и заключается особенность его природы: *Modus quo corporibus adhaeret spiritus comprehendere ab hominibus non potest; et hoc tamen homo est* («Способ, каким соединяется тело с духом, не может быть постигнут человеком; хотя это соединение и составляет человека»). (Бл. Августин: *О духе и душе*)).

Вот часть причин недомыслия человека в отношении природы. Она двояко бесконечна, а он конечен и ограничен; она продолжается и существует без перерыва, а он преходящ и смертен; вещи в частности погибают и изменяются ежеминутно, и он видит их только мельком; они имеют свое начало и свой конец, а он не знает ни того, ни другого; они просты, а он состоит из двух различных натур. Чтобы исчерпать доказательства нашей слабости, я окончу двумя следующими размышлениями.

2. Две бесконечности. Середина

Мы не можем понимать ни слишком быстрого, ни слишком медленного чтения.

Слишком много я слишком мало вина: не давайте ему вина – он не найдет истины; дайте ему чересчур много – то же самое.

Природа так прекрасно поставила нас в середине, что если мы изменим равновесие в одну сторону, то сейчас же изменим его и в другой. Это заставляет меня предполагать, что в нашей голове есть пружины, которые так расположены, что, если тронуть одну, то непременно коснешься и противоположной.

Рассуждается плохо как в слишком юном, так и в слишком зрелом возрасте.

Пристрастие к чему-либо одинаково происходит и от недостаточного и от слишком частого помышления о предмете.

Если приняться за рассмотрение своего труда тотчас по его окончании, то бываешь слишком предрасположен к нему, а долго спустя – видишь, что стал чужд ему. Так и в отношении картин. Смотреть ли на них слишком близко или слишком издалека – одинаково не хорошо; а ведь должна быть одна неизменная точка, с которой картину видно лучше всего. Другие точки зрения слишком близки, слишком далеки, слишком высоки или чересчур низки. В искусстве живописи перспектива определяет такую точку; но кто возьмется определить ее в вопросах истины или морали?

3.

Играя на человеке, думают, что играют на обыкновенном органе; это действительно орган, но орган странный, изменчивый, трубы которого не следуют одна за другой по близлежащим степеням. Умеющие играть только на обыкновенных органах не вызовут на таком органе стройных аккордов.

4.

Мы так мало знаем себя, что иногда собираемся умирать, пользуясь полным здоровьем, или кажемся вполне здоровыми незадолго до смерти, не чувствуя, что скоро откроется горячка или образуется какой-нибудь нарыв.

Рассматривал малую продолжительность своей жизни, поглощаемую предшествующей и последующей вечностью, *memoria hospitis unius dici proetereuntis* («Проходит как память об однодневном госте» (Прем. 5:14)), незначительность занимаемого мною пространства, незаметно исчезающего в глазах моих среди необъятных пространств, невидимых ни мне, ни другим – я прихожу в ужас и изумление, почему мне нужно быть здесь, а не там, почему теперь, а не тогда! Кто поставил меня здесь? По чьему повелению и назначению определено мне это место и это время?

Почему ограничено мое разумение? Мой рост? Моя жизнь – почему ограничена она сотнею, а не тысячью лет? По какой причине природа дала мне именно такую продолжительность жизни, почему именно это число, а не другое выбрала она в вечности, перед которой всякие числа теряют свое значение?

Статья II.

Величие человека

I.

Я одинаково порицаю и берущих на себя задачу восхвалять человека, и видящих в нем только унижительные стороны, а равно и тех, которые думают лишь, как бы развлечь его; одобрять же могу только с воздыханием ищущих истину. Стоики говорят: взойди внутрь себя, там твой покой; и это неправда. Другие говорят: не углубляйся в себя, ищи своего счастья вне себя – в развлечениях; и это неправда. Наступят недуги, и счастье окажется ни внутри, ни вне нас: оно в Боге и вне, и внутри нас.

II.

Природу человека можно рассматривать с двух сторон: по отношению к цели его, и тогда он является великим и несравненным, или как смотрит большинство, как судят, например, о натуре лошади или собаки, то есть, хорошо ли она бежит и хорошего ли нрава, тогда человек покажется отвратителен и жалок. Таковы два пути, ведущие к совершенно разным заключениям и служащие поводом к столь жарким спорам философов. Ибо один отрицает предположение другого; один говорит: он рожден не для этого (высокого) назначения, так как все действия его тому противоречат; другой говорит: он удаляется от своей цели, если делает такие низкие дела.

III.

Мы такого высокого понятия о душе человека, что не можем переносить ее презрения, обойтись без того, чтобы хотя какая-нибудь душа нас не почитала; все блаженство людей состоит в этом почете.

Самая низкая черта в человеке, но, вместе с тем, и величайший признак его превосходства, это искание славы. Действительно, чем бы человек ни обладал на земле, каким бы здоровьем и удобствами ни пользовался, он недоволен, если не пользуется почетом у людей. Он так уважает разум человека, что, имея всевозможные преимущества, если не занимает выгодного места в умах людей, он недоволен. Это место ему нравится больше всего на свете: ничто не может отвлечь его от этого желания; и это самое неизгладимое свойство человеческого сердца. Даже презирающие род людской, приравнивающие его к животным, и те хотят, чтоб люди удивлялись и верили им. При этом они противоречат самим себе, своим собственным воззрениям: природа их, которая все преодолевает, убеждает их в величии человека сильнее, чем разум – в его низости.

IV.

Несмотря на все обуевающие нас немощи мы не можем подавить в себе невольного возвышающего нас инстинкта.

V.

Величие человека так заметно, что доказывается даже самую его немощью. Что свойственно природе животных, то в человеке мы называем слабостью, доказывая этим, что

если теперь природа его уподобляется природе животных, то стало быть, он лишился лучшей природы, некогда ему свойственной.

Ибо кто кроме царя, лишившегося трона, может считать себя несчастным вследствие потери царства? Разве считали Павла Эмилия несчастным, когда он перестал быть консулом? Напротив, все считали его счастливым, что он был консулом, потому что это звание не было пожизненным. Персея же называли несчастным, потому что он лишился царства, которое бы ему всегда должно было принадлежать, и даже удивлялись, что с горя он не лишил себя жизни. Горюет ли кто, что у него только один рот? И кто не посетует, лишившись одного глаза? Вряд ли кому приходило когда-нибудь в голову печалиться, что у него не три глаза; но ничто не может утешить лишившегося зрения.

VI.

Несчастливым может быть только существо сознательное. Разрушенный дом не может быть несчастным. Бедствовать сознательно может только человек. *Ego vir viden* (Отрывок из Плач. 3:1: «Я человек, испытавший горе» – прим. пер.).

VII.

Человек велик, сознавая свое жалкое состояние. Дерево не сознает себя жалким. Следовательно, бедствовать значит сознавать свое бедственное положение: но это сознание признак величия.

Вся бедственность, все эти несчастья человека доказывают его величие. Это несчастья вельможи, царя, лишённого короны.

VIII.

Так как о ничтожестве судят по величию, а о величии по ничтожеству, то одни доказали полную нищету человека тем легче, что основали это доказательство на величии; а так как другие доказывали с таким же успехом величие, выводя его из самой бедственности, то все, что одни могли привести в доказательство величия, послужило другим лишь аргументом в пользу бедственности, потому что бедствие тем ощутительнее, говорили они, чем полнее было предшествующее ему счастье; другие же утверждали противное. Так споры их вращались в кругу бесконечном, ибо, по мере разумения своего, люди находят в себе и величие, и ничтожество. Одним словом, человек сознает свое жалкое состояние. Он жалок потому, что таков и есть на самом деле; но он велик, потому что сознает это.

IX.

Я легко могу представить себе человека без рук, без ног, без головы, так как только опыт научает нас, что голова нужнее ног; но я не могу вообразить себе человека без мысли: это был бы камень или животное.

Следовательно, мысль отличает существо человека, и без нее нельзя себе его представить. Чем именно мы ощущаем удовольствие? Пальцами ли? Рукою ли? Мышцами ли, кровью ли? Понятно, что это ощущающее в нас должно быть нечто невещественное.

X.

Не в пространстве, занимаемом мною, должен я полагать свое достоинство, а в направлении моей мысли. Я не сделаюсь богаче чрез обладание пространствами земли. В отношении пространства, вселенная обнимает и поглощает меня как точку; мыслью же своею я обнимаю ее.

XI.

Человек самая ничтожная былинка в природе, но былинка мыслящая. Не нужно вооружаться всей вселенной, чтобы раздавить ее. Для ее умерщвления достаточно небольшого испарения, одной капли воды. Но пусть вселенная раздавит его, человек станет еще выше и благороднее своего убийцы, потому что он сознает свою смерть; вселенная же не ведает своего превосходства над человеком.

Таким образом, все наше достоинство заключается в мысли. Вот чем должны мы возвышаться, а не пространством и продолжительностью, которых нам не наполнить. Будем же стараться хорошо мыслить: вот начало нравственности.

XII.

Очевидно, человек создан для мышления; в этом все его достоинство, вся его заслуга, и весь долг его мыслить, как следует, а порядок мысли – начинать с себя, со своего Создателя и своего назначения.

А о чем думает свет? Он никогда об этом не думает: он помышляет о танцах, музыке, пении, стихах, играх и т. д., думает как бы подражать, сделаться царем, не задумываясь при этом, что значит быть царем и что значит быть человеком.

XIII.

Все достоинство человека в мысли. Мысль, стало быть, по природе своей есть нечто удивительное и несравненное. Чтобы сделаться достойной презрения она должна была обнаружить странные недостатки; да она и, на самом деле, имеет их, и самые смешные.

Как величественна она по своей природе! Как жалка она по своим недостаткам!

XIV.

Опасно слишком много указывать человеку на его сходство с животными, не показывая ему его величия. Опасно также слишком часто обращать его внимание на его величие, не напоминая о его ничтожестве. Опаснее всего оставлять его в неведении того и другого. Напротив, весьма полезно представлять ему то и другое.

Не следует человеку думать, на что он равняется животным, ни что он равен ангелам, и нельзя допускать, чтобы он не ведал ни того, ни другого; следует ему знать и то и другое одновременно.

XV.

Пусть человек узнает теперь цену себе. Пусть он любит себя, так как в его природе есть способность к добру; но пусть он ради этого не любит присущих ему злых сторон. Пусть презирает себя, так как эта способность праздная; но не презирает для этого и своей естественной склонности к добру. Пусть ненавидит, пусть любит себя: он носит в себе способность познавать истину и быть счастливым; но самой истины, постоянной и удовлетворяющей, в нем нет.

Поэтому мне хотелось бы возбудить в человеке желание отыскать эту истину, довести его до свободы от страстей и готовности последовать за истиной туда, где найдет ее. Зная, насколько его познание затемнено страстями, мне бы хотелось, чтобы он возненавидел в себе чувственность, управляющую его волею, чтобы она не ослепляла его при выборе и не в силах была бы остановить его, когда выбор будет сделан.

XVI.

По мере вразумления нашего мы открываем в человеке более и более величия и низости.

Сперва обыкновенный уровень людей, затем идут люди более образованные, наконец, философы; последние составляют предмет удивления обыкновенных людей.

Высшая затем степень – христиане; им дивятся философы.

Что же удивительного после этого, что религия основательно знает то, что дается по мере просвещения?

XVII.

Я сознаю, что мог бы совсем и не быть, ибо мое «Я» заключается в моей мысли; стало быть, я, который мыслю, не существовал бы, если б мою мать убили прежде, чем я получил душу; следовательно, я существо не необходимое. Равно, я ни вечен, ни бесконечен; но я ясно вижу, что есть в природе Существо необходимое, вечное и бесконечное.

Статья III.

Суетность человека, воображение, самолюбие

I. Суетность

Мы не довольствуемся жизнью, которую имеем в себе и в собственном бытии нашем: мы хотим жить в мысли других жизнью кажущуюся и прилагаем к тому все наши усилия. Мы беспрестанно заботимся о том, как бы сберечь и украсить это воображаемое бытие, действительное же у нас в небрежении; если в нас есть молчаливость, великодушие или верность, мы стараемся выставить их напоказ, с целью придать эти добродетели мнимому существу: мы готовы скорее лишиться их сами, чтобы украсить ими то существо, так что охотно, например, сделались бы малодушными, чтобы прослыть мужественными. Веским доказательством ничтожности нашего собственного существа служит то, что мы не довольствуемся одним им без того другого, отрекаемся часто от одного в пользу другого! Кто для сохранения своей чести не пожертвовал бы жизнью, назван был бы бесчестным.

Слава так сладостна для нас, что, с чем бы она ни соединялась, хотя бы даже со смертью, мы любим ее.

II.

Гордость перевешивает все немощи. Она или скрывает их, или если и обнаруживает, то тщеславится их сознанием. Среди всех наших слабостей, заблуждений и пр. она так от природы сильна в нас, что мы с радостью отдаем самую жизнь, лишь бы только о том говорили.

III.

Тщеславие так укоренилось в сердце человека, что похвалиться не прочь и солдат, и денщик, и повар, и носильщик; всякому любо иметь своих поклонников; да и философы не чужды этому чувству. Сами пишущие против славы хотят иметь славу хороших писателей, а читатели их похвалиться, что прочли их; да и сам я, пишущий это, имею, может быть, то же желание, а равно и читатель.

IV.

Мы до того тщеславны, что хотели бы быть известными всему миру и даже последующим поколениям; суетность так сильна в нас, что уважение пяти-шести окружающих лиц доставляет нам удовольствие.

V.

Любознательность тоже тщеславие. Чаще всего мы хотим знать только для того, чтобы сообщить об узнанном. Не стали бы разъезжать по морям ради одного удовольствия видеть море без надежды когда-нибудь рассказать виденное.

VI.

В городе, чрез который только проезжают, не заботятся приобрести уважение; иное дело, если приходится пробыть в нем некоторое время. Но сколько именно? Смотря по продолжительности нашей суетной и жалкой жизни.

VII.

Желающий вполне узнать суетность человека пусть рассмотрит только причины и последствия любви. Причиной ее «*я не знаю что*» (Корнель), а последствия ужасны. Это «*не знаю что*», настолько малое, что не может быть узнано, движет государями, армиями, всем светом.

Будь нос Клеопатры покороче, – иное было бы лицо земли.

VIII.

Удивительно, что столь очевидная вещь, как людское тщеславие, до такой степени мало известно, что кажется странным я необыкновенным назвать глупостью стремление к почестям и величию.

IX. Самолюбие

Сущность самолюбия и этого человеческого «Я» в том, чтобы любить только себя и сообразоваться только с собою. Но что же выходит? Оно не может помешать своему предмету избавиться от множества его недостатков и немощей: человек хочет быть великим, а видит себя малым; хочет быть счастливым, а сознает себя несчастным; желает быть совершенным, а находит себя полным несовершенств; хочет стать предметом любви и уважения людей, а убеждается, что недостатки его заслуживают лишь их отвращение и ненависть. Такое затруднительное положение производит в нем самую несправедливую и самую преступную страсть, какую только можно представить себе: он начинает смертельно ненавидеть истину, которая укоряет и убеждает его в его недостатках. Он хотел бы уничтожить ее, но, не будучи в силах разрушить ее самое, он, сколько может, разрушает ее в сознании своем и других, то есть прилагает все усилия скрыть свои недостатки и от других, и от себя самого и не терпит, чтобы их указывали ему, ни чтобы видели сами.

Быть полным недостатков, без сомнения, дурно; но еще того хуже не хотеть сознавать их, так как этим мы прибавляем зло произвольного обмана. Мы не хотим, чтобы другие нас обманывали, находим несправедливым желание их пользоваться нашим уважением в большей мере, чем они заслуживают; поэтому несправедливо и с нашей стороны обманывать их и желать, чтобы они уважали нас превыше наших заслуг.

Таким образом, открывая в нас действительно присущие нам несовершенства и пороки, они ни малейше не обижают нас, ибо не они виною тому; напротив, они делают доброе дело, помогая нам избавиться от зла, состоящего в неведении этих недостатков. Мы не должны сердиться, что они знают их, ибо мы таковы на самом деле, и пусть они презирают нас, если мы достойны презрения.

Такие-то чувства должны бы родиться в правдивом и искреннем сердце. Что же сказать нам о нашем, видя в нем совсем противоположные наклонности? Разве не верно, что мы ненавидим правду и тех, которые ее высказывают, любим, когда они ошибаются в нашу пользу, и желаем от них большого уважения, чем то, которое они к нам питают?

Вот одно доказательство, которое меня ужасает. Католическая религия не обязывает открывать свои грехи всем без различия; она допускает утаение их от всех других людей, за исключением одного, которому мы должны открывать глубину нашего сердца и показывать себя в своем настоящем виде. Это единственный человек, которого она повелевает нам не

вводить в заблуждение и возлагает на него долг ненарушимой тайны, так что это знание в нем как бы не существует. Можно ли представить себе что-нибудь более милосердное и доброе? Несмотря на то, испорченность человека так велика, что он еще находит суровым этот закон, и это было одной из главных причин возбуждения против Церкви значительной части Европы.

Как несправедливо и нерассудительно сердце человека, если он находит дурное в возлагаемой на него обязанности делать по отношению к одному человеку то, что, по справедливости, он должен был бы делать по отношению ко всем людям! Разве справедливо с нашей стороны обманывать их?

Это отвращение к правде проявляется в различных степенях; но можно сказать, что до некоторой степени оно существует во всех, будучи неразлучно с самолюбием. Эта порочная щекотливость заставляет людей, принужденных необходимостью обличать и порицать других, прибегать к стольким изворотам и смягчениям, чтобы как-нибудь не оскорбить их. Им поневоле приходится умалывать наши недостатки, показывать вид, что извиняют их, примешивать похвалы и изъявления дружбы и уважения. При всем том, это лекарство не перестает казаться горьким для самолюбия. Оно принимает его, как только может меньше и всегда с отвращением, часто даже с тайной досадою на подающих.

От этого происходит, что имеющий интерес быть любимым нами избегает оказывать нам услугу, которая, по его мнению, может быть нам неприятна. С нами поступают так, как мы хотели бы, чтоб поступали с нами; мы ненавидим правду, и ее скрывают от нас; желаем лести, и нам льстят; мы любим, чтобы нас обманывали, и нас обманывают.

Поэтому, чем выше наше положение в свете, тем больше мы удаляемся от истины, благодаря тому, что люди больше остерегаются оскорблять тех, чье расположение полезнее, а вражда более опасна. Иной государь становится притчей в целой Европе, и только он один об этом не знает. Я не удивляюсь тому: говорить правду полезно для того, кому говорят, но невыгодно для говорящих, так как возбуждает против них ненависть. А так как приближенные государя считают свои интересы ближе себе, чем интересы монарха, то и не заботятся принести ему выгоду во вред себе.

Это несчастье, без сомнения, больше и обыкновеннее среди самых богатых и сильных; но не свободны от него и люди более мелкие, потому что всегда найдется интерес привлекать к себе людское расположение. Таким образом, жизнь человеческая не больше как постоянная иллюзия; люди только обманывают и льстят друг другу. В нашем присутствии никто не говорит о нас так, как говорит за глаза. Связь между людьми основывается только на этом взаимном обмане. Не много бы дружбы уцелело, когда бы каждый знал, что друг его говорит о нем в его отсутствие, хотя в таком случае он говорит о нем вполне искренно и беспристрастно.

Человек, таким образом, есть лишь притворство, ложь и лицемерие, как по отношению к самому себе, так и к другим. Он не хочет, чтоб ему говорили правду, и сам избегает говорить ее другим; все эти наклонности, столь чуждые справедливости и разуму, от природы глубоко коренятся в его сердце.

X. Воображение

Воображение, это именно та обманчивая сторона в человеке, которая вызывает и руководит всеми его заблуждениями – сторона тем более опасная, что обманывает не всегда; иначе, если бы ложь была всегда присуща ей, она сделалась бы непогрешимым руководством истины. Но будучи всего чаще ложною, она не дает нам никаких признаков, по которым бы мы могли судить о ней, так как отмечает одинаковыми чертами и ложь, и правду.

Я говорю не о глупцах, а о самых умных, и между ними то преимущественно воображение имеет великий дар убеждать людей. Как бы громко рассудок ни говорил, он не может оценивать вещей.

Эта гордая власть, враждебная рассудку и старающаяся держать его в своих руках, чтобы показать свою вездесущую мощь, создала в человеке вторую натуру. У нее свои счастливицы, свои несчастливцы, свои больные, свои богатые, свои бедняки: она заставляет разум верить, сомневаться или отрицать; она или устраняет чувства, или заставляет их действовать; у нее свои глупцы и свои умники. Всего же досаднее то, что она несравненно больше и полнее разума удовлетворяет своих приверженцев, Считающие себя умными гораздо довольнее собою, чем просто благоразумные люди. Они смотрят на людей свысока, ведут споры дерзко и уверенно; тогда как другие высказывают свое мнение робко и нерешительно. Эта смелость часто склоняет в их пользу мнение слушателей: так много расположения встречают эти мнимые мудрецы в среде судей им подобных! Самовоображение не может умудрить глупцов, но делает их счастливыми назло разуму, который приносит своим приверженцам только несчастье. Одно покрывает их славою, другой – стыдом.

Кто распоряжается известностью? Что доставляет почет и уважение лицам, трудам, законам, знатым, как не эта воображающая способность? Всех богатств земли мало, если нет ее согласия.

Вот почтенный судья, сединами своими внушающий уважение целому народу; вы уверены, что он руководится одним чистым и высшим рассудком, судит о вещах по их внутреннему достоинству, не обращает внимания на пустяжные обстоятельства, которые могут поразить воображение только слабых! Вот он приходит слушать проповедь; он полон благоговения; готов подкрепить доводы рассудка горячностью христианской любви. Видно, что он собирается слушать проповедника с примерным уважением. Проповедник является, но на грех природа дала ему сиплый голос и странные черты лица, а цирюльник плохо выбрил его, да, вдобавок, случай заставил его в чем-то выпачкаться. Что же вы думаете? Я готов держать пари, что наш судья потеряет свою важность, какие бы высокие истины ни возвещались в проповеди.

Предложите величайшему философу перейти через пропасть по самой широкой и прочной доске: как бы разум ни убеждал его в отсутствии опасности, воображение его все-таки возьмет верх. Многие не могут даже подумать о подобной опасности, не изменившись в лице.

Кому не известно, что многие не могут видеть кошек, крыс, не могут слышать, как раздавливается уголь? Тон голоса влияет на самых рассудительных и видоизменяет разговор и читаемую поэму.

Расположение или ненависть влияют на правосудие: как часто адвокат, получивший вперед хорошую плату, склоняется в пользу поручаемого ему дела! Как смелый жест его порабощает увлеченных этою внешностью судей! Смешон рассудок, подчиняющийся любому веянию!

Я не намерен приводить всех последствий воображения, иначе пришлось бы перечислять почти все действия людей, руководимых почти одним воображением. Ибо разум принужден был уступить ему свое место, и самый сильный рассудок управляется теми правилами, которые людское мнение наобум ввело повсюду.

XI.

Наши судьи хорошо познали эту тайну. Их красные мантии, горностаевая опушка, роскошь судилищ, цветы лилии – вся эта торжественная обстановка была весьма необходима; и если бы наши доктора не носили ряс и туфель, а ученые четырехугольных шапок и широких плащей, никогда не могли бы они одурачить света, который не может противостоять этой неотразимой внешности. Только военные люди не прибегают к таким переодеваниям, так как последствия их деятельности гораздо существеннее: они занимают свое место силою, а не гримасою.

Поэтому-то и наши короли не прибегали к переодеваниям. Они не кутались в странные одежды; но зато окружали себя стражею, алебардами; эти вооруженные здоровые ребята, эти

трубы и барабаны впереди шествия, эти окружающие их легионы внушают трепет самым мужественным. Значение их не в одежде только, а в силе. Нужно иметь очень совершенный рассудок, чтобы не поддаться обаянию величия при виде падишаха в его серале, окруженного сорока тысячами янычар.

Если бы судьи руководились истинным правосудием, а врачи обладали действительным искусством исцеления, то не нужны были бы им четырехугольные шапки: величие этих наук внушало бы само по себе достаточно уважения. Но, обладая только воображаемым знанием, им поневоле приходится прибегать к этим жалким средствам, поражающим воображение, с которым они имеют дело; и они действительно успевают.

Мы не можем видеть судейского, в его полукафтанье и шапке, не получив выгодного о нем мнения.

Воображение располагает всем: оно сообщает и красоту, и право, и счастье, которое составляет все на свете. Мне бы очень хотелось видеть итальянскую книгу, которой мне известно только заглавие и которая одна стоит многих книг: *Della opinione, regina del mondo* («О мнении, владыке мира» – Прим. пер.). Я подписываюсь под этой книгой, не читая ее – за исключением, конечно, дурного, если оно есть в ней.

Таковы действия этой обманчивой способности, которая, по видимому, дана нам нарочно для того, чтобы вводить нас в неизбежное заблуждение. Но в нас есть и другие причины.

Статья IV.

Слабость человека, непрочность его естественных познаний

I.

Без благодати человек полон врожденного и непоправимого заблуждения. Ничто не указывает ему истины; напротив, все вводит его в обман. Оба проводника истины, разум и чувства, помимо присущего обоим недостатка правдивости, еще злоупотребляют друг другом. Чувства обманывают рассудок ложными признаками. Разум тоже не остается в долгу: душевные страсти помрачают чувства и сообщают им ложные впечатления. Таким образом, оба источника для познания истины только затемняют друг друга.

II.

Всего больше удивляет меня, что никто не дивится своей слабости. Люди действуют серьезно, каждый следует своему образу жизни не потому, что польза и обычай того требуют, но каждый как будто наверное знает, в чем заключается сущность и истина. То и дело приходится нам убеждаться в своих ошибках, но, по какому-то странному смирению, мы думаем, что это происходит от наших недостатков, а не от того, что мы всегда слишком уверены в безошибочности своих суждений. Но для славы скептицизма хорошо, что на свете столько подобных людей нескептиков; ибо этим доказывается способность человека к самым чудовищным мнениям, вследствие его склонности думать, что он не только свободен от прирожденной и неизбежной слабости но, напротив, от природы одарен мудростью.

III.

Нас вводят в заблуждение не одни только прежние впечатления: ту же власть над нами имеют и прелести новизны. Отсюда происходят все пререкания между людьми; одно упрекают за то, что мы руководимся впечатлениями детства, другие – что мы слишком смело идем за новизной. Кто же держится золотой середины? Пусть он явится и укажет нам ее. Нет понятия, как бы оно естественно ни было, даже привычного с детства, которого не назвали бы ложным впечатлением – или науки, или чувств. Так как, говорят, вы с детства привыкли считать ящик пустым, потому что ничего в нем не видели, то и пришли к убеждению, что пустота возможна; это обман ваших чувств, укрепившийся в вас благодаря привычке, который необходимо исправить наукою. Другие же говорят: вам в школе говорили, что пустоты не существует, этим исказили ваш здравый смысл, который был прав до тех пор; теперь необходимо прибегнуть к вашему природному рассудку, чтобы исправить это ложное впечатление. Кто же обманывает? Чувства или наука?

В нас есть и другая причина заблуждений – болезни. Они повреждают и рассудок, и чувства. Если ощутителен вред от сильных болезней, то несомненно, что и малые недуги оказывают свою долю влияния на человека.

Наш личный интерес – вот еще чудесное орудие, которым мы с удовольствием выкалываем себе глаза. Самому правдивому человеку не позволено быть судьей в своем деле. Я знаю таких, которые, ради того, чтобы не впасть в подобного рода самолюбие, делали величайшие несправедливости в обратную сторону. Верное средство проиграть самое чистое дело – обратиться за помощью к близким родственникам. Справедливость и правда –

два такие тонкие острия, что орудия наши слишком тупы и к ним не подходят. Касаясь острия, они завертывают его и попадают скорее на ложное, чем на истинное.

IV.

Ум величайшего в мире судьи не настолько самостоятелен, чтобы не смутиться первой суматохой, которая произойдет около него. Не нужно пушечного выстрела, чтобы нарушить течение его мыслей; для этого достаточно скрипа флюгера или блока. Не удивляйтесь, что он рассуждает плохо: муха жужжит над его ухом; этого довольно, чтобы сделать его неспособным к правильному решению. Если вы хотите дать ему возможность найти истину, прогоните животное, которое беспокоит его рассудок и смущает эту могучую мысль, правящую городами и царствами. Вот он, забавный божок! *O ridiculosissimo eroe!* («О ты, забавнейшее заблуждение!») – прим. пер.)

V.

Как трудно предложить что-нибудь на обсуждение другого, не повредив его суждения самым способом предложения! Если сказать: я нахожу, что это хорошо или что это неясно, или тому подобное, то мнение судьи или увлекается этим суждением, или, напротив, раздражается. Лучше ничего не высказывать; тогда он будет судить о предмете, как он есть, то есть сообразно тому, каков он в то время, и согласно других обстоятельств, приданных предмету не по своей воле. Но если вы и не высказали никаких замечаний, то весьма возможно, что само молчание ваше произведет свое действие, смотря потому, как он отнесется к нему, как объяснит себе его, – и может быть также, что, если он физиономист, то самое выражение вашего лица или тон вашего голоса повлияют на его решение. Так трудно не сдвинуть суждения с его природного основания, или, скорее, как мало твердых, незыблемых суждений!

VI.

Самое важное в жизни – выбор ремесла. Выбор этот зависит от случая. По обычаю становятся каменщиком, солдатом, кровельщиком. «Он хороший кровельщик», или «солдаты дураки» говорят одни; другие выражаются, наоборот, так: великое дело – только война, остальные занятия – пустяки. Как с детства наслушаются похвал известным ремеслам и порицания всех других, так и выбирают; потому что всякий естественно ищет похвального занятия, а не смешного. Отзывы окружающих несомненно действуют на нас; мы ошибаемся только в применении их. Сила обычая так велика, что из тех, кого природа создала просто людьми, вырабатываются представители всевозможных специальностей; целые области дают только каменщиков, другие только солдат и т. д. Конечно, природа не так однообразна, но она подчиняется обычаю. Иногда берет верх и природа, удерживая человека в его прирожденных наклонностях, несмотря на обычай, хороший ли, дурной ли.

VII.

Мы никогда не ограничиваемся настоящим. Желаем, чтобы поскорее наступило будущее, сожалеем, что оно как будто медленно подвигается к нам; или вспоминаем прошедшее, хотим удержать его, а оно быстро от нас убегает. Мы так неразумны, что блуждаем во временах, нам не принадлежащих, не думая о том, которое дано нам. Мы суетно пребываем мыслью во временах, которых уже нет более, и без размышления упускаем настоящее. Оно-то именно всегда и не нравится нам. Мы стараемся не видеть его, когда оно приносит нам горе; если же оно доставляет вам удовольствие, мы с сожалением смотрим, как оно бежит от нас. Стараемся поддержать его будущим и думаем располагать вещами, не нам принадлежащими, и во времени, до которого, кто знает, доживем ли.

Пусть всякий исследует свою мысль; окажется, что она всегда занята или прошедшим, или будущим. О настоящем мы почти не думаем, а если и думаем, то только ради того, чтобы из него научиться располагать будущим. Настоящее никогда не составляет нашей цели: прошедшее и настоящее – наши средства, а цель – одно будущее. Таким образом, мы никогда не живем, но надеемся жить; а так как всегда рассчитываем на счастье, то, несомненно, никогда его не достигаем (если стремимся только к такому, которое может быть уделом этой жизни).

VIII.

Наше воображение так расширяет пред нами конечное время здешней жизни, вследствие постоянного размышления о нем, и так уменьшает вечность, благодаря недостаточному размышлению о ней, что из вечности делаем ничто, а из ничего вечность. И все это так глубоко укоренилось в нас, что никакая сила рассудка не может защитить нас от этого.

IX.

Кромвель готов был потрясти весь христианский мир: семейство короля погибло, его же, казалось, навсегда приобрело могущество, но мелкая песчинка попала в его мочевой пузырь – и что же? Когда самый Рим начинал трепетать перед ним, эта малая песчинка умертвила его, низвела в прежнее состояние его семейство, водворила мир и восстановила короля на престоле.

X.

Воля – один из главных органов верования: она не образует верования, но дает оценку вещам, которые можно считать или истинными, или ложными, смотря по тому, как смотреть на них. Воля, отдающая преимущество одному пред другим, отвращает разум от исследования свойств вещи, ей не угодной, а потому ум, идущий в шаг с волею, останавливает свое внимание на том, что укажет воля, и судит по тому, что видит.

XI.

Воображение увеличивает мелкие предметы до того, что они всецело наполняют нашу душу, и, по безрассудной дерзости, уменьшает великие предметы до своих собственных размеров, говоря, например, о Боге.

XII.

Все занятия людей клонятся к приобретению имущества, но люди не сумели бы доказать, что владеют им по всей справедливости. Право их основывается только на фантазии законодателей, и самая прочность владения весьма сомнительна. То же и по отношению к знаниям: болезнь отнимает их у нас.

XIII.

Если бы нам каждую ночь снилось одно и то же, то это производило бы на нас такое же впечатление, как бы мы видели эти предметы в действительности. Если бы ремесленник наверняка рассчитывал каждую ночь, в продолжение двенадцати часов, видеть себя королем, то, полагаю, он был бы почти так же счастлив, как король, которому всякую ночь, в течение двенадцати часов, снилось бы, что он ремесленник. Если бы каждую ночь нам снилось, что нас преследуют враги или тягостные сновидения и что все дни проводим в разнообразных занятиях, как бывает при путешествии, то мы страдали бы от этого почти так же, как если бы

это было наяву, и нам стало бы страшно засыпать, как страшно бывает проснуться, когда нас действительно ожидают подобные неприятности. И в самом деле, эти грезы были бы едва ли не тягостнее, чем самая действительность. Но так как сны разнообразны и изменчивы, то и впечатления от них гораздо меньше, чем от видимого наяву, ибо последнее, хотя и с переменами, но повторяется чаще и постояннее. При том же перемены эти не так неожиданны и, главным образом, бывают только при путешествиях. Поэтому тогда говорят: мне кажется, что я грежу; ибо самая жизнь тот же сон, только менее непостоянный.

XIV.

Мы предполагаем, что все люди одинаково воспринимают впечатления внешних предметов, но предположение это делаем наугад, ибо никаких доказательств на то не имеем. Я понимаю, что одинаковые слова употребляются в тождественных случаях, и всякий раз, когда двое видят, что тело или предмет меняет свое место, оба выражают впечатление от одною и того же предмета одними и теми же словами, говоря тот и другой, что он движется. И из этой тождественности определений выводят сильное доказательство тождественности идей. Но последняя вряд ли доказывается этим окончательно, хотя и многое можно сказать в защиту такого вывода. Мы знаем, что одни и те же последствия нередко выводят из различных предположений.

XV.

Видя действие, повторяющееся постоянно при одних и тех же данных, мы выводим из этого понятие естественной необходимости, как ожидаем, что завтра будет день и так далее; но часто природа нас обманывает и не подчиняется своим собственным законам.

XVI.

Науки имеют две соприкасающиеся между собою крайности: первая, то полное естественное неведение, в котором находятся все люди при рождении; другой крайности достигают великие души, которые, пройдя все доступное людям знание, убеждаются, что они ничего не знают и, таким образом, приходят к тому же неведению, с которого начали. Но это неведение ученое, сознательное. Вышедшие из естественного неведения и не достигнувшие неведения сознательного принимают некоторый оттенок самодовольного знания и разыгрывают из себя знатоков. Они смущают мир и обо всем судят хуже прочих. Направляют мир, по обыкновению, толпа да мудрецы, остальные презирают свет или презираемы им.

Статья V.

Жалкое состояние человека

(Ничто так не способно познакомить вас с жалким положением людей, как исследование истинной причины их непрерывной суеты в жизни.

Душа поселяется в теле на короткое время. Она знает, что его лишь переход к вечному путешествию и что она должна подготовиться к нему в короткий срок человеческой жизни. Естественные потребности отнимают у нее большую часть этого времени, так что на ее собственно долю остается его очень мало. Но и этот краткий досуг почему-то так сильно ее тяготит и затрудняет, что как будто она только о том и заботится, как бы от него избавиться. Для нее невыносимо тяжело жить с собою и думать о себе. Она стремится только к самозабвению, старается провести это столь короткое и столь драгоценное время без размышления, в занятиях способных отвлечь всякую мысль об ожидающей ее вечности.

Вот источник всех суетных занятий, всякого так называемого развлечения или препровождения времени. Единственная цель этого – проводить время, не чувствуя его, или скорее, не чувствуя самого себя; – избегать, потерю этой части жизни, горечи и внутренние недовольства, которые бы необходимо возникли в душе человека, если бы это убиваемое время было употреблено им на размышление о самом себе. Душа не находит в себе никакого удовлетворения. Всякий взгляд внутрь себя приносит ей огорчение. Это принуждает ее искать утешения вне себя, привязываться к предметам внешним, чтобы всячески изгладить мысль о своем действительном положении. Радость ее в этом самозабвении, и, чтобы сделаться несчастной, достаточно ей очутиться наедине с собою).

I.

На людей с детства возлагается обязанность заботиться о своей чести и имуществе, а также об имуществе и чести их друзей. Их обременяют делами, обучают языкам и наукам, внушая при этом, что счастье их заключается в здоровье, чести, богатстве, как их самих, так и друзей, и что недостаток одного из этих благ влечет за собою потерю счастья. Таким образом, им дают дела и занятия, которые потом мучат их всю жизнь. Вот, скажете вы, странный способ приносить людям счастье; не вернейшее ли это средство сделать их несчастными? Вы хотите знать, как можно достичь этого? Стоило бы только отнять у них все эти заботы тогда бы они увидали себя, стали думать, что они такое, откуда и куда идут. Но трудно привлечь их к этим занятиям и отвлечь от иных. Потому-то, надавав столько дел, советуют им всякую свободную минуту употреблять на развлечение, игру и занимать себя всецело.

II.

Стараясь иногда объяснить себе, из-за чего подвергают себя люди трудам и опасностям при дворе, на войне; откуда происходит столько споров, страстей, смелых и нередко дурных предприятий, – я часто приходил к тому заключению, что все несчастье людей происходит только от того, что они не умеют спокойно сидеть в своей комнате.

Человек, имеющий средства к жизни, если бы находил удовольствие сидеть дома, не захотел бы пуститься путешествовать по морю или участвовать в осаде крепости. Он только тогда решился бы платить за место в армии, когда ему стало бы невыносимо оставаться в городе. Бесед в развлечениях ищут только потому, что не находят никакого удовольствия сидеть дома.

Но, присмотревшись ближе и найдя причину всех наших несчастий, я захотел открыть, в чем коренится она в свою очередь. Оказалось, что начало ее заключается в естественном

злополучии нашей слабой и смертной природы. Это состояние настолько жалкое, что решительно нет средств утешить себя, коль скоро о том подумаешь.

Какое положение себе ни представишь, собрания каких богатств ни вообразишь себе – все же положение государя кажется лучшим на свете. Но, думается мне, если бы и ему, которому предоставлено всевозможное довольство, пришлось остаться без развлечений и углубиться в самого себя, в свое положение и значение, – эта полнота земных благ оказалась бы не в силах поддержать его. Ему невольно придут на ум мысли о возможности восстания, наконец, о неизбежных болезнях и смерти; так что, едва он очутится без так называемого развлечения, как становится несчастным и даже более несчастным, чем любой из его играющих и забавляющихся подданных.

Монаршее достоинство само по себе разве не настолько велико, чтобы осчастливить носящего его? Нужно ли еще развлекать его этой мыслью, как обыкновенных людей? Я хорошо понимаю взгляд, что можно принести счастье человеку, отвлекая его внимание от домашних невзгод и стараясь наполнить все его помыслы заботою, как бы выучиться хорошо танцевать, но пригодно ли это для государя и будет ли он счастливее, развлекаясь, чем созерцая свое величие? Какой более достойный предмет может занимать его мысли? Не значило ли бы лишать его радостей, занимая его ум помышлением о том, как лучше выступать под звуки музыки или как ловчее кидать шар, вместо того, чтобы предоставить ему спокойно созерцать окружающее его величие славы. Пусть испытают: оставят короля совершенно одного, без всякого удовлетворения его чувств, вне всякой умственной заботы, без общества, чтобы он на свободе мог подумать о себе. И вы увидите, что король без развлечений вполне жалкий человек. Поэтому-то тщательно этого избегают, и в королевской свите всегда находится множество людей, на обязанности которых лежит доставлять государям после всякого дела забавы, так что незанятого времени у них никогда не остается. Другими словами, короли окружены людьми, несущими достохвальными заботы зорко следить за тем, чтобы король не оставался наедине и не имел повода размышлять о себе, хорошо зная, что при всем его королевском достоинстве, он станет жалок, как только начнет думать о себе.

(Людей, занимающих высокие, обыкновенно столь трудные, должности, поддерживает главным образом то, что они беспрестанно отвлечены от мысли о себе).

Обратите внимание на положение министра, канцлера, первого президента: с утра до вечера их отовсюду осаждает множество людей, не оставляя им и одного часа в течение целого дня, где бы они могли подумать о себе. Когда же они впадают в немилость и принуждены удалиться в свои поместья, где у них нет недостатка ни в богатствах, ни в служителях, готовых удовлетворить каждому их требованию, они сейчас же начинают чувствовать свое ничтожество, ибо никто уже не мешает им предаваться размышлениям о самих себе.

По той же причине мы ищем женского общества, идем на войну, стремимся к высоким должностям; не потому, что в них действительно заключается счастье, и мы не воображаем себе будто истинное благополучие в деньгах, которые можно выиграть в карты, или в зайце, которого гоним. Мы отказались бы принять такое счастье, если бы оно было предложено само по себе. Мы ищем не этого вялого и покойного пользования, при котором мы не освободились бы от мыслей о нашем бедственном положении; нас привлекают не опасности войны, не трудности, сопряженные с высокими должностями; нам нужна суета, которая развлекала бы нас и не давала места столь неприятным мыслям.

По этой же причине мы так любим шум и передвижение; оттого так страшно тюремное заключение; оттого непостижимо для нас, как могут люди находить удовольствие в уединении. Участь монархов завидна во мнении людей, потому что приближенные их заботятся о доставлении им беспрестанно всевозможных удовольствий и развлечений.

Вот все, что могли изобрести люди, чтобы сделать себя счастливыми. Умничающие на эту тему и порицающие людей за то, что они по целым дням охотятся на зайца и не хотят попросту добыть его покупкою, плохо знают человеческую природу. Этот заяц не избавил

бы нас от вида смерти и бедствий, но предохраняет от того охота. Поэтому, если бы они на упрек в суетности искомого ими с таким усердием, как следует подумав, ответили, что в этом они ищут усиленного и бурного занятия, которое бы отвлекло их от мысли о себе, и что ради этого они стремятся к предмету, могущему прельстить и привлечь их к себе всецело, то противники их не нашлись бы что возразить им. Но они не отвечают подобным образом, ибо не знают самих себя; не знают, что не добыча, а сама охота предмет их стремлений.

Они воображают, что, получив такую-то должность, могли бы насладиться покоем, и не чувствуют всей ненасытности своей природы. Они уверены, что искренно стремятся к покою, а на деле ищут только забот.

В них есть тайный инстинкт, заставляющий их искать развлечения и внешних занятий и вызываемый постоянным ощущением своего безотрадного положения. Есть в них и другой тайный инстинкт, остаток величия нашей первобытной природы, внушающий им, что действительно счастье заключается только в покое, а не в суете. Эти два противоположные инстинкта сливаются в них в одно смутное предчувствие, скрывающееся от их взоров в глубине души, побуждающее их стремиться к покою чрез возбуждение и как бы всегда говорящее им, что удовлетворение которого они лишены, наступит, если, поборов некоторые представляющиеся им трудности, они сумеют открыть себе тем путь к успокоению.

Так протекает вся жизнь. Ищут покоя в борьбе с некоторыми препятствиями. Коль скоро последние побеждены, покой делается невыносимым, так как приходится думать или о бедствиях, уже существующих или угрожающих в будущем. Если бы даже казалось, что отовсюду мы ограждены от невзгод, то скука, пользуясь своею особою властью, не замедлила бы подняться из глубины сердца, где она глубоко укоренилась от природы, и наполнила бы ум своим ядом.

Трудно было дополнить совет успокоиться, данный Пирру, который искал покоя в утомлении себя непрерывными подвигами.

Человек так несчастлив, что, просто в силу своего природного свойства, ему не избавиться от скуки даже тогда, когда, по-видимому, для нее нет никакой непосредственной причины. В то же время он так суетен, что, когда у него тысячи существенных причин быть печальным, пустейшая вещь, вроде игры на бильярде, может его рассеять.

Но, скажете вы, какой интерес его во всем этом? А интерес тот, чтобы завтра похвалиться в кругу друзей, что он играл лучше другого. Так иные корпят в своем кабинете, чтобы показать ученым, что они сумели разрешить какую-нибудь алгебраическую задачу, до них не решенную. Многие опять подвергают себя всевозможным опасностям, чтобы потом иметь возможность похвалиться участием во взятии крепости, и, по моему мнению, то же глупо делают. Третьи, наконец, убивают себя, трудясь над описанием всех этих подвигов, не для того чтобы умудрить себя ими, но чтобы показать только, что они их знают. Эти последние всех глупее, потому что глупы сознательно, когда о других можно еще сказать, что они бы не стали этого делать, если бы понимали, что делают.

Такой человек проводит жизнь без скуки, играя каждый день по маленькой. Давайте ему всякое утро деньги, которые он может ежедневно выигрывать, но с условием, чтобы он не играл совсем, и вы сделаете его несчастным. Скажут, может быть, что он в игре ищет развлечения, а не выигрыша. Так пускай он играет даром: вы увидите тогда, что он не будет горячиться, зато станет скучать за игрой. Стало быть, он ищет не одного развлечения: вялое и бесстрастное удовольствие наведет на него скуку. Ему необходимо возбуждение, самообман от мысли, что он будет счастлив, выиграв, хотя и не желал бы получить выигрыш при обязательстве не играть совсем.

Ему непременно нужен предмет страсти, который бы возбуждал его желания, его гнев, его страх, подобно тому, как дети пугаются ими же намалеванного лица.

Отчего это происходит, что человек, потерявший, несколько месяцев тому назад, единственного сына, удрученный тяжбами и процессами, так горевавший еще сегодня утром, теперь вдруг как бы и думать перестал о своем горе? Не удивляйтесь этому: он всецело занят наблюдением, где пройдет кабан, которого, вот уже шесть часов, как неистово преследуют

собаки. Что еще ему нужно? Человек, как бы сердце его ни было переполнено горестью, раз удастся увлечь его в какую-нибудь забаву, счастлив, пока она продолжается. И, при всевозможном счастье, если он не развлечен, не поглощен какою-либо страстью или забавой, мешающею скуке овладеть им, он скоро впадает в грусть и становится несчастным. Без забавы нет радости, как за забавою нет печали. Таким-то путем составляется благополучие лиц высшего общества, окруженных множеством людей, развлекающих их и тем поддерживающих их благополучие.

III.

Легче умереть, не думая о смерти, чем перенести мысль о смерти, не подвергаясь опасности.

IV.

Если бы человек вообще был счастлив, он чувствовал бы себя тем счастливее, чем менее бы его развлекали. Но такое счастье ведомо только Богу и святым.

Да, но разве не значит быть счастливым, находя удовольствие в забаве? Нет, ибо это счастье внешнее и зависит от множества случайностей, которые могут быть причиной неизбежных огорчений.

V.

Единственным средством, утешающим нас в наших горестях, служит развлечение, но в то же время в нем и величайшая беда наша, потому что оно-то, главным образом, мешает нам думать о себе. Не будь его, мы бы жили в скуке, а эта скука побудила бы нас искать более верных средств от нее избавиться. Но развлечение услаждает нас, и с ним мы нечувствительно доживаем до смерти.

VI.

Состояние человека: непостоянство, скука, беспокойство.

VII.

Суетен тот, кто не замечает суетности света. А кто не видит ее кроме молодежи, всецело поглощенной шумом, забавами и мыслью о будущем? Но отнимите у нее развлечение, и вы увидите, как она станет пропадать от скуки. Она инстинктивно почувствует тогда свое ничтожество, ибо, действительно, великое несчастье испытывать невыносимую скуку, когда поневоле приходится сосредоточивать свои мысли на самом себе, за неимением чем развлечься.

VIII.

Если бы наше положение было действительно счастливое, то и не требовалось бы отвлекать нас от мысли о нем, чтобы сделать нас счастливыми.

Немногого нужно для нашего утешения, потому что немногого достаточно, чтобы нас опечалить.

IX.

Всего невыносимее для человека, это полный покой, без страсти, без дела, без развлечения. Он чувствует тогда свое ничтожество, свое несовершенство, свою зависимость,

немошь, пустоту. Немедленно из глубины души поднимается скука, мрак, горечь, печаль, досада, отчаяние.

X.

Когда солдат или работник жалуются на свой труд, оставьте их без всякого дела.

XI. Философы

Прекрасное дело кричать человеку, который сам себя не знает, чтобы он шел сам по себе к Богу! Не хуже того и говорить это человеку, который знает себя.

XII. Искание истинного блага

Люди обыкновенного уровня полагают свое благо в богатстве, вообще в предметах внешних, или, по меньшей мере, в развлечении. Философы указали на суетность всего этого, и всякий из них объяснял благо по-своему.

У философов можно насчитать 280 высших благ.

Спор о высшем благе. *Ut sis contentus temetipso, et ex te nascentibus bonis.* В этих словах противоречие, ибо они (философы, стоики) советуют, наконец, самоубийство. О, как счастлива должна быть жизнь, от которой бегут как от чумы!

XIII.

Так как природа во всяком положении делает нас несчастными, то недостающее нам счастье мы стараемся вообразить себе, присоединяя к состоянию, в котором находимся, удовольствия, присущие состоянию, в котором не находимся. Достигнув же этих удовольствий, мы бы не нашли в них счастья, так как возымали бы другие желания, согласные с этим новым состоянием.

XIV.

Люди, не будучи в силах избежать смерти, бедствий и неведения, вознамерились ради счастья совсем о них не думать; вот все, что они могли изобрести для облегчения себя от стольких зол. Но это утешение очень жалкое, ибо ведет не к исцелению зла, а только к временному сокрытию его. Скрывая же зло, мы удаляем мысль о его действительном исцелении. Таким образом, благодаря странному извращению природы человека, выходит, что скука, самое чувствительное для него зло, как будто становится до некоторой степени его величайшим благом, будучи в состоянии более всего остального заставить человека подумать об истинном врачевании. По такой же иронии развлечение, которое он считает своим величайшим благом, в действительности есть его величайшее зло, ибо более прочего отвлекает его от искания средства против его зол. То и другое служит замечательным доказательством жалкого и поврежденного состояния человека и в то же время его величия. Человек скучает от всею и ищет такого множества занятий потому только, что имеет представление о потерянном им счастье; но, не находя в себе этого счастья, он тщетно ищет его в вещах внешних, ибо счастье это не в нас, не в тварях, а, только в одном Боге.

XV.

Соломон и Иов лучше всех знали и лучше всех говорили о бедствиях человека – один, будучи самым счастливым, а другой самым несчастным человеком, один, опытом познавший суетность удовольствий, другой – действительность зол.

Статья VI.

Удивительные противоположности, встречающиеся в природе человека в отношении истины, счастья и многих других вещей

I.

Всего поразительнее в человеческой природе, это противоположности, обнаруживающиеся в ней в отношении всего. Человек создан для познания истины, он желает ее горячо, он ищет ее, но в этих поисках теряет путь, приходит в смущение до такой степени, что добытая истина легко может быть у него оспариваема. Из этого возникли обе секты, пирронистов и догматистов; одни хотели отнять у человека всякое познание истины, другие стараются уверить его в обладании ею; но доводы тех и других так мало правдоподобны, что только увеличивают затруднение и смущение человека, когда у него нет иного руководства кроме того, которое он находит в своей природе.

Главные доводы пирронистов, не говоря о второстепенных, те, что мы не имеем никакой уверенности в истинности этих природных начал познания, вне веры и откровения; что мы только чувствуем их лишь по внушению нашей природы. А это природное чувство не есть убедительное доказательство их истинности, потому что раз, помимо веры, нет никакой уверенности, сотворен ли человек благим Богом или злым демоном, или явился случайно, то он в сомнении, даны ли нам эти начала истинными или неизвестно какими, смотря по нашему происхождению. Более того, никто вне веры не убежден, бодрствует он или спит, так как и во сне считают себя как бы вполне бодрствующими: во сне как бы на самом деле мы видим пространства, очертания, движение, видим, как протекает время, измеряем его и, наконец, действуем как бы совсем наяву. Таким образом, по нашему собственному признанию, значительная часть нашей жизни проходит во сне, когда, что бы нам там ни казалось, мы не имеем никакого понятия о действительности, ибо во сне наши чувства – простая иллюзия. Следовательно, кто знает, не есть ли эта другая половина жизни, в которой мы бодрствуем, также сон, несколько отличный от первого, от которого мы пробуждаемся, когда полагаем, что спим?

Вот главные положения этой и другой стороны.

Я опускаю доводы второстепенные, как, например, доводы догматистов против понятий, приобретаемых обычаем, воспитанием, нравами, климатом и т. п., которые хотя и увлекают большую часть обыкновенных людей, догматизирующих только на этих неверных основаниях, опрокидываются, однако, от малейшего дуновения пирронистов. Кто недостаточно убежден в этом, тому стоит только заглянуть в написанные ими книги: убедиться можно очень, даже слишком, скоро.

Я останавливаюсь на единственном сильном доводе догматистов, а именно, что, говоря искренно и чистосердечно, нельзя сомневаться в естественных началах познания.

Этому пирронисты противопоставляют неуверенность в нашем происхождении, заключающую в себе неуверенность и в нашей природе; на это возражение ответ остается за догматистами покоя века.

На этой почве происходит между людьми постоянная борьба. В ней каждый поневоле принимает участие и примыкает необходимо или к догматизму, или к пирронизму, ибо думающий оставаться нейтральным становится пирронистом по преимуществу. В этой нейтральности вся суть и заключается: кто не против них, тот преимущественно за них. Пирронисты не сами за себя: они нейтральны, безразличны, не принадлежат ни к какой стороне, не исключая самих себя.

Что же делать человеку в этом состоянии? Сомневаться ли во всем, сомневаться ли в том, что он и бодрствует, что его щиплют, что его жгут? Сомневаться ли ему в том, что он сомневается, сомневаться ли в том, что он существует? Но это вещь невозможная, и я утверждаю, что никогда не было действительно совершенного пиррониста. Природа поддерживает немощный разум и препятствует ему доходить до подобной крайности.

Можно ли, напротив того, утверждать, что человек несомненно обладает истиной, – человек, который, как ни мало его с этим торопят, не в силах доказать права этого владения и по необходимости должен расстаться со своей добычей.

Что же человек за химера? Какое невиданное хаотическое существо, какой предмет противоречий, какое чудо? Судья всех вещей, несмысленный червь земной, хранитель правды, смесь неуверенности и заблуждения, слава и отброс вселенной.

Кто разберется в этом хаосе? Природа смущает пирронистов, а разум путает догматистов. Что же будет из тебя, о человек, который ищешь определить свое действительное положение своим природным рассудком? Тебе нельзя ни избежать одной из этих сект, ни оставаться в какой-либо из них.

Познай же, гордец, какой парадокс ты сам для себя представляешь. Смирись, немощный ум, умолкни, несмысленная природа; познай, что человек – существо, бесконечно непонятное для человека, и вопросы у твоего Владыки о неведомом тебе истинном твоём состоянии. Послушай Бога.

Если бы человек не был поврежден грехом, он, в своей невинности, наконец, достиг бы прочного обладания и истиной и блаженством. Но если бы человек был поврежденным изначала, то не имел бы никакого представления ни об истине, ни о блаженстве. Однако, при всем нашем несчастье, и если бы в нашем положении не было никакого начала величия, мы имеем представление о счастье, не будучи в силах достигнуть его; мы чувствуем образ истины, а владеем только ложью: неспособные ни к абсолютному неведению, ни к несомненному знанию, мы несем в себе очевидное свидетельство, что некогда были на степени совершенства, с которой, к прискорбию, пали!

Мы познаем истину не одним разумом, но и сердцем; этим-то последним путем мы постигаем первые начала, и напрасно старается оспаривать их разум, который тут совсем не у места. Напрасен стремящийся только к этому труд пирронистов. Мы знаем только, что мы совсем не грезим, как бы ни бессилен был ум наш доказать это; это бессилие свидетельствует лишь о слабости нашего разума, а не о сомнительности всех наших познаний, как они утверждают. Знание первых начал, как например, что существует *пространство, время, движение, число*, прочно как ни одно из знаний, получаемых нами путем рассуждения. На эти-то знания сердца и инстинкта должен опираться разум и на них строить свои рассуждения. Сердцем мы чувствуем, что есть три измерения в пространстве и что числа бесконечны, а разум потом доказывает, что нет двух квадратных чисел, из которых одно было бы удвоением другого. Начала чувствуются, а суждения выводятся – то и другое с уверенностью, хотя и различными путями. Смешно со стороны разума требовать у сердца доказательств его основных начал, чтобы согласиться с ними, как одинаково смешно было бы сердцу требовать у разума чувствования всех делаемых им заключений, чтобы принять их.

Следовательно, это бессилие должно служить только к смирению разума, которому хотелось бы судить обо всем, а не к опровержению нашей уверенности, как если бы только один разум был способен руководить нами. Дай Бог, чтобы, напротив, мы никогда не имели нужды в разуме, а познавали все вещи инстинктом и чувством. Но природа отказала нам в этом благе, сообщив нам лишь весьма немногие понятия такого рода; все другие приобретаются только путем рассуждения.

(Так отличается человек от человека по отношению истины; рассмотрим его теперь в отношении счастья, к которому он так горячо стремится во всех своих действиях.)

Все люди домогаются счастья; в этом отношении между ними нет исключений. При всем различии употребляемых ими к тому средств, все стремятся к этой цели. Это заставляет

одних идти на войну, а других не идти; у тех и у других одно и то же желание, только исполнимое различными путями. Воля подвигает человека только в направлении к этому предмету, то есть к счастью. Это побуждение всех действий всех людей, включая самоубийц. Между тем, при всей давности существования человечества, никто никогда без веры не достигал той точки, на которую все метят. Жалуются все, государи и подданные, бояре и разночинцы, старые в молодые, сильные и слабые, ученые и невежды, здоровые и больные, люди всех стран и времен, всех возрастов и всех положений.

Такой продолжительный, такой постоянный и однообразный опыт достаточно должен бы убедить нас в невозможности достигнуть блага нашими собственными усилиями; но пример этот ничему нас не научает. Между подходящими положениями никогда не бывает совершенного сходства, и всегда встречается, хотя и очень незначительное, различие, а по этой причине мы надеемся, что наше ожидание не будет обмануто в этом случае, как в другом. Таким образом, никогда не удовлетворяемых настоящим, опыт обманывает нас и от несчастья к несчастью приводят к смерти, вечному его завершению.

Что же возвещают нам эта жажда счастья и это бессилие его достигнуть, как не то действительное счастье, которым когда-то пользовался человек, но от которого теперь остался в нем лишь слабый след. Напрасно старается человек наполнить эту образовавшуюся пустоту всем его окружающим, прибегая к отсутствующим вещам за помощью, в которой отказывают ему вещи присущие. Те и другие не в состоянии помочь ему, так как эта бездонная пропасть может быть наполнена только предметом бесконечным и неизменным, то есть самим Богом.

Он один есть истинное благо человека, и, замечательно – с тех пор как Бог покинул его, ничто в природе не в состоянии было заменить ему утраченное благо – звезды, небо, земля, стихии, растения, животные, насекомые, болезни, войны, пороки, преступления. С тех пор, как он потерял истинное благо, все одинаково может казаться ему таковым до самоумерщвления включительно, хотя это последнее столь противно Богу, разуму и всей природе.

Одни ищут блага во власти, другие в науках и разных диковинах, третьи в сладострастии. Некоторые, несколько более приблизившиеся к истинному понятию о благе, нашли необходимым, чтобы всеобщее благо, желаемое всеми людьми, не заключалось ни в одной из особых вещей, могущих принадлежать только одному, ибо, будучи разделены, они более печалат обладателя их, жалеющего о недостающей части, чем удовлетворяют его пользованием части, ему принадлежащей. Эти люди поняли, что истинное благо должно быть доступно всем одновременно и в одинаковой степени, чтобы не было места зависти, и никто против своего желания не мог его лишиться. (Они поняли его, но найти не могли, а вместо прочного и действительного блага ухватились за пустой образ фантастической добродетели.)

Наш инстинкт дает нам чувствовать необходимость искать счастье вне себя. Наши страсти влекут вас наружу, хотя бы даже и не представлялось предметов, способных вызвать их. Внешние предметы искушают и влекут вас к себе даже тогда, когда мы о них и не думаем. Поэтому, сколько бы ни говорили философы: войдите внутрь себя, там ваше благо, – им не верят; верят только самые пустые в глупые. (Что может быть смешнее и суетнее предлагаемого стоиками, и где столько лжи, как в их умствованиях?) Они полагают всегда возможным то, что возможно лишь иногда, и что, если желание славы побуждает к чему-нибудь одним, то это же могут сделать и другие. Это возбуждение лихорадочное, которому здоровое состояние подражать не может.

Внутренняя борьба между рассудком и страстями заставила ищущих покоя разделиться на две секты: одни хотели отказаться от страстей и сделаться богами, другие – отказаться от разума и стать животными. Но ни те, ни другие не достигли цели; не могли устранить разума, всегда осуждающего низость и несправедливость страстей и нарушающего покой тех, которые им предаются; равно и страсти вечно живы в людях, желающих от них отказаться.

(Вот чего может достигнуть человек своими собственными силами в отношении правды и блага.)

Вопреки всякому догматизму, мы бессильны доказать, что обладаем истиной, и, с другой стороны, никакой пирронизм не в силах у нас этого оспорить. Мы жаждем истины, а находим в себе одно сомнение. Ищем счастья, а встречаем лишь горе и смерть. Мы не в состоянии не желать истины и счастья, но неспособны ни к верному знанию, ни к счастью. Это желание оставлено нам сколько в наказание, столько и для того, чтобы дать нам почувствовать, с какой высоты мы пали.

II.

Если человек не создан для Бога, почему счастлив он только в Боге? Если человек создан для Бога, почему он так сопротивляется Богу?

III.

Человек не знает куда себя причислить. Он, видимо, блуждает, пал со своего настоящего места и не может опять найти его. Он с беспокойством, но без успеха, повсюду ищет его в непроницаемом мраке.

IV.

Представьте себе толпу людей в цепях, приговоренных к смерти; каждый день некоторые из них умерщвляются в виду остальных; остающиеся видят свое собственное положение в положении им подобных, и, смотря друг на друга с чувством скорби и безнадежности, ожидают своей очереди. Вот картина положения человечества.

Статья VII.

Против равнодушия атеистов

Хотя бы они, по крайней мере, как следует узнали оспариваемую ими религию, прежде чем опровергать ее. Если бы эта религия похвалялась, будто ясно видит Бога, что Он вполне открыт ей, то действительно значило бы опровергать ее, говоря что в мире нет ничего такого, что воочию свидетельствовало бы о присутствии Божиим. Но она, напротив, говорит, что люди находятся в мраке и отчуждении от Бога, что Он сокрыл себя от их познания и в Писании Сам называет Себя *Богом сокроуенным* (Ис. 45:15); наконец, она сама старается утвердить два следующие положения: что Бог установил в Церкви ощутительные признаки, по которым могли бы узнать Его искренно Его ищущие, и в то же время он настолько сокрыл эти признаки, что видеть Его могут только стремящиеся к Нему всем своим сердцем. Какая же польза для них, если они, будучи столь небрежными искателями истины, жалуются, что ни в чем не могут открыть ее? Ибо мрак, в котором они находятся и в котором упрекают Церковь, лишь служит подтверждением одного из упомянутых положений Церкви, не касаясь другого, и утверждает ее учение, нисколько не разрушая его.

Опровержение их имело бы силу в том только случае, когда бы они по праву могли сказать, что, употребив все усилия к отысканию истины, даже в том, что указывается как путь к истине самою Церковью, удовлетворительного результата не достигли. Говоря так, они действительно пошатнули бы одно из притязаний религии. Но я надеюсь показать здесь, что ни один разумный человек не говорил и не может говорить подобным языком. Известен образ действий людей такого порядка. Они думают, что сделали все, возможное для вразумления себя, употребив несколько часов на чтение какой-нибудь библейской книги и сделав несколько вопросов священнику об истинах веры. А потом хвалятся тщетностью своих исканий в книгах и между людьми. Но, право, не могу удержаться, чтобы не высказать не раз повторенного мною, – что подобная небрежность невыносима. Здесь идет дело не о каком-нибудь второстепенном вопросе, чтобы возможно было такое отношение к делу: речь идет о нас самих и обо всем, что нам должно быть особенно дорого.

Бессмертие души столь важный вопрос для нас, касается нас так глубоко, что равнодушие к нему служило бы признаком потери всякого сознания. В зависимости от ожидания вечных благ в будущей жизни, все наши действия и наши мысли должны принимать столь различное направление, что нет возможности не сообразовать всякое суждение наше с точкою зрения на этот самоважнейший для нас предмет.

Итак, первый интерес и первый долг наш – уяснить себе этот вопрос, от которого зависит все наше поведение. Поэтому-то между неубежденными в этом я строго различаю стремящихся всеми силами вразумить себя в этом отношении от тех, которые живут, нисколько о том не беспокоясь и не думая.

Я могу лишь с сочувствием относиться к людям, которые искренно скорбят, находясь в этом сомнении, видят в нем величайшее несчастье и, не жалея никаких усилий, чтобы рассеять его, считают это стремление своим главнейшим и серьезнейшим делом.

Но что касается тех, которые проводят жизнь, не думая об этой последней цели жизни и потому только, что не находят в себе самих данных для своего убеждения, не заботятся поискать их вне себя и тщательно исследовать, принадлежит ли это мнение к разряду принимаемых народом по своей доверчивой простоте, или оно из числа тех темных, по существу, вопросов, которые однако имеют очень прочное и непоколебимое основание – на таких людей я смотрю совершенно иными глазами.

Эта небрежность в деле, касающемся самого человека, его вечности, всего, что должно быть дорого ему, не столько трогает, сколько возмущает меня; по-моему, такое явление изумительно, ужасно, даже уродливо. Я говорю так не под влиянием священной ревности благочестия. Напротив, я хочу сказать, что чувство это должно вытекать из здравого

человеческого рассудка, в интересах самолюбия. Для этого нужна пронизательности не больше, чем у самых простых, самых непросвещенных людей.

Не нужно иметь особенно возвышенную душу, чтобы понять, что в здешней жизни не может быть полного и действительного удовлетворения; что все наши удовольствия одна суэта, а бедствия бесконечны; что, наконец, смерть, угрожающая нам ежечасно, должна неминуемо поставить нас через немного лет в ужасающую необходимость быть или навеки уничтоженными, или навеки несчастными.

Нет ничего ни несомненнее, ни ужаснее этого. Как бы мы ни храбрились, таков конец самой лучшей, в мирском смысле, жизни. Следовало бы поразмыслить об этом и сказать потом, не неоспоримо ли на самом деле, что в этой жизни нет иного блага, кроме надежды будущей жизни; что тем счастливее человек, чем ближе к ней, и что как нет более несчастий для того, кто совершенно уверен в ожидающей его вечности, так и не может быть счастья для людей, нисколько в этом отношении не просвещенных.

Конечно, велико несчастье находиться в этом сомнении; но мы обязаны, по крайней мере, стараться выйти из него, если оно есть в нас, а потому сомневающийся и не ищущий уверенности крайне несчастлив и, вместе, крайне несправедлив. Если он при этом спокоен и доволен, хвалится и тщеславится этим, даже находит предмет радости и гордости в таком состоянии; – я решительно теряюсь, как назвать такое нелепое существо.

И откуда могут являться подобные чувства? Какая радость не видеть впереди ничего, кроме неисцелимых зол? Что славного в этом непроницаемом мраке, и как может здравомыслящий человек рассуждать следующим образом?

«Я не знаю, кто дал мне место в этом мире, ни что такое мир, ни что такое я сам. Я нахожусь в страшном неведении всего. Не знаю ни своего тела, ни своих чувств, ни души, ни даже той части меня самого, которая мыслит то, что я говорю, размышляет обо всем и о себе самом и, однако, так же мало знает себя, как и все остальное. Я вижу обнимающие меня неизмеримые пространства вселенной, сам же приурочен к небольшому уголку этого необъятного протяжения, не ведая, почему именно здесь, а не там мое место, почему данное мне малое время назначено мне в этот, а не в другой момент, как всей предшествовавшей мне, так и последующей вечности».

«Отовсюду мне видны неизмеримые величины, заключающие меня в себе, как атом, как мимолетную, минутную тень».

«Все, что я знаю, это недалекая моя смерть, и самое недоступное моему познанию – та же неизбежная для меня смерть».

«Как неизвестно мне мое прошлое, так неведомо и будущее; одно только знаю, что по выходе из этого мира я навсегда повергаюсь или в ничтожество, или в руки разгневанного Бога, не ведая, какое из этих двух положений станет моим вечным уделом. Таково мое состояние, полное бедствий, немощей, мрака. И из всего этого я заключаю, что должен проводить все дни своей жизни, не помышляя проникнуть в грядущую судьбу мою. Может быть, мне и удалось бы несколько рассеять свои сомнения; но я не хочу брать на себя эту заботу, не сделаю ни шагу навстречу этому свету, а потом, относясь с презрением к тем, которые бы взяли на себя такой труд, я без боязни и предразмышления встретил бы это великое событие; без сопротивления дал бы вести себя на смерть, не будучи уверен в вечности своего будущего состояния».

Кто пожелал бы иметь другом человека, говорящего таким языком? Кто выбрал бы его из числа других, чтобы вверить ему свои дела? Кто прибегнул бы к нему в минуту своей скорби? И, наконец, какую пользу в жизни мог бы принести такой человек?

Действительно, для религии достойно иметь врагами таких неблагоприятных людей; сопротивление их так опасно для нее, что, напротив, служит к утверждению ее главных истин. Ибо христианская вера, главным образом, стремится установить два следующие положения: растление нашей природы и Искупление. А если они и не доказывают истины Искупления святостью своих нравов, то, по крайней мере, замечательным образом подтверждают растление природы такими неестественными чувствами.

Ничто так не важно для человека, как его положение; ничто так не страшно, как вечность. Поэтому в людях совершенно неестественно равнодушие к утрате своего бытия и к опасности подвергнуться вечному бедствию. Совсем не так относятся они ко всем другим вещам: боятся всего до малейшей безделицы, стараются все предусмотреть, всему сочувствуют; и тот самый человек, который проводит столько дней и ночей в досаде и отчаянии по поводу потери должности или какого-нибудь воображаемого оскорбления своей чести, – тот же самый человек знает, что со смертью теряет все, и это не беспокоит и не волнует его. Явление уродливое, что в одном и том же сердце, в одно и то же время обнаруживается такая чувствительность к самым малейшим вещам и такое равнодушие к самым важным.

Это необъяснимое увлечение с одной стороны и неестественное усыпление с другой – свидетельствуют о всемогущей силе, вызывающей эти явления.

Только странным извращением природы человека можно объяснить себе, почему многие считают славным положение, которое, по-видимому, невыносимо и для одного человека. Между тем, по опыту мне известно, что эта удивительная многочисленность подобных людей только кажущаяся, ибо большинство их притворяется индифферентными, будучи на самом деле совершенно иного мнения. Это люди, слышавшие, что выдавать себя верующим не принято в изящном обществе. Они называют это свержением ига и подражают вольнодумцам по моде. Но не трудно было бы доказать им, как сильно они обольщают себя, думая снискать этим уважение. Оно приобретает не таким путем, даже между людьми светскими, имеющими здравое суждение о вещах и знающими, что достигнуть успехов в свете можно только обнаружением в себе честности, верности, здравомыслия и способности приносить пользу своему другу; ведь люди естественно любят только то, что может быть им полезно. А что за выгоду обещает нам человек, который, как выражается он, свергнул иго, не верит в существование Бога, который бы следил за его действиями, считает себя единственным господином своего поведения и только самому себе готов дать в нем отчет? Думает ли он, что таким признанием в состоянии приобрести наше доверие, что мы можем ожидать от него утешения, советов или помощи в минуту жизненной невзгоды? Не воображают ли они, что доставили нам удовольствие, высказавшись о душе, как о легком дуновении ветра или частице пара и, притом, таким гордым и самодовольным тоном. А разве это такая вещь, чтобы говорить о ней шутя? Не уместнее ли было бы, напротив, высказывать такую мысль с выражением печали, как о самой скорбной вещи в мире?

Если бы они серьезно думали о том, то увидели бы сами, что такое отношение к делу столь неуместно, так противно здравому смыслу, так несогласно с порядочностью и во всех отношениях далеко от хорошего тона, которого они добиваются, что скорее в состоянии вразумить, чем развратить тех, в которых есть некоторая склонность им последовать. И в самом деле, заставьте их дать отчет в своих чувствах и причинах религиозного сомнения: они приведут вам столь слабые и ничтожные доводы, что убедят вас в противном. Это самое было однажды, весьма кстати, сказано им одною особою: если вы будете разговаривать подобным образом, то, по чести, вы меня сделаете верующим. И он был прав: кто не ужаснулся бы, увидав, что разделяет взгляд людей, столь достойных презрения.

Поэтому неверующие только по внешности должны чувствовать себя несчастными, насилуя свой здравый смысл ради того, чтобы сделаться людьми самыми дерзкими и безрассудными. Если они в глубине души скорбят о том, что недостаточно просвещены в этом отношении, то напрасно скрытничают: такое призвание нисколько не предосудительно. Стыдно только быть совершенным невеждой в этом вопросе. Ничто так не обличает крайней слабости ума, как непризнание всей силы несчастья безбожника. Ничто не доказывает так дурных склонностей сердца, как нежелание видеть оправдавшимися вечные обеты. Самый трусливый тот, кто выказывает себя храбрецом перед Богом. Итак, пусть они предоставят это нечестие тем, которые действительно способны к нему вследствие своей испорченности; пусть, по крайней мере, будут честными людьми, если не могут быть христианами, и пусть, наконец, признают, что есть только два разряда людей, действительно рассудительных: это

или те, которые, уже зная Бога, служат Ему всем своим сердцем, или те, которые всем сердцем ищут Его, потому что Его не знают.

Но что касается живущих в неведении Бога и не старающихся обрести Его, то они сами себя считают так мало достойными собственных забот, что становятся недостойными и попечений со стороны других. Необходимо все человеколюбие презираемой ими религии, чтобы не презирать их до предоставления их собственному безумию. Эта религия обязывает смотреть на них, пока они живы, как на способных к восприятию могущей просветить их благодати, и верить, что через короткое время они могут исполниться веры в большей мере, чем мы сами; мы же, напротив, можем впасть в ослепление, подобное тому, в котором находятся они. Следовательно, мы должны делать для них то, что желали бы, чтоб делали для нас, если бы мы были в их положении; должны убеждать их сжалиться над самими собою и сделать хотя несколько шагов ради попытки получить вразумление. Пусть они отдадут этому чтению хотя небольшую часть того времени, которое так бесполезно тратят на другие занятия. Несмотря на их отвращение к такому чтению, они, может быть, найдут в нем кое-что, или, по крайней мере, много и не потеряют. Что же касается приступающих к чтению с совершенною искренностью и действительным желанием встретить истину, то я надеюсь, что они получат удовлетворение и собранными мною здесь доказательствами убедятся в истинности столь божественной религии.

Статья VIII.

Разумнее верить, чем не верить в то, чему учит христианская религия

Наша душа поселена в теле, где она находит число, время, протяжение. Она рассуждает об этом, называет это природой, необходимостью и иному верить не может.

Единица, прибавленная к бесконечному, ничем его не увеличивает, как один фут ничего не прибавит к бесконечной мере. Конечное уничтожается в присутствии бесконечного и становится чистым ничтожеством. Так и наш ум перед Богом; так и наше правосудие перед правосудием Божиим.

Мы знаем, что есть бесконечное, а природы его не знаем, как зная, что можно было бы считать числа конечными, не сомневаемся поэтому, что в числе есть бесконечное, но мы не знаем, каково оно. Неправильно считать его четным, равно неправильно и утверждать, что оно нечетно, так как с прибавлением к нему единицы оно нисколько не изменяется в своей природе. Между тем, это – число, а всякое число четно или нечетно; таков, несомненно, характер всех конечных чисел.

Таким образом, можно хорошо знать, что Бог есть, не зная, что Он такое.

Существование и природа конечного нам известны, потому что мы сами подобно ему конечны и имеем протяжение.

Мы знаем о существовании бесконечного, не зная его природы, потому что, имея подобно нам протяжение, оно не имеет пределов, как мы; но мы не знаем ни существования, ни природы Бога, так как он ни протяжения, ни границ не имеет.

Верую, однако, мы познаем Его существование, а в царстве *славы* откроется нам и Его природа. А я уже доказал, что можно знать о существовании чего-нибудь, не зная его природы.

Будем рассуждать теперь на основании природного рассудка.

Если Бог есть, то Он окончательно непостижим, так как, не имея ни частей, ни пределов, Он не имеет никакого соотношения с нами. Поэтому мы не способны познать, ни что Он, ни есть ли Он. Раз это так, кто осмелится взять на себя решение этого вопроса? Только не мы, не имеющие с Ним никакого соотношения.

Как же после этого порицать христиан, что они не могут дать отчета в своем веровании, когда они сами признают, что их религия не такова, чтобы можно было давать в ней отчет? Они заявляют, что в мирском смысле это *безумие* (1Кор. 1:19, а также 2 гл.). А вы жалуетесь, что они вам не доказывают ее! Если бы стали доказывать, то не сдержали бы слова: именно, это отсутствие с их стороны доказательств и говорит в пользу их разумности.

«Да, но если это извиняет тех, кто говорит, что религия недоказуема, и снимает с них упрек в непредоставлении доказательств, то это самое не оправдывает принимающих ее».

Исследуем этот пункт, и скажем: Бог есть или Бога нет. Но на которую сторону мы склонимся? Разум тут ничего решить не может. Нас разделяет бесконечный хаос. На краю этого бесконечного расстояния разыгрывается игра, исход которой неизвестен. На что вы будете ставить? Разум здесь не при чем, он не может указать вам выбора. Поэтому не говорите, что сделавшие выбор заблуждаются, так как ничего об этом не знаете.

«Нет; но я порицал бы их не за то, что они сделали тот или другой выбор, а за то, что они вообще решились на выбор; так как одинаково заблуждаются и выбравшие чет, как и выбравшие нечет. Самое верное совсем не играть».

Да, но делать ставку необходимо: не в вашей воле играть, или не играть. На чем же вы остановитесь? Так как выбор сделать необходимо, то посмотрим, что представляет для вас меньше интереса: вы можете проиграть две вещи, истину и благо, и две вещи вам приходится ставить на карту, ваши разум и волю, ваше познание и ваше блаженство; природа же ваша

должна избегать двух вещей: ошибки и бедствия. Раз выбирать необходимо, то ваш разум не потерпит ущерба ни при том, ни при другом выборе. Это бесспорно; ну, а ваше блаженство?

Взвесим выигрыш и проигрыш, ставя на то, что Бог есть. Возьмем два случая: если выиграете, вы выиграете все; если проиграете, то не потеряете ничего. Поэтому, не колеблясь, ставьте на то, что Он есть.

«Отлично, следует так поступить; но, может быть, я делаю слишком большую ставку?»

Посмотрим. Так как случайности выигрыша и потери одинаковы, то если бы вам представлялась возможность выиграть только две жизни за одну, то и тогда рискнуть этою одною не было бы неразумно. А если бы можно было выиграть три жизни, риск был бы еще уместнее (так как вы в необходимости играть), и вы поступили бы неблагоприятно, не рискнув своею жизнью ради выигрыша трех жизней в такой игре, где случайности выигрыша и проигрыша одинаковы. Но есть вечная жизнь и вечное счастье. Поэтому было бы глупостью не поставить на карту конечное ради бесконечного, если б даже из бесконечного числа случайностей одна только была на вашей стороне, не говоря уже об игре при одинаковых шансах за и против. Выигрыш и риск здесь уравновешены. Везде, где дано бесконечное и нет бесконечно великого риска проигрыша против вероятности выигрыша, там нечего взвешивать, а нужно отдавать все. Таким образом, будучи принуждены играть, мы, желая сохранить свою жизнь, вместо того чтобы рискнуть ею ради выигрыша бесконечного – столь же возможного, как и проигрыш ничтожества, – доказываем, что действуем вопреки рассудку.

Ни к чему не послужило бы возражение, будто рискуешь верным ради гадательного выигрыша и что бесконечное расстояние, отделяющее *несомненность* ставки от *сомнительности* выигрыша, равняется конечному благу, которое ставится несомненно ради сомнительного бесконечного. Это не так. Всякий игрок рискует с уверенностью ради выигрыша, в котором не уверен, и тем не менее он несомненно рискует конечным для сомнительного выигрыша конечного же, нисколько не погрешая этим против рассудка. Ложно думать, что между этою уверенностью в ставке и неуверенностью в выигрыше расстояние бесконечно. В действительности же бесконечность есть только между несомненностью выигрыша и несомненностью потери. Но сомнительность выигрыша пропорциональна несомненности ставки, как это вытекает из отношения случайностей выигрыша и потери. Отсюда выходит, что если случайностей с одной стороны столько же, сколько и с другой, то идет партия равная против равной, и тогда уверенность в ставке равняется неуверенности в выигрыше. Таким образом, наше предложение бесконечно сильно, когда рисковать приходится конечным в игре, где случайности выигрыша и проигрыша одинаковы, и выигрышем может быть бесконечное. Это доказывается само собою; и если люди способны понимать какие-нибудь истины, это одна из них.

«Согласен и признаюсь в этом. Но нет ли возможности узнать оборотную сторону этой игры?»

Как же, для этого есть Писание и пр.

«Так; но у меня руки связаны, и я лишен возможности говорить; меня заставляют играть и я лишен свободы; меня не выпускают, а я создан так, что не могу верить. Что же мне теперь делать?»

Это верно. Но поймите, по крайней мере, что вы бессильны верить, так как, не смотря на принуждение со стороны разума, вы все-таки верить не можете. Старайтесь же убедить себя не добыванием новых доказательств бытия Божия, а уменьшением своих страстей. Вы хотите достигнуть веры, а пути к ней не знаете; желая излечиться от неверия, просите лекарств. Спросите об этом у тех, которые, подобно вам, были связаны, а теперь жертвуют всем своим достоянием. Эти люди знают путь, которым вы намерены идти, и вылечились от недуга, от которого и вы хотите избавиться. Начните так же, как и они начали; а они начинали с того, что делали все так, как бы уже веровали: пили святую воду, заказывали обедни и т. д. Это именно и научит вас верить и смирит ваш ум.

«Но этого-то, я и боюсь.»

Почему же? Что вы этим теряете?

Верность этого средства для нашей цели доказывается уже способностью его смягчать страсти, служащие воле значительным препятствием и т. д.

Да и чего дурного можете вы опасаться от этого решения? Вы сделаетесь верным, честным, скромным, признательным, благодетельным, искренним, истинным другом. Действительно, вы отшатнетесь от заразительных удовольствий, славы, наслаждений; но разве вам нечем будет заменить их?

Я говорю вам, что останетесь в выигрыше в этой жизни; с каждым вашим шагом по этому пути вам будет представляться выигрыш столь несомненным, а риск – таким ничтожным, что вы, наконец, убедитесь, что держали пари на нечто действительно несомненное, бесконечное, за которое ничем не заплатились.

«О, я в восторге от этой беседы и т. д.»

Если эта речь вам нравится и кажется сильной, знайте, что она написана человеком, который до и после нее становился на колена и молился бесконечному Существо, которому он предается всецело, чтобы Он предал Себе и вас ради вашего блага и Его славы. Знайте, что сила в немощи совершается.

Статья IX.

Признаки истинной религии

I.

Истинная религия должна обязывать любить своего Бога. И это весьма справедливо; между тем, только одна наша религия возлагает эту обязанность. Она должна также признать греховность и немощность человека (самому достичь добродетели); наша религия это исполнила. Она должна дать к тому средства, одно из которых есть молитва. Никакая (другая) религия (никогда) не просила у Бога помощи в этой любви и послушании Его воле.

II.

Истинная природа человека, его истинное благо, истинная добродетель и истинная религия суть вещи, познание которых неразделимо.

III.

Чтобы быть истинной, религии нужно знать нашу природу, знать наше величие и в то же время наше ничтожество, а равно и причину того и другого. Какая другая религия, кроме христианской, познала это?

IV.

Другие религии, как например, языческие, более доступны для простого народа, ибо ограничиваются одной внешней стороной, но не пригодны для людей мыслящих. Последним более соответствовала бы чисто умственная религия; зато она не годилась бы для народа. Одна христианская религия отвечает этим обоим требованиям: в ней есть и внешняя, а внутренняя сторона. Она возвышает народ до понимания ее внутреннего содержания и принижает горделивых до внешней своей стороны; без этого она была бы несовершенна, ибо необходимо, чтобы народ понимал дух буквы, а мыслящие и рассуждающие подчиняли свой ум букве. Внешность должна сопровождать внутреннее настроение, чтобы испросить чего-либо от Бога, т. е. нужно становиться на колена, молиться устами и т. д., так чтобы гордый человек, не хотевший подчиниться Богу, подпал бы теперь в подчинение твари. Ждать помощи от этой внешности было бы суеверием, как нежелание присоединять ее к внутреннему содержанию облачало бы гордость.

V.

Никакая другая религия не учила человека ненавидеть себя. Потому никакая другая религия не может нравиться тем, которые ненавидят себя, ища существа действительно достойного любви. Такие люди, если бы никогда и не слыхала о религии униженного Бога, приняли бы ее немедленно. Ни одна религия (кроме христианской) не признала в человеке самой совершенной и, в то же время, самой жалкой твари. Одни, хорошо сознавая его совершенства, считали низостью и неблагодарностью те невысокие понятия, которые люди естественно имеют о себе; другие же, вполне понимая всю справедливость невысокого понятия о себе человека, встречали презрительной насмешкой это одинаково свойственное ему сознание величия. Только наша религия научила, что человек рождается во грехе; никакая философская секта этого не сказала; стало быть, и ни одна не сказала правды.

VI.

Если бы существовала только одна религия, то Бог был бы очень явен, как и в том случае, если бы мученики были только в нашей религии.

VII.

Так как Бог сокровен, то всякая религия, которая не говорит, что Бог сокровен, и не объясняет этого, ложна и не поучительна. Наша вера, напротив, говорит: *Истинно Ты Бог сокровенный* (Ис. 45:15).

Эта религия, заключающаяся в веровании, что человек из состояния славы и общения с Богом впал в состояние печали, раскаяния и удаления от Бога, но что после этой жизни мы будем восстановлены (в наше первобытное состояние) имеющим явиться Мессией – существовала всегда на земле. Все миновало, не миновала только эта вера, ради которой все существует. Люди, в первые века бытия, совратились во всякое беззаконие, непорядок, но в то же время между ними были святые, как Энох, Ламех и другие, которые терпеливо ждали Христа, обещанного от начала мира. Ной был свидетелем высочайшей степени человеческой злости и удостоился быть восстановителем человечества, нося в себе надежду о Мессии, которого он был прообразом. Авраам был окружен язычниками, когда Бог сообщил ему тайну пришествия Мессии, которого он приветствовал издали (Ин. 8:56). Во времена Исаака и Иакова идолопоклонство было распространено по всей земле, но эти святые пребывали в вере, и Иаков, умирая и благословляя своих детей, охваченный священным восторгом, который заставляет его прервать свою речь, восклицает: «Спасения твоего ожидаю, Господи!» (Быт. 49:18).

Египтяне были заражены идолопоклонством и магией; даже сам народ Божий был увлечен их примером. Однако Моисей и другие веровали в Того, Кто был сокрыт от глаз их, и поклонялись Ему ради вечных благ, Им для них уготованных.

Затем ложные божества господствовали у греков и римлян; поэты их сочинили сотню различных теологий, философы разделились на тысячи всевозможных сект, а в то же время в сердце Иудеи постоянно являлись избранные люди, носившие в себе и проповедовавшие мысль о пришествии только им известного Мессии.

Наконец, по совершении времен, Он явился; и с тех пор родилось столько схизм и ересей, пало столько государств, произошло столько перемен во всем, а Церковь, поклоняющаяся Тому, Кто не переставал быть предметом поклонения, просуществовала без перемены. Замечательно, несравнимо и вполне божественно то, что эта непрерывно пребывающая религия подвергалась постоянным нападкам. Тысячу раз она была накануне полного разрушения, и всякий раз, когда находилась в таком положении, Бог воздвигал ее чрезвычайными средствами Своего могущества. Вот что изумительно, а также и то, что она пребыла, не преклоняясь и не падая под властью тиранов.

Государства не могли бы существовать, если бы часто не подчиняли своих законов силе необходимости. Но религия никогда не испытывала этого и не прибегала к такому средству. Для государств необходимо это приноравливание к обстоятельствам, или нужно бывает чудо, чтобы спасти их. Неудивительно сохранить себя чрез подчинение необходимости, и это еще не значит собственно соблюсти себя. В конце концов государства все-таки разрушаются. Религия же, пребывавшая нерушимой и непреклонной при всех обстоятельствах, уже одним этим доказывает свою божественность.

VIII.

Слишком неясна была бы истина, если бы не имела видимых признаков. Из таковых чудесен тот, что она всегда сохранялась в Церкви и видимом обществе. Наоборот, истина была бы слишком ярка, очевидна, если бы в этой Церкви было только *одно* мнение; но,

чтобы узнать какое мнение истинно, нужно только распознать то, которое было во все времена, ибо несомненно, что истинное мнение всегда в ней пребывало, ложное же всегда было непрочно и с течением времени погибало. Таким образом, вера в Мессию существовала всегда и непрерывно. Предание об Адаме было еще живо в Ное и Моисее. Затем Мессию предвозвещали пророки, предсказывая и многие другие события, которые, совершаясь от времени до времени в глазах людей, свидетельствовали об истинности служения пророков, а, следовательно, и о неложности их обещаний касательно Мессии.

Иисус Христос творил чудеса, равно и апостолы, которые обратили всех язычников; и таким путем все пророчества исполнились, доказав навсегда истинность Мессии.

IX.

Я вижу несколько противоположных, а, следовательно, и ложных религий, за исключением одной. Каждая из них хочет уверить в себе своим собственным авторитетом и угрожает неверным. Я не даю им веры. Всякий может говорить так, каждый может выдавать себя за пророка. Но в христианской религии я нахожу пророчества и их исполнение, чего нет ни и какой другой религии.

X.

Единственная религия, противная природе в нынешнем ее состоянии, отвергающая все наши удовольствия и кажущаяся на первый взгляд несогласною со здравым смыслом, одна только и пребывала на земле постоянно.

XI.

Весь ход вещей должен иметь предметом утверждение и величие религии; люди должны иметь в самих себе чувства, согласные с ее учением; наконец, она настолько должна быть предметом и средоточием всех стремлений, чтобы познавший ее учение мог уяснить себе, как всю природу человека в частности, так и всю внутреннюю историю человечества вообще.

Нечестивцы хулят христианскую веру, потому что плохо знают ее. Они воображают, что она состоит только в поклонении Богу великому, могущественному и вечному. В этом собственно заключается деизм, почти столь же далекий от христианской религии, как и атеизм, вполне противоположный первому. Отсюда они заключают, что эта религия не истинная, не видя, как все клонится к установлению того положения, что Бог не обнаруживает себя людям в той мере, как бы Он мог.

Но к каким бы заключениям они ни прибегали относительно деизма, они не будут в состоянии ничего противопоставить религии христианской, заключающейся, собственно, в тайне Искупителя, который, соединяя в Себе обе природы, божескую и человеческую, освободил людей от повреждения греха, чтобы примирить их с Богом в Своей божественной личности.

Она указывает человеку одновременно две истины: что существует Бог, к которому он может приблизиться, и что, с другой стороны, есть повреждение в природе человека, делающее его недостойным Бога. Равно важно людям знать то и другое: одинаково опасно для человека знать Бога, не зная своего ничтожества, и знать свое ничтожество, не ведая могущего исцелить его Искупителя. Одно из этих познаний без другого производит или гордость философов, ведавших Бога, но не сознававших своего ничтожества, или безнадежность атеистов, сознающих свое ничтожество без надежды от него избавиться. Таким образом, как с одной стороны человеку равно необходимо знать обе эти истины, так равно необходимо было милосердию Божию привести нас к познанию их, – что и делает христианская религия, и в этом она заключается. Пусть исследуют порядок мира в этом

отношении и тогда увидят, что все клонится к установлению этих двух основных начал христианской веры.

ХII.

Только слепой не нашел бы нас исполненными высокомерия, тщеславия, похотей, слабостей, ничтожества и неправды. Что можно сказать о человеке, который, сознавая все это не хочет избавления? Как можно не уважать религию, столь хорошо знающую наши недостатки? Как не желать оправдания ее истины, когда она обещает нам столь желанное исцеление?

Статья X.

Истинная религия доказывается заключающимися в человеке противоположностями и первородным грехом

I.

Великие и жалкие стороны настолько заметны в человеке, что истинная религия необходимо должна объяснить какими-нибудь важными причинами это одновременное величие и ничтожество.

Если все имеет одну причину и все ведет к одной цели, то дело истинной религии научить нас почитать и любить только одну эту цель. Но так как мы не в состоянии почитать то, чего не знаем, а любить можем только самих себя, то необходимо, чтобы религия, указывая нам эти обязанности, указала нам также нашу несостоятельность и научила нас, как помочь ей.

Чтобы сделать человека счастливым, она должна показать ему, что есть Бог, что мы обязаны любить Его, что наше истинное благо пребывать в Нем и наше единственное несчастье быть в разлучении с Ним; что мы полны мрака, мешающего нам познавать и любить Его, и что, таким образом, мы окончательно неправы, не исполняя своего долга любви к Богу, а подчиняясь влечениям плоти. Она должна объяснить нам причину противления нашего Богу и собственному благу; указать нам средства от этих немощей и каким образом приобрести эти средства. Испытайте в этом отношении все религии мира и вы не найдете ни одной, кроме христианской, которая удовлетворяла бы этим требованиям.

Не укажут ли нам на философов, которые говорят, что все благо заключается в нас самих? Истинное ли это благо? Нашли ли они средство против наших зол? Приравнять человека к Богу, значит ли исцелить его самонадеянность? Ставящие нас наравне с животными и магометане, полагающие все благо человека в удовлетворении его плотских склонностей даже и в будущей вечной жизни, – разве они дали нам средство против наших плотских вожделений? Поднимите ваши взоры к Богу, говорят одни, посмотрите на Того, которому вы уподоблены и который создал вас для поклонения Ему; мудрость уравнивает вас с Божеством, если вы будете ей следовать. Другие же говорят: опусти взор долу, ничтожный червь, и посмотри на животных, твоих сородичей.

Что же будет с человеком? Приравняется ли он Богу или животному? Какое страшное расстояние! Что же станет с нами? Одно может быть заключение из всего этого, что человек заблудился, что он упал со своего места, ищет его с беспокойством и не может найти. Кто укажет ему дорогу? Самые великие люди не могли этого сделать. Какая религия научит нас исцелить гордость и привязанность к нашей плоти? Какая религия, наконец, укажет нам наше благо, наши обязанности, слабости, отвлекающие нас от их исполнения, причину этих слабостей, лекарства к уврачеванию последних и средство добыть таковые. Все другие религии оказались бессильными в этом отношении. Но вот что говорит нам Премудрость Божия:

«Напрасно, о люди, ищите вы в самих себе средств против ваших несчастий. Весь ваш разум может достигнут только сознания, что в самих себе вы не найдете ни истины, ни блага. Философы обещали вам это, но не могли исполнить своего обещания. Они не знают ни вашего истинного блага, ни вашего истинного положения. Как могли бы они дать средства против болезней, которых сами не познали? Ваши главные недуги – гордость, отвлекающая вас от Бога, и чувственность, привязывающая вас к земле; а они, если и старались излечить, то лишь от одного из этих недугов. Если они обращали ваше внимание на Бога, то только для того, чтобы дать пищу вашему высокомерию. Они заставили вас думать, что вы подобны

Ему по своей природе. Те же, которые видели тщету этих притязаний, бросили вас в другую пропасть, убеждая вас, что ваша природа одинакова с животными, и научили вас искать блага в удовлетворении одних плотских стремлений, составляющих удел животных. Не такими средствами могут быть исцелены ваши неправды, которых эти судьи в не знали совсем. Не ждите, говорит премудрость, ни истины, ни утешения от людей. Я одна создала вас и одна могу сказать вам, кто вы. Но вы уже не в том состоянии, как Я создала вас. Я сотворила человека святым, невинным, совершенным; Я наполнила его светом и разумением; Я сообщила ему Свою славу и Свои превосходства. Глаз человека созерцал тогда величие Божие. Он не был тогда во мраке, который его теперь ослепляет, не был подвержен удручающим его ныне смерти и печалям. Но он не смог вынести столько славы, не впав в самомнение. Он захотел сделаться средоточием самого себя и независимым от Моей помощи. Он вышел из Моего повиновения, и, уподобляясь Мне в желании находить блаженство в самом себе, был покинут Мною. Возбудив подчиненную ему тварь, Я сделала из нее врагов ему, так что ныне человек сам стал подобен зверям и настолько удален от Меня, что у него осталось лишь смутное понятие о его Творце, – так затемнены в изглажены его понятия! Чувства, не зависящие от разума и часто подчиняющие его себе, увлекли его к исканию наслаждений. Всякая тварь или вредит ему, или его искушает; господствует над ним, подчиняя его себе силою или обольщая своими прелестями, что еще ужаснее в непроборимее».

«Вот в каком состоянии находятся теперь люди. У них остается некоторое представление о счастии их первобытного состояния, но они повергнуты в бедствия своего ослепления и плотских побуждений, сделавшихся их второй природой».

«Из этого открытого вам Мною начала вы можете узнать причину стольких противоречий в вашей природе, составлявших предмет удивления людей и приводивших их к столь различным воззрениям. Обратите теперь внимание на всевозможные побуждения к величию и славе в человеке, которых не могло искоренить в нем все сознание испытываемых им бедствий и ничтожества, и рассудите, не следует ли причину этого искать в какой-либо иной природе».

II.

Удивительно, между тем, что самая непостижимая для нашего разума тайна – преемственность или наследственность первородного греха, и есть именно то, без чего мы никоим образом не можем познать самих себя! И действительно, ничто не противоречит так нашему разуму, как ответственность за грех первого человека тех, которые, будучи столь удалены от первовиновника греха, никак, по-видимому, не могут нести вины за него. Эта наследственность вины кажется нам не только невозможной, но и крайне несправедливой: с нашим жалким правосудием никак не согласуется вечное осуждение неспособного сына за грех, в котором он принимал, по-видимому, так мало участия, – как в событии совершившемся за несколько тысяч лет ранее его появления на свет. Конечно, такое учение поразительно для нас; но без этой тайны, самой таинственной из тайн, мы не будем понятны самим себе. Вся наша жизнь, все наши действия вращаются в глубине этой тайны; так что без нее человек еще непостижимее самой тайны.

Первородный грех есть безумие в глазах людей; но я этого не отрицаю. Вы не можете, стало быть, упрекнуть меня в неразумии за это учение, так как я выдаю его за безумное. Но это безумие мудрее всей мудрости человеческой, потому что безумное Божие мудрее человек (1Кор. 1:25). Ибо, без этого учения, как определить, что такое человек? Все состояние его зависит от этой незаметной точки. И как бы он заметил ее своим разумом, когда эта вещь выше его разума и когда разум его, весьма далекий от возможности открыть ее доступными ему путями, отдаляется от нее тотчас же, как ее укажут ему?

III.

Так как оба эти состояния (невинности и растления) налицо, то вам нельзя не признать их. Следите за собою, и вы найдете несомненные признаки этих двух природ. Могло ли бы столько противоречий заключаться в существе простом?

Эта двойственность в человеке так заметна, что были люди, полагавшие в нем две души; простое существо казалось им неспособным проявлять такое разнообразие – безмерную гордость и страшное унижение.

Эти-то противоположности, наиболее удалявшие меня, по-видимому, от понимания религии, и привели меня всего скорее к признанию ее истинности.

Признаюсь, коль скоро христианская религия открывает ту истину, что природа человеческая повреждена и отпала от Бога, она, вместе с тем, делает доступным моему взору повсюду обнаруживающиеся признаки этой истины; ибо природа, как в человеке, так и вне человека, повсюду свидетельствует об утраченном Боге.

Без этих божественных указаний что могли сделать люди? Они или возносились чрезмерно под влиянием остававшегося в них внутреннего ощущения о былом величии, или пресмыкались в виду своей настоящей немощи. Не видя всей истины, они не могли достигнуть совершенной добродетели. В силу признания своей природы неповрежденною одними и – неисправимою другими, они впали или в гордость, или в леность, порождающие все остальные пороки, будучи не в состоянии или не предаться им по малодушию, или избавиться от них по гордости. Зная превосходство человека, люди не знали его поврежденности; а это заставляло их избегать лености, но зато вводило в самомнение. Если же они сознавали испорченность своей природы, то не разумели ее достоинств и, избегая таким образом тщеславия, повергались в отчаяние.

Таким путем возникли секты стоиков и эпикурейцев, догматиков и академиков и т. д. Одна христианская религия могла исцелить оба эти порока – и не мудростью земною, а простотою Евангелия. Справедливым и правым она поведала, что может возвысить до общения с самим Божеством, хотя и в этом состоянии они еще носят в себе источник растления, который в течение всей жизни подвергает их заблуждению, бедствиям, смерти, греху; нечестивым же она обещает возможность спастись милосердием их Искупителя. Таким образом, заставляя трепетать оправдываемых и утешая осуждаемых ею, она так справедливо умеряет страх надеждою, указывая на общую всем способность грешить и возможность помилования, что не толкая человека в отчаяние, она смиряет его бесконечно сильнее, чем бы это мог сделать один человеческий ум. С другой стороны, она бесконечно больше естественной гордости возвышает человека, не допуская его до кичливости. Такими средствами она доказывает, что ей одной, свободной от греха заблуждения, приличествует служить наставницей и исправительницей человеков.

Кто же может не уверовать и не поклониться этому небесному свету? Не яснее ли дня, что мы чувствуем в себе неизгладимый признак величия и неодинаково ли верно, что мы ежечасно испытываем последствия нашего жалкого состояния? Разве в этом хаосе, в этом чудовищном смятении не слышится нам незаглушимый голос истины об этой раздвоенности природы нашей?

IV.

Мы не понимаем ни славного состояния Адама, ни (сущности) его греха, ни происшедшей в нас от того перемены. Свершились эти события при условиях, совершенно отличных от наших, и которых постичь мы не в силах. Да это нам и не нужно знать, чтобы выйти из нашего жалкого положения; для нас важно убедиться, что мы действительно жалки, повреждены, разлучены с Богом, по искуплены Иисусом Христом; а на это есть на земле замечательные доказательства.

V.

Христианство странно: оно повелевает человеку признать себя ничтожным, даже презренным и в то же время повелевает ему уподобляться Богу. Без такого противовеса это возвышение сделало бы его безмерно тщеславным, а принижение – отвратительным до последней степени.

VI.

Унижение доводит до отчаяния, величие внушает высокомерие.

О степени поврежденности нашей можно судит уже по тому, что для восстановления человека потребовалось столь великое средство, как воплощение Сына Божия.

VII.

В христианской религии нет унижения, которое делало бы нас неспособными к добру, как нет святости, свободной от зла.

Нет иного более соответствующего человеку учения, как учение христианское, которое указывает ему его двойную способность получать и терять благодать, в силу двойной угрожающей ему постоянно опасности – отчаяния или гордости.

VIII.

Философы не возбуждали чувств, соответственных этим двум состояниям вместе; они, вопреки действительному состоянию, внушали побуждения или одного величия, или одного унижения. Требуется же самоунижение не по природе, а как покаяние; не для того чтобы пребывать в нем, но чтобы восходить к величию. Равно желательны побуждения величия, не по заслуге, а по благодати и чрез унижение.

IX.

Ни один человек так не счастлив, так не разумен, так не добродетелен и достоин любви, как истинный христианин. Как мало гордится он верою в возможность своего единения с Богом! Как мало возмущается, сравнивая себя с червем земным!

X. «Невероятно, чтобы Бог соединялся с нами»

Говорить так можно только в виду нашего ничтожества. Но, если такое воззрение ваше искренно, то идите дальше в этом же смысле и признайте вместе со мною, что мы действительно так низки, ничтожны, что сами никак не в состоянии судить, может или не может Его милосердие сделать нас способными к общению с Ним. Мне весьма хотелось бы знать, откуда тварь, признающая себя столь слабою, получила право измерять милосердие Божие и ставить ему пределы по своему усмотрению. Так же мало зная Бога, как и самого себя и столь смущаясь видом собственного своего состояния, человек дерзает говорить, будто Бог не может дать ему возможности общения с Ним! Еще я спросил бы, требует ли Бог от познавшего Его чего-либо, кроме любви к Себе, и почему он думает, что Бог не может сделать Себя доступным познанию и любви. Если он что-либо видит в окружающем его мраке и находит какой-нибудь предмет для своей любви из числа земных вещей, почему, если Бог несколько осветит ему Свое существо, не будет он в состоянии познавать и любить Его так, что Богу благоугодно будет допустить его к общению с Собою? В подобного рода рассуждениях несомненно высказывается невыносимое высокомерие, хотя, по-видимому, они основываются на кажущейся скромности; будь смирение это искренне и правдиво, оно

признаюсь бы, что, не зная сами нашего существа, мы можем получить это знание только от Бога.

Статья XI.

Подчинение и власть разума

I.

Последним выводом разума должно быть признание, что существует бесчисленное множество вещей, его превосходящих. Слаб тот разум, который не доходит до этого сознания.

Нужно, где следует сомневаться, где следует утверждать, а где следует подчиняться. Кто не поступает так, тот не знает силы разума. Есть люди, грешащие против этих трех правил: они или считают все не требующим доказательств, потому что не умеют доказывать, или во всем сомневаются, в чем бы следовало подчиниться, или, наконец, подчиняются во всем, не зная, где следует обратиться к рассудку.

II.

Если все подчиним рассудку, то наша религия не будет иметь ничего таинственного и сверхъестественного. Если же пренебречь началами разума, то она покажется нелепою и смешною.

Разум, говорит блаженный Августин, никогда бы не подчинился, если бы не признавал, что есть случаи, где он должен подчиняться. Стало быть, он справедлив, подчиняясь там, где находит это нужным.

III.

Благочестие отличается от суеверия. Доводить благочестие до суеверия, значит разрушать его. Еретики упрекают нас в этом суеверном подчинении. Справедлив был бы упрек, если бы мы требовали этого подчинения в таких вещах, где оно неуместно.

Ничто так не согласно с рассудком, как отречение от рассудка в предметах веры, и ничто так не противоречит разуму, как отречение от него в вещах, не составляющих предметов веры. Исключать разум вполне или признавать только один разум – две крайности, одинаково опасные.

IV.

Вера, конечно, открывает нам нечто, чего чрез чувства мы познать не можем, но никогда им не противоречит. Она выше их, а не против них.

V.

Некоторые говорят: «Если бы я увидел чудо, я бы уверовал». Как могут эти люди уверять, что сделают то, чего не знают? Они воображают, что вера заключается в поклонении Богу, который как будто делает из этого предмет торговли и как будто веровать и поклоняться Богу следует так, как они воображают. Уверовать в Бога значит признавать себя ничтожеством перед этим вечным Существом, которого гнев мы столько раз на себя навлекали и который, по всей справедливости, может каждую минуту нас уничтожить; необходимо сознаться, что без него мы бессильны, что, кроме немилости Его, мы ничего от Него не заслужили. Вера состоит в признании, что между нами и Богом существует непреодолимое препятствие, которое без посредника устранено быть не может.

VI.

Не удивляйтесь простым людям, верящим без рассуждений. Бог внушает им любовь к Нему и презрение к самим себе. Он склоняет к вере сердца их. Верою и упованием не наполнится сердце без помощи Божией. Давид несомненно знал это, если так обращался к Богу: *Приклони сердце мое к откровениям Твоим* (Пс. 118:36).

VII.

Те, которые веруют, не читав ни Ветхого, ни Нового Завета, имеют к тому внутреннее, вполне святое расположение, и то, что они слышат о нашей религии, вполне с этим чувством согласуется. Они чувствуют, что их создал Бог; они хотят любить только одного Бога, а презирать только самих себя. Они чувствуют, что это расположение их не от них самих, что они неспособны приблизиться к Богу и, если Бог сам не приблизится к ним, они не могут иметь никакого общения с Ним. В учении нашей религии они также слышат, что следует любить только Бога, а презирать только себя; но так как мы повреждены грехом и неспособны принять Бога, то Бог сам сделался человеком, чтобы соединиться с нами. Этого достаточно для убеждения тех, которые имеют такое расположение в сердце и сознают свой долг и свою немощь.

VIII.

Христиане, незнающие пророчеств и доказательств, могут также хорошо судить о них, как и знающие. Они рассуждают сердцем, как другие умом. Сам Бог внушает им веру, и оттого вера их весьма действительна.

Согласен, что, может быть, тот или другой из христиан верующих без доказательств не найдет чем убедить неверующего, который уже сам кое-что знает. Но человек, знакомый с доказательствами религии, без труда докажет, что этот верующий действительно вдохновлен Богом, хотя сам и не может доказать этого.

Статья XII.

Изображение человека, который, испытав тщетность усилий обрести Бога одним разумом, начал читать Писание

I.

Видя ослепление и жалкое состояние человека (а равно обнаруживающиеся в его природе удивительные противоречия), видя, что вселенная безмолвна, а человек лишен света, предоставлен самому себе, как бы заблудился в этом уголке мира, не зная, кто и для чего его привел сюда и что с ним будет по смерти; – видя все это, я прихожу в ужас подобно человеку, которого сонного перенесли на пустынный, дикий остров и который, проснувшись, не может понять, где он находится и как ему уйти с этого острова. Удивительно, как люди не приходят в отчаяние от такого ужасного положения! Я вижу других в состоянии, подобном моему, обращаюсь к ним с вопросом, больше ли меня они сведуши; они отвечают, что нет; а затем, эти несчастные заблудившиеся, осмотревшись и заметив несколько привлекательных предметов, не замедлили им отдаться и привязались к ним. Что меня касается, я не мог удовольствоваться этим и, сообразив, что, по всей вероятности, есть многое помимо видимого мною, начал искать, не оставил ли Бог, о котором говорит весь мир, каких-либо следов своего существования.

Я вижу множество религий в разных частях мира и во все времена истории. Но они не содержат ни нравственных учений, которые бы могли привлечь меня, ни свидетельств истины, достойных внимания; так что я одинаково отказался бы от религии Магомета, как и от религии Китая, древних римлян или египтян, по той единственной причине, что, так как ни одна из них не имеет признаков истинности более другой, то и разум мой не может дать предпочтения ни одной из них.

Но, рассматривая таким образом это изменчивое и странное разнообразие нравственных понятий и верований в различные эпохи, я нахожу в одном уголке света народ, отделенный от всех других народов земли и самый древний из них, с историей, на несколько столетий предшествующей самым древним из известных нам историй. Я нахожу, что этот народ велик и многочислен, произошел от одного человека, поклоняется единому Богу и руководится законом, который считает полученным от Него Самого. Этот народ утверждает, что ему одному из всех народов земных Бог открыл Свои тайны, что все человечество повреждено и находится под гневом Божиим; что оно предоставлено своим чувствам и своему собственному разуму, отчего в нем и происходят те странные заблуждения и постоянные перемены в религиях и обычаях, тогда, как этот народ остается неизменным в своем поведении. Он уверяет, что Бог не навсегда оставит другие народы в этом мраке, а пошлет Избавителя для всех, что этот народ сам существует на свете, чтобы возвещать о Нем, создан с прямою целью быть глашатаем этого великого события и призвать другие народы соединиться с ним в ожидании этого Искупителя.

Народ с такою странной и необыкновенной историей невольно останавливает на себе мое внимание.

Сначала я вижу, что он весь состоит из братьев и, тогда как все другие народы образуются соединением множества семейств, он, несмотря на свою удивительную многочисленность, произошел от одного человека. Составляя таким образом как бы одну общую плоть и члены друг друга, они из одной семьи создают могущественное царство. Такое явление нельзя не назвать единственным в своем роде.

Насколько доступно человеческому знанию, это семейство, или этот народ самый древний на свете. Этим-то он, на мой взгляд, и заслуживает особого уважения, главным образом, в смысле нашего настоящего исследования, ибо, если когда-либо Бог входил в общение с людьми, то, очевидно, именно к этому народу следует обратиться за сведениями о таком событии.

Этот народ весьма замечателен не только по своей древности, но и по продолжительности своего существования – от времени своего происхождения и до наших дней, потому что, когда народы Греции и Италии, Лакедемона, Афин, Рима и другие, появившиеся гораздо позже, уже давно исчезли, этот народ все еще существует. Несмотря на неоднократные стремления могущественнейших государей стереть его с лица земли, как свидетельствуют их летописцы и как легко предположить по обыкновенному порядку вещей, он сохранился в течение столь многих столетий. Простираясь от самых первых до самых последних времен, история его в своем течении обнимает продолжительность всех известных нам историй.

Рассматриваю закон, который выдается этим народом за полученный им от Бога, и нахожу его удивительным; это первый из всех законов, и настолько прочный, что когда самого слова *закон* еще не существовало у греков, евреи уже около тысячи лет имели его и хранили без перерыва. Мне также кажется удивительным, что первый существовавший в мире закон был настолько совершен, что самые великие законодатели брали его за образец; отсюда вышел закон двенадцати таблиц в Афинах, заимствованный впоследствии Римом, Доказать это было бы не трудно, но Иосиф (Флавий) и другие достаточно написали об этом предмете.

Вместе с тем, однако, этот закон самый строгий и суровый из всех законов; под страхом смерти он возлагает на человека множество своеобразных и тягостных обязанностей. Станным кажется, что такой закон в течение стольких веков соблюдался таким мятежным и нетерпеливым народом, тогда как все другие государства, от времени до времени изменяли свои законы, хотя и несравненно легче исполнимые.

II.

(Этот народ замечателен еще своей искренностью). С любовью и верностью он хранит книгу, в которой Моисей объявляет, что евреи были всегда неблагодарны к Богу и, как ему известно, станут еще более неблагодарны после его смерти, но он призывает небо и землю свидетелями против них, и уже довольно сказал им; – наконец, Бог, разгневавшись на них, рассеет их между всеми народами земли, так как они прогневали Его поклонением богам чуждым, то Он мздовоздаст им, призвав народ совершенно Ему чуждый. Тем ни менее книгу, которая так бесчестит их, они хранят до готовности положить за нее свою жизнь. Такая искренность беспримерна в мире и не в порядке вещей.

Существует большая разница между книгою, написанною частным лицом, которую оно предлагает народу, и книгою, составленною самим народом. Нельзя сомневаться в том, что эта книга не уступает народу в древности.

(Она написана современным автором). Всякая несовременная история сомнительна, каковы, например, Сивиллины и Трисмегистовы и многие другие книги, оказавшиеся ложными впоследствии. Нельзя сказать того же об авторах, описывающих современное им.

III.

Между книгами может быть большая разница. Я не удивляюсь, что греки составили Илиаду, а египтяне и китайцы свои летописи, нужно только знать, каким образом они появились.

Эти повествователи сказочных событий не были современниками описываемого ими. Гомер сочиняет роман и за таковой выдает его, так как никто не сомневался, что ни Трои, ни

Агамемнона никогда не существовало, как не существовало и золотого яблока. Он и не думал выдавать этого за историю, а просто хотел развлечь слушателей. Книга его была единственною в его время; красота формы увековечила ее содержание; всякий заучивает ее и говорит о ней; знание ее обязательно, а потому каждый знает ее наизусть. Прошло четыреста лет, свидетелей описываемых событий давно нет в живых, никто уже не может знать, достоверные они или сказочные; но, раз повествование перешло от предков, можно и поверить ему.

Статья XIII.

О евреях

I.

Когда, по сотворении мира, по ниспослании всемирного потопа, Богу не предстояло более ни разрушать мира, ни восстанавливать его, ниже проявлять Себя подобными великими знамениями, Он начал созидать на земле народ с нарочною целью продлить его существование до той поры, когда Мессия создаст Духом Своим новый народ.

II.

Желая показать, что Он может создать народ, святой невидимой святостью, и исполнить его вечной славы, Бог создал вещи видимые; явив Свое милосердие в благах видимой природы, Он хотел показать, что может дать и блага в невидимом. Так Он спас этот народ от потопа, возродил его от Авраама, освободил из рук врагов и дал ему покой. Конечно, все это совершено Богом не для того только, чтобы ввести Свой народ в землю обетованную.

III.

Кроме того, в создании еврейского народа и в стольких явленных ему чудесах Бог хотел показать, что, желая лишить его благ плотских и преходящих, Он лишает их таковых не вследствие Своей немощи.

В евреях укоренилась мысль, что Бог любит их отца, Авраама, его плоть и происходящих от этой плоти; ради этого Он размножил их и отличил от всех других народов, не позволяя им смешиваться с ними; когда они стали бедствовать в Египте, Он вывел их оттуда, обнаружив при этом великие знамения Своего к ним благоволения: питал их манною в пустыне, привел в землю обильную, дал им царей и великолепно построенный храм, где они, принося в жертву животных, могли бы получать очищение пролитием их крови; наконец, имел послать им Мессию, чтобы сделать их властителями всего мира, и предсказал время Его пришествия.

Евреи привыкли к великим и поразительным событиям, так что чудесный переход их через Черное море и введение их в Ханаанскую землю считались ими как бы образцами будущих действий их Мессии, которые будут еще поразительнее и совершенно затмят собою чудеса Моисея.

Когда они уже состарились в этих плотских заблуждениях, явился в предсказанное время Иисус Христос, но не в ожидавшейся ими славе, так что они и не подумали, что это действительно Он. После его смерти, святой Павел стал проповедовать людям, что все предсказанное исполнилось символически; что царство Божие явилось не в плоти, а в духе; что враги людей не вавилоняне, а их собственные страсти; что Бог благоволит не к храмам, воздвигнутым рукою человека, а к его чистому и смиренному сердцу; что обрезание тела бесполезно, а важно обрезание сердца; что Моисей не дал им хлеба небесного и т. д. (См. Ин. 6:32; Гал. 4:24; 1 Кор. 3:16; 10:2-6, 11; 2 Кор. 3:6; Рим. 2:28, 29; Евр. 9:24. – прим. пер.).

Но, не желая открывать этих тайн народу, их недостойному, и желая в то же время предсказать им, чтобы дать возможность верить им, Бог время совершения их предрек ясно и несколько раз ясно выражал и самые тайны, но большей частью прообразами, с тою целью, чтобы любившие самые прообразы остались при таковых, а любившие прообразуемое увидели его. (От этого произошло то, что при появлении Мессии народы разделились:

объяснявшие пророчества духовно приняли Его, а понимавшие их буквально отвергли Его, чтобы послужить Ему же свидетелями).

IV.

Плотские иудеи не понимали ни величия, ни унижения предсказанного в их пророчествах Мессии. Они не узнали Его в Его величии, о котором написано: Мессия будет Господом Давида, хотя и сын его. Он был раньше Авраама, и тот видел Его (Автор имел при этом в виду следующие тексты Евангелия: *Авраам, отец ваш, рад был увидеть день Мой; и увидел и возрадовался... Прежде нежели был Авраам, Я есмь* (Ин. 8:56, 58). Они не поверили ни Его славе, ни Его вечности. Одинаково не признали Его ни в унижении, ни в смерти. Мессия, сказали они, останется вечно, а этот говорит, что умрет. Так они не признали Его ни вечным, ни смертным; но искали в Нем только земного величия.

Евреи так любили прообразы и так уверенно ожидали их, что, когда в предсказанное время и обещанным путем действительность явилась, они не признали ее.

V.

Те, кому вера дается трудно, стараются оправдаться неверием иудеев. Если это было так ясно, почему же они не уверовали? говорят такие люди, внутренне желая, чтобы те поверили и не подали бы примера к их собственному неверию. Но этот самый отказ иудеев уверовать служит основанием нашей веры. Мы были бы менее склонны к ней, будь евреи одного с нами мнения: тогда у нас был бы лишний предлог не верить. Достоин удивления, что иудеи созданы большими любителями предреченных событий и такими противниками их осуществления (и что притом самое противление это было предсказано).

VI.

Чтобы дать людям средство уверовать в Мессию, необходимо было предпослать Ему пророчества, которые возвещались бы людьми, свободными от всякого подозрения, известными во всей стране за самых верных, прилежных и ревностных.

С такую целью Бог избрал этот чувственный народ, которому и вверил хранение пророчеств, изображавших Мессию освободителем и раздавателем земных благ, любимых этим народом. Вследствие этого евреи горячо возлюбили свои пророчества, обещавшие им Мессию, уверяя все народы, что Он действительно явится и именно в том виде, как это сказано в их книгах, которые они готовы были открыть для всякого. Однако, когда Мессия действительно явился, но в унижении и бедности, они, разочарованные в своих ожиданиях, сделались Его злейшими врагами. Таким образом, народ, который меньше всего на свете можно заподозрить и расположении к нам (христианам), – благодаря несравненной ревности и приверженности к своему закону и пророчествам, сослужил нам добрую службу, сохранив их неприкосновенными.

VII.

Отвергли и распяли Иисуса Христа, послужившего им соблазном, те самые люди, которые были и остаются хранителями книг, свидетельствовавших о Нем, предсказывавших, что Он будет отвергнут и сделается камнем преткновения. Самым отречением своим от Него они доказали Его истинность. Эта последняя одинаковым образом подтверждается как принявшими Его правыми иудеями, так и неправыми, отрекшимися от Него, ибо то и другое было предсказано.

Потому-то духовный смысл пророчеств, противный этому народу, был скрыт под любезным ему смыслом плотским. Будь явен духовный смысл пророчеств, евреи неспособны были бы любить их; а вследствие этого у них не достало бы усердия сохранить свои книги и

свои обряды. Но если б они дорожили этими духовными обетованиями и сохранили их неповрежденными до пришествия Мессии, то свидетельство их не имело бы силы, так как они сами были бы Его сторонниками. Этим и объясняется прикровенность внутреннего смысла. С другой стороны, будь этот смысл скрыт до совершенной невозможности его обнаружить, он не мог бы служить доказательством в пользу Мессии. Что же было сделано? Внутренний смысл был прикрыт внешним во многих местах пророческих писаний, а ясно открыт лишь в некоторых. При этом, однако, предсказания, относительно времени и состояния мира, были ясны как солнце. Духовный смысл так очевиден в некоторых местах, что не видеть его можно было только при том ослеплении, которое является следствием полного порабощения духа телу.

Таково было промышление Божие. Духовный смысл прикрыт другим во многих местах писаний и раскрыт в нескольких, но так, по крайней мере, что места, где он скрыт, могут быть объяснены двояко, т. е. из них может быть извлечен и материальный, и духовный смысл: тогда как, где он раскрыт, двоякого объяснения быть не может – там смысл только духовный.

Таким образом ввести в заблуждение это не могло, будь иудеи народом, менее преданным земному.

Ибо, если блага обещаны были в изобилии, что мешало им различить между ними блага истинные, как не их любовь к плоти, заставившая их видеть земное на месте духовного? Полагавшие же свое благо только в Боге исключительно к Богу и относили его. Воля человеческая действует под влиянием двух побуждений: корыстолюбия и любви. Это не значит, что корысть не совместима с верою в Бога и любовь к ближнему исключает привязанность к благам земным; но корысть, пользуясь дарами от Бога, служит миру; а любовь, напротив, (пользуется миром и угождает Богу).

Наше отношение к вещам определяется конечной целью. Все, что мешает нам достигнуть ее, мы называем *враждебным*. Отсюда твари, хотя и добрые, – враги праведных, коль скоро отвращают их от Бога, и Бог сам является, таким образом, врагом тех, коих алчным стремлениям Он препятствует.

Поэтому, если слово *враг* зависит от конечной цели, то праведные понимали под этим словом свои страсти, а суетные подразумевали под ними вавилонян; оттого-то выражение *враги* и было неясно только суетным. Исаия говорит по этому поводу: *Завяжи свидетельство и запечатай откровение при учениках Моих* (Ис. 8:16), и что Иисус Христос *будет камнем преткновения* (Ис. 8:14). *Но блажен кто не соблазнится о Мне* (Мф. 11:6). Также ясно говорит об этом и Осия: *Кто мудр, чтобы разуметь это? Кто разумен, чтобы познать это, ибо правы пути Господни, и праведники ходят по ним, а беззаконные падут на них* (Ос. 14:10).

Хотя этот Завет имел свойство, просвещая одних, ослеплять других, но самым ослепляемыми он удостоверил истину которую должны были уразуметь другие; потому что получаемые от Бога видимые блага были так велики и так божественны, что могли служить несомненным указанием, что Он в состоянии дать им невидимые блага и Мессию.

VIII.

Время первого явления Мессии было предвозвещено, о времени же второго никаких указаний не имеется, потому что первое должно было совершиться в тишине; второе же во славе и при такой обстановке, что даже враги Мессии не могут не узнать Его. Но так как первое явление Его должно было быть лишь малозаметным, и узвано только испытывшими Писание, то, что могли сделать иудеи, Его враги? Принять Его, значило бы доказать Его истинность, ибо это было бы естественным поступком со стороны хранителей обетования о Мессии; отречение было бы таким же сильным свидетельством о Нем.

IX.

Иудеи видели чудеса и исполнение пророчеств; учение же закона их было любить и поклоняться лишь единому Богу, и это учение было постоянно, так что имело все признаки истинной религии, какую на самом деле и было оно. Но необходимо отличать учение иудеев от учения их закона. Учение иудеев, хотя и опиралось на чудеса, пророчества и непрерывность существования, не было, однако истинным, ибо чуждалось другой основы – поклоняться и любить только Бога.

Итак, иудейскую религию, как она передана в священных книгах, следует отличать от таковой в передаче народа. Ее учение о нравственности и блаженстве смешно в передаче народа, но несравненно в писаном законе. Основание религии положено достойным удивления образом: это самая древняя и самая достоверная книга в мире; в то время, когда Магомет, чтобы сохранить свою книгу, запрещает читать ее, Моисей с той же целью повелевает всем читать свою (Втор. 31:11).

X.

Обрядовая сторона иудейской религии была основана на уподоблении истине о Мессии, и эта последняя была признана иудейской религией, служившей ей прообразом.

В евреях истина была лишь прообразована; в небесах же она раскрыта. В Церкви она находится в прикровенном состоянии и познается чрез отношение к прообразуемому. Прообраз соответствует истине, а истина познается по прообразу.

XI.

Кто будет судить о еврейской религии по ее грубым представителям, тот плохо узнает ее. Она ясно изображена в священных книгах и в передаче пророков, которые достаточно показали, что понимали, закон не буквально. Так и наша религия, божественная в Евангелии, апостолах и предании, смешна в устах ее дурных истолкователей (Здесь, как и в следующем параграфе, автор подразумевает иезуитов, допускавших, что для примирения с Богом достаточно одного внешнего покаяния без действительного и искреннего желания человека очистить себя исповеданием грехов.

XII.

(Иудеи были двух разрядов: одни имевшие лишь языческие наклонности, другие – наклонности только христианские). По понятиям первых, Мессия должен быть великим земным царем. В глазах чувственных христиан Иисус Христос пришел для того, чтобы снять с нас обязанность любить Бога и дать нам таинства, которые все делают помимо нас. Ни то, ни другое понятие не согласно ни с христианской, ни с еврейской религией. Истинные иудеи, как и истинные христиане, приняли Мессию, как научающего их любить Бога и посредством этой любви побеждать своих врагов.

XIII.

Завеса, закрывающая книги Писания для иудеев, закрывает их и для плохих христиан, а равно для всех, недостаточно презирающих самих себя. Но как легко становится понимать св. книги и познать Иисуса Христа, когда действительно презираешь себя!

XIV.

Чувственные иудеи занимают средину между христианами и язычниками. Язычники совсем не знают Бога и любят только землю. Евреи знают истинного Бога и любят только землю. Христиане знают истинного Бога и совсем не любят землю. Евреи и язычники любят одни и те же блага. Евреи и христиане ведают одного и того же Бога.

XV.

Это, очевидно, народ созданный нарочно быть свидетелем Мессии (Ср. Ис. 43: 10; 44: 8. – прим. пер.). Он хранит книги, любит их, но совершенно их не понимает. Заранее предсказано, что судьбы Божии вверены им, но в книге запечатанной (Ис. 29:11).

Пока для поддержания закона являлись пророки, народ оказывал к нему пренебрежение. Когда же пророков не стало, их заменила ревность народа.

XVI.

Так как время сотворения мира все более и более отдалялось, Бог дал миру современного бытописателя и стражем писания поставил целый народ, для того чтобы это повествование было самым достоверным во всем мире, и чтобы все люди могли получить столь необходимое сведение, которого помимо этого источника получить нельзя.

XVII.

Моисей был, несомненно, человек и способный, и умный; поэтому, если бы в своем бытописании он руководствовался собственным умом, то ясно не высказал бы ничего такого, что противоречило бы рассудку.

Так самые, по-видимому, слабые стороны делаются сильными. Например, обе родословные – евангелистов Матфея и Луки – не ясно ли свидетельствуют, что между двумя авторами никакого предварительного соглашения не было?

Почему, например, Моисей изображает жизнь первых людей продолжительной и выводит так мало поколений? Потому что события затемняются не от продолжительности жизни людей, а от множества сменившихся поколений.

Истина изменяется только по мере смены людей. Между тем два самые достопамятные события, сотворение мира и потоп, он ставит так близко одно к другому, что современники того и другого почти соприкасаются по малому числу отделяющих их друг от друга поколений. Так что в то же время, когда он описывал их, воспоминание о них должно было быть еще вполне живо в уме всех евреев.

Сим, знавший Ламеха, современника Адама, по крайней мере, видел Авраама; Авраам видел Иакова, видевшего в свою очередь тех, которые видели Моисея. Стало быть, сотворение мира и потоп – события истинные. Так заключают люди сведущие.

Продолжительность жизни патриархов не только не вредила сохранению в памяти минувших событий, а, напротив, способствовала этому. Если нередко человек бывает плохо посвящен в историю своих предков, то это происходит оттого, что он совсем не жил с ними, а когда достиг разумного возраста, тех уже не было в живых. Когда люди вообще жили подолгу, и дети долгое время видели своих отцов, последние, в течение продолжительного времени, могли сообщать детям о прошлом. А о чем же было родителям беседовать со своими детьми, как не об истории своих предков – в то время, когда вся история только в том и заключалась, когда не существовало ни наук, ни искусств, составляющих теперь в значительной мере предмет обыкновенных житейских разговоров. Да и вообще заметна в древних народах особая забота о сохранении своих родословных.

XVIII.

Чем более я исследую историю еврейского народа, тем более истин я открываю в ней. Передо мною их прошедшая и последующая жизнь. Вот у них нет более ни идолов, ни царей; явилась, как и было предсказано, синагога и ее жалкие приверженцы – наши враги и в тоже время замечательные свидетели истины пророчеств, где предсказаны их жизнь и самое ослепление. Такая связь предшествующего с последовавшим мне кажется изумительной; я не могу не признать этой религии за вполне божественную по ее значению, продолжительности, истории; по нравственным сторонам, по ее действиям, наконец, – по страшному ослеплению иудеев, как предречено: *И будешь осязая в полудни* (Втор. 28:29). *Дадут книгу человеку, ведущему писание, и речет: не могу прочести* (Ис. 29:11, 12). Я поднимаю руки к моему Искупителю, который, согласно повторявшимся в течение четырех тысяч лет пророчествам, пришел пострадать и умереть за меня на земле именно в то время и при тех обстоятельствах, как было предсказано; по Его милосердию я мирно жду смерти в надежде навеки соединиться с Ним; и живу пока с радостью, пользуясь ли благами, которые Ему благоугодно ниспослать мне, перенося ли скорби и болезни, посылаемые Им для моего же счастья и переносить которые Он научил меня Своим примером.

Поэтому я отвергаю все другие религии. А в этой религии нахожу ответ на все возражения. Верно, что столь чистый Бог может открывать Себя только чистому сердцу.

Я нахожу на самом деле, что как только человечество помнит себя, ему постоянно объявлялось об его всеобщей испорченности и об имеющем явиться Искупителе; свидетель же этой истины не один человек, но целый народ, нарочно для того созданный и провозвещавший ее в течение четырех тысяч лет.

Статья XIV.

О прообразах; прообразный характер древнего закона

I.

Существуют прообразы ясные и доказательные, и есть менее натуральные, имеющие значение только в глазах уже и без того убежденных людей, как напр., символы апокалипсические.

Но между теми и другими та разница, что апокалипсические лишены всякой несомненности. Поэтому весьма несправедливо утверждать, что объяснение их так же основательно, как и символов явных, так как в апокалипсисе нет символов, столь доказательных, как некоторые из первых. Стало быть, партии не равны; и смешивать те и другие не следует, ибо, имея сходство с одной стороны, они вполне различны с другой.

II.

Одна из главных причин, почему пророки облакали обещаемые ими духовные блага в символы благ земных, была та, что они имели дело с пародом чувственным, которого нужно было сделать носителем завета духовного.

Иисусу Христу служил прообразом Иосиф: любимец своего отца, посланный им навестить своих братьев и т. д.; невинный, он был продан братьями за двадцать динариев и чрез то сделался их господином, спасителем их, спасителем чужих и спасителем всего мира; этого бы не случилось, когда бы у братьев не было намерения погубить его, и не будь он продан и осужден ими.

В темнице невинный Иосиф между двумя преступниками: Иисус Христос на кресте между двумя разбойниками. Иосиф предсказывает избавление одному и смерть другому на основании одних и тех же признаков. Иисус Христос спасает избранных и осуждает отверженных, виновных в одних и тех же преступлениях. Иосиф только предсказывает, Иисус Христос совершает. Иосиф просит того, который будет спасен, вспомнить о нем, когда достигнет славы; спасаемый Иисусом Христом просит Его помянуть его, когда Он будет в царствии Своем.

III.

Благодать есть лишь предображение славы, ибо не составляет конечной цели. Закон был прообразом благодати, а благодать служит прообразом славы, но в то же время представляет собою и средство к ее достижению.

IV.

Синагога не погибала совсем, потому что предображала собою (Церковь); но, будучи только прообразом, она подверглась порабощению. Прообраз существовал до момента осуществления прообразуемого с тою целью, чтобы церковь всегда пребывала видимою то как прообраз, то как действительность.

V.

Чтобы сразу доказать истинность обоих Заветов, нужно лишь убедиться сбылись ли в Новом Завете пророчества Завета Ветхого. Чтобы исследовать пророчества, нужно понимать

их, потому что, если видеть в них один лишь, (буквальный) смысл, то никакого предсказания о Мессии мы не найдем в них; напротив, если в них заключается два смысла (буквальный и внутренний), то пришествие Его в лице Иисуса Христа несомненно.

Значит весь вопрос в том, имеют ли пророчества этот двоякий смысл, или нет (представляют ли они прообразы или реальность, т. е. следует ли искать в них чего-либо помимо того, что представляется на первый взгляд, или ограничиться прямым смыслом).

Если закон и жертвоприношения суть истины (сами по себе), то они должны быть приятны Богу, а не наоборот. Если же это не более как предображение, то они должны быть в одно и то же время и угодны, и неуютны. А так как во всем Писании они вызывают такое двоякое отношения к себе, (то остается признать в них прообразы).

VI.

Доказательством исключительно прообразовательного значения Ветхого Завета и что под временными благами пророки подразумевали блага иные – служит, во-первых, то соображение, что было бы недостойно Бога призывать людей к наслаждению лишь одними земными благами. Во-вторых, если пророки и говорят весьма ясно о ниспослании со временем благ земных, однако возвещают в то же время, что их речь темна, что смысл ее совсем не будет понятен; из этого можно заключить, что этот смысл не тот, который она непосредственно собою представляет, и что, следовательно, они предсказывают иные жертвы, иного Искупителя и т. д.; они говорят, что их поймут только в конце времен (Иер. 23:20; 30:24).

В-третьих, слова пророков будут противоречить и опровергать друг друга, если признать, что они под словами *закон* и *жертва* понимают только закон и жертву в Моисеевом смысле; тогда противоречие их было бы очевидно и резко. Но, стало быть, они разумели иное, если противоречили сами себе в одной и той же главе.

VII.

Сказано, что закон будет изменен, что будет изменена жертва, что у них (иудеев) не будет ни царя, ни князя, ни жертвоприношений; что будет заключен новый союз; что закон будет обновлен; правила, которые им даны были, не будут более годны; что жертвы их будут противны Богу, который совсем не требовал их.

Вопреки этому сказано (в другом месте), что закон и союз этот пребудут вечно, как и жертвы; что в Иудее не искоренится царствующий род, пока не придет Царь Вечный. Выражается ли во всех этих изречениях действительность? – Нет. Или в них выражены только прообразы? тоже нет. Но то или другое они выражают. Однако, первые, исключая реальность, этим самым указывают на свой прообразный характер.

Всеми этими местами из пророчеств не могло говориться о действительности: всеми могло говориться о прообразе. Стало быть, ими высказана не действительность, а прообраз.

VIII.

Чтобы знать, имеют ли закон и жертвоприношение значение действительности или прообраза, нужно посмотреть, видели ли и разумели ли пророки, говоря об этих предметах, только этот древний союз, или они видели в нем нечто иное, ими предообразуемое, так как чрез изображение познается изображаемое. Для того нужно лишь исследовать то, что они говорят.

Возвещая, что союз будет вечным, понимают ли они тот самый союз, о котором они говорят, что он будет изменен? Так и по отношению к жертвам и т. п.

IX.

Пророки ясно говорят, что Израиль всегда будет любим Богом, и закон Его будет вечно; в то же время они сказали, что смысл их слов скрытый и понят не будет.

Тайное письмо имеет два смысла. Когда перехватывают важное письмо, в котором находят ясный смысл, и в то же время в письме сказано, что смысл его скрытый, или затемненный на столько, что будут видеть его, не видя, и понимать, не понимая, тогда, несомненно, остается предположить, что это шифр с двояким смыслом, тем более что в его буквальном смысле встречаются резкие противоречия. Какого же уважения от нас заслуживают открывающие нам этот шифр и объясняющие скрытый смысл его, когда при этом извлеченные таким путем начала оказываются столь естественными и ясными? Сделано это Иисусом Христом и апостолами. Они научили нас, что враги наши суть наши страсти; что Искупитель духовен и царство Его будет духовное; что в пришествии Его будут две стороны, одна – унижения, чтобы смирить человека надменного, другая – славы, чтобы возвысить человека смиренного; что Иисус Христос будет Богом и человеком.

X.

Иисус Христос только указал людям, что они любят самих себя, что они рабы, слепы, страждущи, несчастны и грешники; что Ему надлежит избавить, просветить, исцелить их и сделать блаженными; что этого можно достигнуть, когда люди будут презирать самих себя и последуют испытанному Им унижению и крестной смерти.

Вот что говорит нам св. Павел: буква мертвит; все совершалось прообразами; надлежало Христу пострадать: Богу испытать унижение. Обрезание сердца, истинный пост, истинная жертва, истинный храм. Пророки указали, что все это должно быть духовно.

Итак, он, наконец, разъяснил нам, что все эти вещи только предображения, и что такое *истинно свободный, истинный израильтянин, истинное обрезание, истинный хлеб небесный* и т. д.

XI.

В этих обещаниях всякий находит то, что таится в глубине его сердца: блага земные или блага духовные; Бога или тварь; но с тою, однако, разницей, что ищущие в них тварь находят ее, но с некоторыми противоречиями, с запрещением любить ее, с повелением поклоняться только Богу и, что одно и то же, только Его любить; и, наконец, находят, что для них Мессия не приходил. Тогда как ищущие Бога обретут Его, но без всякого противоречия, лишь с заветом любить Его одного.

XII.

Источники противоречий в Писании таковы: Бог, униженный даже до смерти на кресте, Мессия, торжествующий над смертью чрез Свою смерть, два естества в Иисусе Христе, двукратное пришествие, два состояния в природе человека.

Чтобы хорошо обрисовать человека, нужно лишь согласить все заключающиеся в нем противоположные черты, и недостаточно выставить ряд качеств, согласных между собою, не сообразив их с качествами противоположными; чтобы понять смысл автора, необходимо согласить все места, которые противоречат друг другу.

Таким образом, чтобы понять Библию, нужно открыть в ней такой смысл, в котором бы согласовались все взаимно противоречащие места. Недостаточно подыскать смысл, подходящий к нескольким согласным между собою местам; нужно найти такой, который бы примирял места, даже противоречащие.

Каждый автор имеет смысл, к которому подходят все противоречащие места, иначе в нем нет никакого смысла, чего нельзя сказать о священном Писании и пророках. Несомненно, однако, что они имели слишком много здравого смысла. Поэтому приходится отыскивать в них такой смысл, который согласовал бы все противоречия.

Истинный смысл не тот, который извлекали из своих книг иудеи; но в Иисусе Христе все противоречия сгладились.

Иудеи не сумели согласовать прекращение царства и княжества, возведенное Осией, с пророчеством Иакова.

Если принимать закон, жертвоприношения и царство за реальности, то всех мест в Писания согласовать нельзя. Необходимо, стало быть, признать, что разумеются эти вещи не как действительность, а только как прообразы. Иначе нельзя было бы согласовать мест одного и того же автора, одной и той же книги, иногда даже, одной и той же главы. Это достаточно указывает, каков был смысл автора.

XIII.

Не было разрешено приносить жертвы вне Иерусалима, бывшего местом, избранным Богом, не дозволено даже есть десятину в другом месте (Втор. 12:5 и сл.; 14:23 и сл.; 15:20; 16:2, 7, 11, 15).

Осия предсказал, что у них не будет ни царей, ни князей, ни жертв, ни кумиров, что и исполнилось теперь, так как иудеи не могут приносить законной жертвы вне Иерусалима.

XIV.

Когда слово Бога, Бога истинного, представляется неверным буквально, то оно верно в смысле духовном. *Сиди одесную Меня*. Буквально – это неверно, но верно по духу. В этих выражениях говорится о Боге применительно к понятиям человеческим; это имеет лишь тот смысл, в каком люди приглашают занять место по правую свою руку, – в этом смысле говорит и Бог. Так что этим объясняется только намерение Божие, а не способ, каким Он его исполнит.

Так, когда сказано: Бог принял благоухание фимиамов ваших и в награду дает вам землю обильную, то этим словам можно уподобить такое положение в наших земных отношениях, когда человек, угожденный вашими воскурениями, захотел бы дать вам в награду хорошую, тучную землю; такое же намерение Бог имеет по отношению к вам.

XV.

Единственная конечная цель книг Ветхого Завета есть любовь к Богу. Все, что в них не клонится к этой единственной задаче, есть ее проображение, ибо, ввиду единственности цели, все, что не выражает ее непосредственно, есть прообраз.

Бог таким путем разнообразит эту единственную заповедь любви, чтобы удовлетворить наше ищущее разнообразия любопытство, и этим разнообразием ведет нас всегда к тому, что нам единственно нужно. Ибо потребно только одно (Лк. 10:42), а мы любим разнообразие, и Бог удовлетворяет обе эти наши потребности путем разнообразий, ведущих к единственной нашей *потребности*.

XVI.

Раввины объясняют сосцы жены символически, как и все, что не выражает их единственной цели, т.е. земных благ.

XVII.

Некоторые из них вполне сознают, что у человека нет других врагов, кроме его чувственности, которая и отвлекает его от Бога, но не Сам Бог; что не тучная земля, а один Бог есть действительное благо. Полагающие благо человека во плоти, а зло в том, что их отвлекает от чувственных удовольствий, пусть их пресыщаются ими и в них умрут. Но кто ищет Бога всем своим сердцем, у кого нет иного горя, кроме невозможности созерцать Его, у которых одно желание – иметь Его, и одни враги – препятствия к этому; которые скорбят, видя себя окруженными и обуреваемыми такими врагами, – пусть они утешатся, я возведу им счастливое событие: у них есть Избавитель, и я им покажу Его; я им покажу, что для них есть Бог; другим я Его не открою. Я укажу им, что обещан Мессия, который избавит их от врагов, и что Он, действительно, пришел избавить от неправды, но не от врагов.

XVIII.

Когда Давид предсказывает, что Мессия избавит Свой народ от врагов его, то этому предсказанию можно придать чувственный смысл, т. е. что Он избавит от египтян. В таком случае я бы не сумел доказать, что пророчество это сбылось. Но можно также додумать, что избавление будет от, беззаконий, ибо, действительно, враги не египтяне, а беззакония, Стало быть, слово *враги* имеет здесь двоякий смысл.

Но если в другом месте Давид (Пс. 129), вместе с Исаией и другими пророками (Ис. 43:25 и сл.), говорит, что Мессия избавит Свой народ от беззаконий, то двусмысленность устраняется и слово *враги* означает просто *неправды*, потому что если бы он разумел этим словом грехи, то свободно мог бы назвать их врагами; если же он думал о врагах, то не мог означить их словом „*неправды*“.

А Моисей, Давид и Исаия употребляли одни и те же выражения. Кто же скажет, что они разумели не одно и то же, и что смысл Давида, который, очевидно, разумел неправды, говоря о врагах, не был и смыслом Моисее, когда этот последний говорит о врагах.

Даниил, в IX главе, молится об избавлении народа из вражеского плена; но он понимает плен греха и, в доказательство этого, говорит, что Гавриил пришел сказать ему, что молитва его услышана и остается ждать еще только семьдесят седмин; тогда народ будет избавлен от неправды, греху придет конец, и Освободитель, Святой из святых, принесет правду *вечную* – не законную, а вечную.

Коль скоро эта тайна открыта, невозможно не видеть ее. Пускай прочтут Ветхий Завет при этом свете, и увидят, были ли завещаны жертвоприношения в прямом смысле, был ли рад Авраам конечным предметам попечения Божия о нем, и была ли обетованная земля действительным местом упокоения? – Нет. Стало быть, это были прообразы. Пусть исследуют также все предписанные церемонии и все заветы, не клонящиеся непосредственно к обнаружению заповеди любви – и окажется, что все это прообразы (Ос. 6:6).

Статья XV.

Об Иисусе Христе

I.

Бесконечное расстояние между телом и умом дает понятие о еще неизмеримо бесконечнейшем расстоянии между умом и любовью, ибо она сверхъестественна.

Весь блеск почестей и величия не имеет цены в глазах людей, посвятивших себя исследованиям в умственной области. Величие людей ума недостижимо взору богатых, царей, полководцев и других мира сего. Величие Мудрости, которая может быть только в Боге, невидимо ни людям плоти, ни людям ума. Это три порядка, вполне отличные друг от друга.

Великие гении имеют свою сферу власти, свой блеск, свое величие, свои победы и не нуждаются в величии материальном, не имеющем никакого значения для их духовной цели. Они видимы не телесными, а умственными очами – этого достаточно. Святые также имеют свою власть, свой блеск, свои победы и совсем не нуждаются в величии материальном или умственном; оно не имеет никакого к ним отношения, ничего им не прибавляет и ничего не убавляет. Они видимы Богом и ангелами, а не телами и душами любопытных; они довольствуются Богом.

Архимед, и не будучи знатного происхождения, пользовался бы таким же высоким уважением. Он не давал битв, по оставил миру свои открытия. О, как он велик и блестящ в глазах ума! Иисус Христос, без богатств и без обнаружения какой либо учености, имеет Свое значение – святости. Он не дал нам никаких изобретений, он не царствовал, но был кроток, терпелив, свят пред Богом, страшен демонам, чист от всякого греха. О, как славно, как чудно и величественно было Его пришествие пред очами сердца, способными разуметь Премудрость.

Архимеду не было цели выставить в своих сочинениях о геометрии свое княжеское достоинство, хотя он имел его. Для Господа нашего Иисуса Христа, чтобы блистать в Своем царстве святости, было бесполезно являться в царском величии; зато Он пришел во всем блеске Своего *святого* достоинства.

Смешно смущаться униженным положением Иисуса Христа; как будто это унижение имело что-нибудь общее с тем величием, которое Он имел обнаружить. Пусть этого величия ищут в Его жизни, в Его страданиях, скромном происхождении, смерти, в выборе учеников, в Его отношении к ним, когда те Его покинули, в Его таинственном воскресении и в остальном; тогда оно представится им столь великим, что не будет повода смущаться этим лишь кажущимся унижением. Но есть люди, могущие восхищаться только чувственным величием, как будто духовного не существует; другие же доступны впечатлению только умственного величия, как будто в Премудрости не заключается величия еще бесконечно высочайшего.

Все тела, небо, звезды, земля и ее царства ничто в сравнении с самым обыкновенным умом, потому что он постигает, как все эти предметы, так и себя; тело же ничего сознавать не в состоянии. Все тела, все умы, взятые вместе, и все их произведения – ничтожество пред малейшим движением любви, как принадлежащей к бесконечно высшему порядку.

Все тела вместе не могли бы произвести ни малейшей мысли, так как мысль относится к высшему порядку. Из всех тел и умов нельзя было бы извлечь движения истинной любви, потому что высшая любовь принадлежит совсем к иному порядку – сверхъестественному.

II.

Иисус Христос жил в такой неизвестности (в мирском смысле), что историки, описавшие только важные государственные события, едва Его заметили. Что ни Иосиф Флавий, ни Тацит, ни другие летописцы совсем не упоминают об Иисусе Христе, то это обстоятельство скорее говорит за, нежели против Него; ибо несомненно, что Иисус Христос был, и Его религия произвела большой шум, и что эти люди имели о том сведения. Они, очевидно, скрыли это событие с намерением, а если и говорили о нем, то другие уничтожили или изменили написанное.

III.

Какой человек имел когда-либо больше блеска? Весь еврейский народ задолго предсказывает Его пришествие. Язычники поклоняются Ему, когда это пришествие совершилось. Те и другие считают Его своим средоточием. Но кто из людей в то же время так мало пользовался всем этим блеском? Из тридцати трех лет жизни Он тридцать провел в неизвестности. В течение трех остальных Он слывет за обманщика; священники и старейшины Его отвергают; друзья и близкие презирают Его. Наконец, Он умирает, преданный одним из Своих учеников, непризнанный другим и покинутый всеми. Какую долю имеет Он в этом блеске? Никогда человек не имел такого величия; никогда человек не был более унижен. Весь этот блеск послужил только нам, чтобы мы могли вразумиться им; Ему же Самому в нем доли не было.

IV.

Иисус Христос высказывает величайшие истины так просто, что кажется, как будто он предварительно не размышлял о них, но вместе с тем, выражает их настолько ясно, что не остается сомнения относительно того, что Он о них думает. Эта ясность в соединении с такой простотой изумительна.

Кто указал евангелистам качества, отличающие вполне героическую душу, что они с таким совершенством изобразили ее в Иисусе Христе? Зачем они представляют Его слабым в предсмертные минуты? Разве они не могли изобразить Его более стойким в смерти? Конечно могли, ибо тот же св. Лука, описывая смерть св. Стефана, изображает его более крепким в эти минуты, чем был Иисус Христос. Они представляют Его подверженным страху смерти до наступления необходимости умереть, а затем изображают Его вполне стойким. Но если они описывают Его смущенным, то лишь пока Он Сам смущает Себя; когда же Его смущают люди, Он становится совершенно твердым.

Церкви стоило такого же труда доказать, что Иисус Христос был человеком, в опровержение отрицавших эго, как и доказать, что Он был Богом; видимые же данные противоречили одинаково сильно тому и другому.

V.

Обращение язычников было предоставлено только благодати Мессии. Иудеям долго пришлось бороться с ними, но без успеха: все, что говорили Соломон и пророки, оказалось напрасным. Мудрецы, как Платон и Сократ, не могли убедить язычников признать единого Бога.

Оба Завета взирают на Иисуса Христа: Ветхий – как на свою надежду, Новый – как на свой образец, оба – как на свое средоточие.

Пророки предсказывали, но сами не были предсказаны. Затем, святые были предсказаны, но сами не пророчествовали. Иисус Христос возведен пророками и пророчествует Сам.

Иисус Христос для всех, Моисей для одного народа.

Иудеи были благословлены в лице Авраама: *Благословлю благословляющих тебя* (Быт. 12:3). Но *все народы благословятся о семени его* (Быт. 18:18).

Свет во откровение языкам (Лк. 2:32).

Не сделал Он того никакому народу (Пс. 147:9), сказал Давид, говоря о законе; говоря же о Иисусе Христе, должно сказать: *«То сделал Он для всех народов»*.

Итак, Иисус Христос для всего мира. Сама Церковь приносит жертву только за верных; Иисус Христос принес крестную жертву за всех.

Статья XVI.

Свидетельства об Иисусе Христе пророков

I.

Самим сильным свидетельством об Иисусе Христе служат пророчества. Поэтому они составляли предмет особого попечения Божия, ибо предрекаемое ими событие есть чудо, существующее от рождения Церкви до конца ее. Для того Бог воздвигал пророков в течение тысячи шестисот лет; в течение следующих четырехсот лет Он рассеял все эти пророчества вместе со всеми хранившими их иудеями по всем странам мира. Таково было приготовление к рождению Иисуса Христа, ибо, прежде чем весь мир уверовал в Его Евангелие, требовалось не только существование пророчеств, чтобы вызвать эту веру в Него, но чтобы пророчества эти были распространены в мире, дабы весь мир мог принять Его.

Если бы один человек написал книгу пророчеств об Иисусе Христе, предсказал бы время и обстоятельства Его пришествия, и если бы Иисус Христос явился, согласно этим предсказаниям – была бы и в этом уже сила невероятная. Но произошло более того. Целый ряд людей, в течение четырех тысяч лет, постоянно и без изменений являлся один вслед другого предсказывать это самое событие. Целый народ возвещает его в продолжение четырех тысяч лет, чтобы общим голосом подтвердить хранимые им о том заветы и, вопреки всем угрозам и преследованиям, дает, наконец, свое свидетельство. Это достойно уже совсем иного внимания.

II.

Время пришествия Мессии было предсказано по отношению к положению еврейского народа, к положению народов языческих, состоянию храма и к числу лет: нужна большая смелость, чтобы так подробно описать обстановку предрекаемого события.

Необходимо было, чтобы существование четырех языческих монархий совпало с окончанием царства Иуды и совершением семидесяти седмин, но все это должно было предшествовать разрушению храма.

Было предсказано, что при четвертой монархии, до разрушения второго храма, раньше, чем иудеи были лишены самостоятельности, в семидесятую седмину Даниила, пока еще цел был второй храм, язычники будут просвещены и приведены к познанию Бога иудеев; что любящие Его будут избавлены от своих врагов и исполнятся страха и любви к Богу.

Так и случилось: в четвертую монархию, до разрушения второго храма и т. д., язычники во множестве поклоняются Богу и ведут ангелоподобную жизнь, девицы посвящают Богу свою девственность и свою жизнь; мужчины отказываются от всех удовольствий. В чем Платон не мог уверить небольшое число избранных и сведущих людей, в том тайная сила немногими словами убеждает сотни тысяч простых, необразованных людей.

Что означает все это? – То, что еще задолго было предсказано: *«Изолью от духа Моего на всякую плоть»* (Иоил. 2:28). Все народы пребывали в неверии и служении плоти, и что же стало?! Вся земля возгорелась горячею любовью к ближнему; великие мира бросают свои почести, богатые оставляют свои богатства; девицы терпят мученичество; дети покидают уютный родительский кров, чтобы жить среди лишений в пустыне. Откуда происходит такая сила? Это значит, что явился Мессия, и вот последствия и признаки Его пришествия.

В течение двух тысяч лет ни один язычник не знал Бога евреев (то есть, со времени Авраама. – прим. пер.). Но в предопределенное время множество язычников поклоняется этому единому Богу; капища разрушены, сами цари подчиняются кресту. Что все это значит? – Что Дух Божий излит на землю.

Предречено, что, когда придет время Мессии, Он установит новый союз, который заставит позабыть исход из Египта (Иер. 31:31, 32); что Он вложит закон во внутренность и напишет его в сердцах (Иер. 31:33); что Иисус Христос вложит страх в глубину сердца (Иер. 31:33 и 32:40), дабы страх этот не был только внешним, как до сего было.

Далее сказано, что иудеи отвергнут Иисуса Христа и сами будут отвергнуты Богом, потому что избранный виноградник дал только дикие ягоды (Ис. 5:2, 3, 4 и сл.), что избранный народ окажется неверным, неблагодарным: *Всякий день простирал Я руки Мои к народу непокорному, ходившему путем недобрым, по своим помышлениям* (Ис. 65:2); что Бог поразит их слепотою, и они будут и днем ходить ощупью подобно слепым (Втор. 28:28, 29).

Что Церковь вначале будет малою, а потом разрастется (Иез. 17).

Тогда идолопоклонство будет разрушено. Мессия низвергнет идолов и приведет народы к почитанию истинного Бога (Иез. 30:13).

Храмы идолов будут разрушены, и у всех народов по всей земле будут приносить Ему жертву чистую, а не животных (Мал. 1:11).

Он будет царем иудеев и язычников (Пс. 2:6 и 8; 71:8 и 11 и сл.). И вот этот царь иудеев и язычников преследуется теми и другими, сговорившимися убить Его – властителя тех и других, разрушившего и культ Моисея в Иерусалиме, который был его центром, а впоследствии – местопребыванием первой Церкви христианской, и культ языческий в Риме, бывшем средоточии язычества, а потом Его главной Церкви.

Он укажет людям путь совершенный (Ис. 2:3; Мих. 4:2 и сл.).

И ни раньше, ни после не являлось ни одного человека, которого учение, хотя приблизительно, уподоблялось бы божественности этого учения.

Вот приходит Иисус Христос и говорит людям, что сами они единственные враги себе; что разлучают их с Богом страсти их; что Он пришел разрушить эти страсти и даровать им Свою благодать, дабы создать из них всех единую святую Церковь, в которую он введет язычников и иудеев; что Он пришел низвергнуть идолов одних и суеверие других.

Этому противятся все люди, не только в силу естественного сопротивления чувственности, но, сверх всего, против этой нарождающейся религии восстают все цари земные, как и было предсказано (Пс. 2:1, 2). Все сильные мира сего сплотились между собою для этой цели: ученые, мудрецы, цари. Одни пишут, другие осуждают, третьи убивают. И, несмотря на такие препятствия, простые, немощные люди отражают все эти силы и даже подчиняют себе этих царей, этих ученых, этих мудрецов и изгоняют идолопоклонство со всей земли. И все это совершается силою, возвестившею о том устами пророков.

Иудеи, убивая Иисуса Христа, чтобы не принять Его за Мессию, тем самым сообщили Ему последний признак Мессии; продолжая не признавать Его, они становятся безупречными Его свидетелями; убивая Его и продолжая от Него отрекаться, они выполнили пророчества.

Кто не узнал бы Иисуса Христа по стольким особым признакам, какие были предсказаны? Ибо написано:

У него будет предтеча (Мал. 3:1);

Он родится младенцем (Ис. 9:6);

Он родится в городе Вифлееме (Мих. 5:2);

Произойдет из колена Иуды (Быт. 49:8 и сл.) и племени Давида (2 Цар. 7:12 и сл.; Ис. 7:13 и сл.); будет являться главным образом в Иерусалиме (Мих. 4:1; Агг. 2:7, 9);

Он должен ослепить мудрецов и ученых (Ис. 6:10), благовествовать бедным и малым (Ис. 61:1); открыть глаза слепцам и исцелять недужных (Ис. 35:5 и 6) и привести к свету томящихся во мраке (Ис. 42:16);

Он укажет путь совершенный (Ис. 30:21) и будет наставником язычников (Ис. 55:4; 42:1–7);

Он будет жертвою за грехи мира (Ис. 53:5);

Он станет краеугольным и драгоценным камнем (Ис. 28:16);

Он делается камнем преткновения и скалою соблазна (Ис. 8:14);

Иерусалим должен споткнуться об этот камень (Ис. 8:15);

Строители имеют отринуть этот камень (Пс. 117:22);

Бог положит этот камень в основу угла (Пс. 117:22);

И этот камень вырастет в гору необъятную и наполнит всю землю (Дан. 2:35);

Сказано также, что Он будет отвергнут (Пс. 117:22), не признан (Ис. 53:2 и 3), предан (Пс. 40:10), продан (Зах. 11:12), оплеван и заушен (Ис. 50:6), осмеян (Ис. 34:16), оскорбляем всевозможными способами (Пс. 68:27), напоен желчью (Пс. 68:22); что будут пронзены ноги и руки Его (Пс. 21:17); что Он будет предан смерти (Дан. 9:26) и об одежде Его будут бросать жребий (Пс. 21:19);

Что в третий день он воскреснет (Пс. 15:10; Осии 6:3);

Что он взойдет на небо (Пс. 46:6 и 67:19), чтобы воссесть одесную Бога (Пс. 109:1);

Что цари вооружатся против Него (Пс. 2:2);

Что, сидя одесную Отца, Он поразит врагов Своих (Пс. 109:5);

Что цари земли и все народы поклонятся Ему (Пс. 71:11);

Что иудеи останутся народом (Иер. 31:36);

Что они будут скитаться (Ам. 9:9) без царей, без жертвоприношений, без алтарей и т. д. (Осия 3: 4), без пророков (Пс. 73:9), ожидая избавления и не находя его (Ис. 59:9; Иер. 8:15).

III.

Мессия один должен был произвести великий народ святых и избранных, руководить им, питать его, ввести его в место упокоения и святости, освятить его перед Богом, сделать из него храм Божий, примирить с Богом, спасти от гнева Божия, избавить от рабства греху, явно господствующему в человеке, дать законы этому народу, начертать эти законы в его сердце, предать Себя за него в жертву Богу, сделаться агнцем непорочным и Самому стать закалателем жертвы, – предложить свою плоть и кровь и в то же время принести в жертву Богу хлеб и вино.

(Предсказано), что имел придти Освободитель, который сотрет главу змия, избавит Свой народ от грехов, *от всех беззаконий его* (Пс. 79: 8); что учредится Новый Завет и пребудет вечно; что будет новое и вечное священство по чину Мелхиседекову; что Христос будет славен, могуществен, крепок и, тем не менее, явится в таком уничижении, что не будет признан; что Его не примут за того, кто Он есть; что Его отринут, предадут смерти; народ Его, который от Него отречется, не будет больше Его народом; что язычники примут Его и найдут в Нем прибежище; что Он покинет Сион для царства в средоточии языческого мира; что, несмотря на то, евреи будут существовать всегда; что Он должен произойти от Иуды и в то время, когда прекратятся цари от рода его.

IV.

Пусть обратят внимание на следующее. От начала мира ожидание или поклонение Мессии существует без перерыва, (Он был обещан первому человеку непосредственно после его падения). Затем являлись люди, говорившие, что Бог открыл им, что имеет родиться Искупитель, который спасет народ Свой. Позднее Авраам возвещает о бывшем ему откровении, что Мессия произойдет от него чрез имеющего родиться у него сына. Иаков объявляет, что из двенадцати сыновей его родоначальником Мессии будет Иуда. Впоследствии Моисей и пророки предсказали, когда и как Он явится; они сказали, что данный им закон имеет значение только в ожидании закона Мессии, что до тех пор он будет существовать непрерывно, но что новый закон будет пребывать вечно, и таким образом их закон, или закон Мессии, коего Он был обещанием, будет на земле всегда. Так и было на самом деле; и, наконец, явился Иисус Христос при всех предсказанных обстоятельствах. Это достойно удивления.

Если (скажут) это так ясно было предсказано иудеям, как же они не поверили? или почему же они не были истреблены за то, что воспротивились такому ясному делу? Я отвечаю: было предсказано как то, что они не поверят такой ясной вещи, так и то, что они не будут истреблены окончательно. И ничто не может торжественнее засвидетельствовать в пользу Мессии, ибо недостаточно было одного существования пророков: необходимо было, чтобы пророчества их были сохранены вне сомнения. А так как, и т. д.

V.

Пророки перемешали пророчества о других событиях с пророчествами о Мессии для того, чтобы предсказания касательно Мессии не остались без доказательства, а таковые по отношению к прочим событиям не остались без плода.

Не имеем царя, кроме Кесаря, говорили иудеи (Ин. 19:15). Следовательно, Иисус Христос был Мессия, так как у них не было царя, кроме того чужеземца, а другого они не хотели.

Семьдесят седмин Даниила могут объясняться двояко: в отношении начала их счисления, по причине неопределенности выражения самого пророчества, и в отношении конца счисления, по причине разногласия хронологов. Но эта разница не может превышать двухсот лет.

(Пророчества, изображающие Иисуса Христа бедным, представляют Его так же властителем народов (Ис. 53:2 и сл.; Зах. 9:9 и 10).

(Пророчества, указывающие время, изображают Иисуса Христа лишь Господом язычников и страждущих, а не восседающим на облаках, в качестве Судии; те же пророчества, которые изображают Его судящим народы и славным, совсем не отмечают времени).

(Когда говорится о Мессии, как о великом и славном, то это, очевидно, относится к Нему, как к Судии, а не как к Искупителю мира [Ис. 56:15, 16]).

Статья XVII.

Различные свидетельства об Иисусе Христе

I.

Не верить апостолам значит предполагать, что они или были обмануты сами, или обманывали других; но то и другое одинаково трудно. Ибо, в первом случае, невозможно обмануться настолько, чтобы считать человека воскресшим из мертвых; второе же предположение нелепо. Чтобы быть последовательным, пусть представят себе этих двенадцать человек, собравшимися после смерти Иисуса Христа вместе, для того чтобы сговориться уверять всех в Его воскресении. Но отсюда должна начаться для них борьба со всевозможными приманками, на которые так падко человеческое сердце – любовь к переменам, обещания наград и пр. Если бы хотя один из них, увлеченный подобными соблазнами, или, еще скорее, уstraшенный темницею, пытками, смертью, отказался от своих слов, то погибель была бы для всех несомненна. Пусть же сообразят это.

Пока Иисус Христос был с ними, Он мог их поддерживать. Но потом, если Он не явился им, кто заставил их действовать?

II.

Текст Евангелия замечателен во многих отношениях и, между прочим, в том, что не содержит никаких выражений вражды к мучителям и врагам Иисуса Христа. В отличие от столь свойственной историкам склонности поносить все враждебное, в Евангелии нет никаких упреков ни Иуде, ни Пилату, ни одному из иудеев.

Если это смирение евангелистов было притворное, как и другие прекрасные черты их писаний, и притворялись они только для того, чтобы выставить эти достоинства, то, не смея сами обратить на них внимание других, они не преминули бы приобрести друзей, которые бы взяли на себя указать эти черты в их пользу. Но, действуя вполне искренно, без всякого расчета, они не обратили ни на что внимания на это. И полагаю, многое тому подобное до сих пор осталось незамеченным в их писаниях, а это доказывает в апостолах отсутствие всякого умысла.

III.

Сначала Иисус Христос, затем апостолы и, наконец, первые святые творили много чудес; потому что, за несовершенством еще всего предсказанного пророчествами и так как они сами были окончательным их исполнением, свидетельствовать могли только чудеса. Было предсказано, что Мессия обратит народы. Каким образом сбылось бы это пророчество без обращения народов? И как обратились бы народы к Мессии, если бы не видели этих последних осуществлений свидетельствующих о Нем пророчеств. Стало быть, до Его смерти, воскресения и до обращения Им народов, еще не все было совершено, а потому во все это время нужны были чудеса. Теперь же чудеса не нужны против иудеев, так как исполнившиеся пророчества – постоянное чудо.

IV.

Замечательно и достойно особого внимания, что еврейский народ, при всем своем несчастном положении, существует в продолжение стольких лет. Чтобы быть свидетелями Иисуса Христа, евреи должны существовать и, в то же время, бедствовать за то, что Его

распяли. Хотя постоянное бедствие исключает возможность продолжительной жизни, тем не менее, они, хотя и бедствуют, но существуют.

(Но не были ли они почти в таком же положении во время плена? Нет. Пленом скипетр не был отнят от Иуды окончательно, потому что возвращение их было обещано и предсказано). Когда Навуходоносор увел народ, то, чтобы они не подумали, что скипетр будет взят от Иуды, им заранее было предсказано, что пленение будет непродолжительное, и самостоятельность будет возвращена им. Они постоянно получали утешения от пророков и цари их продолжались. Но при вторичном разрушении храма обещания восстановить его не было, как не было ни пророков, ни царей, ни утешения, ни надежды, ибо скипетр навсегда был отнят у них.

Не значило быть в плену, когда существовала уверенность через семьдесят лет получить избавление. Но теперь у них нет никакой надежды.

Бог обещал им, что, хотя Он рассеет их по краям света, однако, если они будут верны закону, Он соберет их опять. Они очень верны ему, но остаются в угнетении. (Стало быть, Мессия явился, а закон, содержащий эти обещания, перестал существовать вследствие установления закона нового).

V.

Если бы иудеи были обращены Иисусом Христом, то у нас были бы только сомнительные свидетели, будь же они истреблены окончательно, мы совсем не имели бы свидетелей.

Иудеи отвергают Его, во не все. Святые Его принимают, чувственные – нет. И это не только ни умаляет Его славы, но, напротив, довершает ее. Причина их неверия, и притом единственная, высказанная в их писаниях, в Талмуде и у раввинов, та, что Иисус Христос не покорил народы вооруженною рукою: *Препоаяшь Себя по бедру мечом Твоим, Сильный* (44:4), только и могут сказать они. Иисус Христос был убит, говорят они, изнемог, не покорил язычников Своею силою, Он не дал нам добычи с них, Он совсем не дает богатств. – Только то? Этим именно Он и дорог мне. Я бы совсем не хотел того, которого они себе представляют.

VI.

Как сладко очами веры видеть, как Дарий и Клир, Александр, римляне, Помпей и Ирод, сами того не осознавая, действуют во славу Евангелия.

VII.

Религия язычников никакого основания не имеет. Мусульманская вера основывается на Коране и Магомете. Но этот пророк, долженствовавший быть последнею надеждою мира – был ли он предсказан? И какие особые признаки имеет он, которые бы отличали его от всякого человека, пожелавшего выдавать себя за пророка? Какие чудеса, по его словам, совершил он сам? Какую открыл он тайну, какой научил нравственности, какое указал блаженство?

Магомет не имеет свидетельств о себе. Зато должны быть очень сильны его умственные доводы, раз они основаны только на своем собственном авторитете. Что же говорит он? – Что ему нужно верить.

VIII.

Два человека рассказывают друг другу нелепые истории, но в словах одного заключается двоякий смысл, а речь другого имеет лишь прямой смысл; человек, посторонний, не непосвященный в тайну, слышит разговор и составляет о словах обоих одинаковое понятие.

Но если, затем, в конце беседы один начинает высказывать божественные истины, другой же продолжает говорить пошлости, то слушающий будет такого мнения, что в словах одного заключается таинственный и глубокий смысл, в словах же другого этого смысла нет, так как первый достаточно показал, что он не может говорить бессмыслицу, но может быть таинственным, а другой обнаружил свою неспособность к глубокомыслию и уменье говорить только пошлые вещи.

IX.

О Магомете нужно судить не по тому, что есть в нем темного и может считаться имеющим таинственный смысл, но по тому, что в нем есть ясного, по его раю и прочему. В этом, именно, его смешная сторона и потому-то несправедливо принимать темное в нем за тайны, раз явное его смешно. Иное – относительно Библии. Пусть в ней есть темные места, как и у Магомета, но зато в ней есть и места замечательно ясные, есть определенные и сбывшиеся пророчества. Поэтому здесь не может быть сравнения. Не следует смешивать и сравнивать вещи, имеющие сходство только в темных частях своих, но совершенно различные в частях освященных; ибо по явному можно судить и о тайном.

Коран называет св. Матфея добродетельным человеком. Следовательно, Магомет был ложный пророк, так как или называет хороших людей злыми, или не верит им в том, что они сказали о Иисусе Христе.

X.

Всякий человек может сделать то, что сделал Магомет, потому что он совсем не творил чудес и не был предсказан. Но никто не может сделать того, что совершил Иисус Христос.

Магомет утвердил свою религию на избиении других, Иисус Христос, отдав на избиение Своих; Магомет запрещал читать; апостолы, напротив, читать приказывали. Наконец, самое резкое различие: Магомет искал успехов человеческих, тогда как Иисус старался страдать и умереть по-человечески. Вместо того чтобы заключить, что если имел успех Магомет, то Иисус Христос мог иметь его и подавно – следует сказать: так как Магомет имел успех, то Иисус Христос должен был погибнуть.

СТАТЬЯ XVIII.

Для чего Бог, скрываясь от одних, обнаруживает Себя другим

I.

Бог хотел искупить людей и дать возможность спасения ищущим Его. Но люди оказываются столь недостойными, что Бог, по справедливости, отказывает некоторым, вследствие их загрубелости, в том, что дарует, по незаслуженному ими милосердию, другим. Если бы Он пожелал побороть упорство самых загрубелых, Он мог бы сделать это, обнаружив Себя им так торжественно, что они не могли бы усомниться в истинности Его существа, – как явится Он в последний день при таком громе, молнии и разрушении природы, что мертвые воскреснут и самые слепые увидят Его.

Но не и таком виде пожелал Он совершить свое кроткое пришествие; так как множество людей оказались недостойными Его милосердия, то Он не хотел даровать им того блага, от которого они сами отказываются. Поэтому весьма справедливо, что Он явился не в полноте Своего божественного величия, что, несомненно, заставило бы уверовать в Него всех людей, однако, и не настолько таинственно, чтобы Его не могли узнать искренно Его ищущие. Он хотел дать таким людям полную возможность узнать Его и потому, желая быть явным для ищущих Его всем сердцем и скрытым от тех, которые всем сердцем своим бегут Его, Он умеряет возможность Его познания: ясно открывая Себя стремящимся к Нему и скрываясь от людей равнодушных.

II.

Достаточно имеется света для желающих только видеть и достаточно мрака для людей, желания которых направлены в другую сторону. Достаточно для просвещения избранных и довольно темноты, чтобы смирать их. Достаточно темноты для ослепления осуждаемых и довольно света, чтобы осудить их и сделать непрощаемыми.

Если бы мир существовал с целью поучать человека бытию Бога, то оно проявлялось бы всюду неопровержимым способом; но так как мир существует только чрез Иисуса Христа и для Него, а также для того, чтобы указывать людям на их испорченность и необходимость искупления, то все в мире и носит доказательство этих двух истин. Все, что проявляется в нем не означает ни полного отсутствия, ни явного присутствия Божества, но присутствие сокровенного Бога: все носит на себе такой признак.

Если бы никогда не было никаких обнаружений Бога, то это постоянное лишение было бы двусмысленно и одинаково могло относиться к небытию вообще Бога или к недостойности людей познавать Его. Но то обстоятельство, что Он открывал Себя временами, хотя и не всегда, устраняет эту двусмысленность. Если же являлся хотя один раз, значит, Он всегда существует. Отсюда можно вывести только то заключение, что есть Бог, но люди Его не достойны.

III.

(Цель Бога скорее совершенствовать волю, чем ум. Но полная ясность послужила бы в пользу только уму и повредила бы воле). Если бы не существовало никакой тайны, человек не чувствовал бы своей испорченности. Если бы совсем не было света – человек не надеялся бы на уврачевание. Потому, не только справедливо, но и полезно для нас, что Бог отчасти

сокрыт от нас и отчасти только открыт нам, ибо одинаково опасно для человека знать Бога, не зная своего бедственного состояния, ни знать свою беспомощность, не ведая Бога.

IV.

Стало быть, верно, что все указывает человеку на его положение; но нужно хорошо понимать это, ибо не верно думать, что все обнаруживает Бога, и не верно, что Он сокрыт повсюду. Верно же взятое все вместе, т. е. что Он скрывается от испытующих Его и открывается ищущим Его; люди, все вместе, недостойны Бога, но могут Его удостоиться: не достойны вследствие своего повреждения и достойны по своей первоначальной природе.

V.

На земле нет ничего, что не свидетельствовало бы или о жалком положении человека, или о милосердии Бога; – или беспомощности человека без Бога, или о могуществе человека с Богом. Вся вселенная возвещает человеку или о его поврежденности, или об его искуплении. Все возвещает ему его величие или ничтожество. Каков человек, предоставленный Богом самому себе, видно на язычниках; покровительство Божие обнаруживается в иудеях.

VI.

Избранным все служит к добру, даже самые неясности Писания; ибо они чтут их за его ясные стороны; наоборот, у других все обращается во зло, даже самые очевидности, так как они проклинают их за неясности, коих не понимают.

VII.

Если бы Иисус Христос пришел только во освящение людей, то все Писание и все события клонились бы к этому, и легко было бы обратить неверных. Если бы Иисус Христос явился только для того чтобы ослепить, то все Его действия были бы неясны, и мы не имели бы никакого средства убедить неверующих. Но так как Он пришел *как освящение и камень преткновения и соблазна*, по словам пророка Исаии (8:14), то уверить, неверующих мы не можем, и они не могут убедить нас, однако, тем самым мы их убеждаем, утверждая, что из всех Его действий нельзя вывести решения, исключительного в пользу той или другой стороны.

Иисус Христос пришел ослепить зрящих и дать зрение слепым; исцелить больных и послать смерть здоровым; призвать к покаянию и оправдать грешников, и праведных оставит в грехах их; обогатить неимущих и оставить ни с чем богатых.

Что говорят о Иисусе Христе пророки? Что Он явно будет Богом? Нет. Но они говорят, что «Он в действительности Бог сокровенный; что Его не узнают, будут думать, что это совсем не Он, что Он будет камнем преткновения, о который споткнутся многие и т. д.

Бог, чтобы сделать Мессию узнаваемым для добрых и неузнаваемым для злых, так и предсказал о Нем устами пророков. Если бы образ явления Мессии был предсказан ясно, то в нем не было бы ничего непонятного даже для злых. Если бы время было предсказано туманно, то была бы неясность даже для добрых; ибо доброта сердца их не подсказала бы им, например, что D означает шестьсот лет. Но время явления было предсказано ясно, способ же – только символически, иносказательно.

Вследствие этого, злые, принимая обещанные блага за материальные, заблуждаются, несмотря на то, что время предсказано ясно; добрые же не заблуждаются, ибо понимание обещанных благ зависит от наклонностей сердца, которое называет благом то, что любит; но понимание обещанного времени совсем не зависит от сердца; таким образом, предсказание, ясное в отношении времени и темное в отношении благ, обманывает только злых.

VIII.

Каким должен был быть Мессия, когда ради Него скипетр непрерывно имел оставаться у Иуды, а по Его пришествии имел отойти от Иуды?

Чтобы заставить их видеть, не видя и понимать, не разумея, это было лучшее средство.

Вместо того, чтобы жаловаться на сокровенность Бога, вы должны благодарить Его, что Он так ясно обнаружил Себя, и еще должны быть благодарны Ему, что Он не открыл Себя ни мудрецам, ни высокомерным, недостойным знать столь святого Бога.

IX.

Родословная Иисуса Христа перемешана в Ветхом Завете со столькими другими, не идущими к делу, что выделить ее невозможно. Иное дело, если бы Моисей исчислял только предков Иисуса Христа. Однако, при ближайшем рассмотрении, родословную Иисуса Христа не трудно отличить от других, с ней смешанных, благодаря жизнеописаниям Фамари, Руфи и пр.

Все кажущиеся слабыми стороны приобретают положительную силу в глазах посвященного и верующего. Так, например, обе родословные, у евангелистов Матфея и Луки; – что может быть очевиднее, что они написаны без всякого предварительного уговора.

X.

Пусть же не упрекают нас в недостатке ясности, ибо мы сами признаем, что неясность существует. Но пусть признают истинность нашей религии в самой неясности ее, в силу недостаточного нашего знакомства с нею и нашего равнодушия к ее изучению.

Если бы существовала только одна религия, то Бог был бы слишком явен, как и в том случае, если бы мученики были среди последователей только нашей религии.

Чтобы оставить злых при их заблуждении, Иисус Христос не говорил ни что Он не происходит из Назарета, ни что Он не сын Иосифа.

XI.

Как Иисус Христос жил не признанным среди людей, так и правда Его пребывает без внешних отличительных признаков среди обыденных истин, так и евхаристия среди обыкновенных хлебов.

Если милосердие Божие, будучи даже прикровенным, наставляет нас на путь спасения, то какого же света должны мы ждать от Него, когда Он вполне обнаружится?

Ничего мы не поймем в делах Божиих, если не поставим себе за правило, что Он желал ослепить одних и просветить других.

СТАТЬЯ XIX.

Ветхий и Новый Заветы в существе одна религия

По-видимому, существенными составными частями вероисповедания иудеев были: происхождение их от Авраама, обрезание, жертвоприношения, церемонии, кивот завета, иерусалимский храм и, наконец, закон, и заключенный чрез Моисея союз с Богом.

Я утверждаю, что религия иудеев заключалась совсем не в этом: единственным выражением ее должна была быть любовь к Богу, и Бог осуждал все остальное.

Бог совсем не признавал прав происхождения от Авраама.

Иудеи, как и другие народы, подвергаются наказанию от Бога, если не послушают Его: *если же ты забудешь Господа Бога твоего, и пойдешь в след богов других, и будешь служить им, и поклонятся им, то свидетельствуюсь вам сегодня, что вы погибнете, как народы, которые Господь истребляет от лица вашего* (Втор. 8:19, 20).

Иноплеменники наравне с иудеями могут быть приняты Богом, если возлюбят Его: *да не говорит сын иноплеменника, присоединившийся к Господу: «Господь совсем отделил меня от Своего народа...» Присоединившихся к Господу, чтобы служить Ему и любить имя Господа, быть рабами Его ...Я приведу на святую гору Мою и обрадую их в Моем доме молитвы; всесожжения их и жертвы их (будут) благоприятны на жертвеннике Моем: ибо дом Мой назовется домом молитвы для всех народов* (Ис. 56:3, 6, 7).

Истинные иудеи считали свою заслугу по силе верности Богу и Его заповедям, а не по происхождению от Авраама: *только Ты Отец наш; ибо Авраам не узнает нас, и Израиль не признает нас своими; Ты, Господи, Отец наш, от века имя Твое: «Искупитель наш»* (Ис. 63:16).

Сам Моисей сказал им, что Бог не смотрит на лица: *Бог, говорит он, не смотрит на лица и не берет даров* (Втор. 10:17).

Заповедано обрезание сердца. *Итак, обрежьте крайнюю плоть сердца вашего, и не будьте впредь жестоковольны, Ибо Господь, Бог ваш, есть Бог богов и Владыка владык, Бог великий и страшный, Который не смотрит на лица* (Втор. 10:16, 17; Иер. 4:4).

Бог совершит это со временем: *и обрежет Господь, Бог твой. Сердце твое и сердце потомства твоего, чтобы ты любил Господа, Бога твоего, от всего сердца твоего и от всей души твоей* (Втор. 30:6).

Не обрезавшие сердца своего будут осуждены. Бог осудит народы необрезанные, а также и весь народ Израиля, потому что *сердце его не обрезано* (Иер. 9:25–26).

Вера внешняя и обрядность, без участия сердца, ни к чему не служат: *раздирайте сердца ваши, а не одежды*, говорит пророк (Иоил. 2:13. См. также 58 гл. пр. Исаии).

Я утверждаю, что обрезание было символом, установленным для отличия иудеев от других народов (Быт. 17:11).

Оттого во время нахождения их в пустыне они не обрезывались, ибо не было возможности смешаться им с другими народами; оттого же обрезание стало ненужным со времени пришествия Иисуса Христа.

Любовь к Богу внушается во всем Второзаконии: *в свидетели пред вами призываю небо и землю: жизнь и смерть предложил я тебе, благословение и проклятие. Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твое, любил Господа, Бога твоего, слушал глас Его и прилеплялся к Нему; ибо в этом жизнь твоя* (Втор. 30:19, 20).

Иудеи, за недостатком этой любви, будут осуждены за свои пороки, и язычники займут место их. *Сокрою лицо Мое от них, и увижу, какой будет конец их, ибо они род развращенный, дети, в которых нет верности* (Втор. 32:20, 21). *Они возбудили гнев Мой, служа иным богам; и Я, в возмездие им, возбужу в них ревность, призвав к Себе народы, не вопрошавшие обо Мне и не искавшие Меня* (Ис. 65).

Временные блага суть блага ложные, истинное же благо есть единение с Богом (Пс. 72).

Праздники их не благоугодны Богу (Ам. 5:21).

Как не угодны ему и жертвоприношения их (Ис. 46:1–3; Иер. 6:20; Пс. 49:18), даже со стороны добрых (Пс. 49:8–14). Установлены же жертвы только в виду загрубелости иудеев. Замечательны слова пр. Михея (6:6–8; см. также 1Цар. 15:22 и Ос. 6:6).

Приношения язычников будут приняты Богом, и неблагоприятны будут жертвы иудеев (Мал. 1:10, 11).

Бог заключит новый завет чрез Мессию, старый же будет отвергнут (Иер. 30:31, 32).

Прежнее все забудется (Ис. 63:18, 19).

Не вспомнят более о ковчеге завета (Иер. 3:16).

Храм будет отвергнут (Иер. 7:12–14).

Отвергнуты будут жертвоприношения, и установлены чистые жертвы (Мал. 1:10, 11).

Чин жертвенных служб Аарона будет осужден, и введено Мессиею служение по чину Мелхиседекову (Пс. 109).

Это священство будет вечное (Пс. 109).

Иерусалим будет осужден, а Рим принят. Имя иудеев будет оставлено для проклятия и заменено другим (Ис. 65:15).

Это последнее имя будет лучше, чем у иудеев, и будет вечным (Ис. 61:5).

Иудеи останутся без пророков, без царя и без князя, без жертвы и без жертвенника (Ос. 3:4).

Иудеи, тем не менее, не перестанут быть народом (Иер. 31:36).

СТАТЬЯ XX.

Истинное, благотворное познание Бога достижимо только через Иисуса Христа

I.

Удивляюсь смелости, с которой эти лица берутся говорить о Боге с нечестивыми. Первым делом они стараются доказать Божество делами природы.

Я не удивлялся бы такому приему, если бы они говорили к верующим, ибо имеющие живую сердечную веру, конечно, ни на минуту не сомневаются, что все существующее есть дело Бога, которому они поклоняются. Иное дело, когда приходится оживить этот свет в людях, отрешенных от веры и благодати и, несмотря на все усилия своего ума, вместо света, находящих только мрак и пустоту. Говорить таким людям, будто стоит только рассмотреть малейшую из окружающих их вещей, чтобы ясно обнаружить в ней присутствие Бога, и, в доказательство этого великого в важного предмета, описывать, им пути луны и планет и тем считать дело убеждения сделанным, – значит давать им повод думать, что доказательства нашей религии весьма слабы. По убеждению и по опыту, я нахожу, что это, напротив, вернейшее средство породить, в них презрение к религии.

Не так говорит об этом Писание, которому лучше известны дела Божии. Оно, напротив, утверждает, что Бог сокрыт и с тех пор, как природа повреждена. Он оставил людей в ослеплении, от которого исцелиться они могут только чрез Иисуса Христа, и без Него невозможно никакое общение с Богом: *Отца не знает никто, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть* (Мф. 11:27).

Вот что ставит нам на вид Писание, многократно повторяющее, что ищущие Бога найдут Его, – но совсем не при помощи дневного света, так как ищущие света среди белого дня, или – воды в море, найдут то и другое; нет, очевидность присутствия Божия в природе не такова. Писание говорит нам в другом месте: *истинно Ты Бог сокровенный* (Ис. 45:15).

II.

Иисус Христос есть средоточие всего. Кто знает Его, тому ясны причины и значение всех вещей.

Заблуждающиеся заблуждаются только вследствие того, что не видят одной из этих истин. Конечно, можно знать Бога, не сознавая своей немощи, и сознавать свою немощь без Бога, но нельзя познать Иисуса Христа, не зная одновременно и Бога, и своей немощи.

Вот почему я не намерен доказывать здесь доводами естественного разума ни существования Бога, ни св. Троицы, ни бессмертия души, и ничего подобного. Я делаю это не только потому, что чувствовал бы себя недостаточно сильным находить в природе доказательства для убеждения загрубелых безбожников, но потому еще, что без Иисуса Христа это познание бесполезно и бесплодно. Если бы кто-нибудь пришел к убеждению, что отношения чисел суть истины нематериальные, вечные и зависят от первоначальной истины, в которой они существуют и которую называют *Бог, я*, не счел бы этого человека значительно подвинувшимся на пути к своему спасению.

III.

Замечательная вещь, что ни один из канонических авторов не пользовался природой для доказательства Бога: Давид, Соломон и т. д. – все стремятся возбудить веру в Бога, но

никогда вы не встретите у них подобного выражения: пустоты не существует, значит, есть Бог. А эти люди были помудрее тех, которые теперь обязательно прибегают к подобной аргументации.

IV.

Если вы соглашаетесь, что доказывать существование Бога рассмотрением природы значит обнаружить слабость аргумента, то не презирайте Писания; если же, напротив, считаете признаком силы, что оно познало противоречия в природе человека, то за это вы должны уважать Писание.

V.

Ничего нельзя познать, без дел Божиих, если не принять за правило, что Бог хотел ослепить одних и просветить других.

VI.

Метафизические доказательства Бога так запутаны и так далеки от человеческих мыслей, что производят впечатление очень слабое: а если бы и принесли пользу некоторым, то разве только в ту минуту, когда эти доказательства у них перед глазами; но час спустя, они уже начинают бояться – не обманулись ли. *Quod curiositate cognoverint superbia amiserunt* («Найденное ими, при помощи пытливого разума, они утратили вследствие гордости»). Вероятно, на память цитировано Паскалем из блаж. Августина. – прим. Э. Гавэ).

(Впрочем, такого рода доказательства могут привести нас только к спекулятивному понятию о Боге, а понимать Его только таким образом не значит понимать Его).

VII.

Бог христиан не есть только Бог геометрических истин и стихийного порядка; таков Бог язычников и эпикурейцев. Это не только Бог, промышляющий о жизни и земных благах людей с целью дать ряд счастливых лет жизни поклоняющимся Ему: то Бог иудеев. Но Бог Авраама, Бог Исаака, Бог Иакова, Бог христиан, есть Бог любви и утешения; это Бог наполняющий верные Ему души и сердца, внедряющий в них ощущение их беспомощности и Своего бесконечного милосердия, соединяющийся с ними в глубине души их, наполняющий ее кротостью, радованием, упованием, любовью, делающий их неспособными стремиться к чему-либо иному, кроме Его Самого.

Бог христиан есть Бог, дающий душе чувствовать, что он ее единственное благо, что весь ее покой в Нем и единственная радость ее в любви к Нему; это Бог, внушающий душе в то же время ненависть к препятствиям, которые ее задерживают в стремлении любить Его всеми силами. Самолюбие и чувственность, составляющие эти препятствия, невыносимы для души, и Бог дает ей чувствовать, что себялюбие глубоко коренится в ней и что Он один может исцелить ее.

(Вот каково познание Бога в христианском смысле. Но чтобы так знать Его, необходимо знать в то же время свою греховность, свое недостойнство и необходимость иметь посредника, чтобы приблизиться к Богу и соединиться с Ним. Никак нельзя обособлять эти два знания, ибо в противном случае они не только бесполезны, но и вредны). Познание Бога без сознания вашей немощи производит гордость. Сознание же нашей немощи без сознания Иисуса Христа ведет к отчаянию. Но познание Иисуса Христа ограждает нас и от гордости и от отчаяния, ибо в Нем мы обретаем, как сознание своей немощности, так и единственный путь к ее уврачеванию.

Мы можем познавать Бога, не зная своего жалкого состояния, или знать последнее, не ведая Бога; или – ведать Бога и нашу немощь, не зная средства избавиться от обуревающих

нас зол. Но мы не можем знать Иисуса Христа, не зная одновременно и Бога, и нашей греховной немощи, а вместе и средства против последней; ибо Иисус Христос не есть просто Бог, но Бог, восстанавливающий нас из нашей немощи.

Таким образом, все, ищущие Бога помимо Иисуса Христа и останавливающиеся на природе, или не находят никакого света, который бы мог удовлетворить их, или кончают тем, что изобретают средство познать, Бога и служить Ему без посредника и таким путем доходят или до атеизма, или до деизма, – двух вещей, почти одинаково противных христианской религии.

Следовательно, все наши стремления должны быть направлены к познанию Иисуса Христа, потому что только чрез Него мы можем получить уверенность, что знаем Бога так, как знать Его нам полезно.

Он есть истинный Бог людей, т.е. немощных и грешных. Он есть предмет и средоточие всего: кто не знает Его, не знает ничего ни в порядке мира, ни в себе самом. Ибо, помимо Иисуса Христа, нам недоступно не только познание Бога, но и самих себя.

Без Иисуса Христа человек предоставлен пороку и своей немощи; с Иисусом же Христом человек освобождается: от того и другого. В нем вся наша добродетель и все наше блаженство; вне Его лишь порок, бедствие, заблуждение, мрак, отчаяние, и, кроме мрака и беспорядка, мы не видим ничего ни в природе Бога, ни в нашей собственной.

СТАТЬЯ XXI.

Мысли о чудесах

I.

По учению различаются чудеса, и по чудесам различается учение.

II.

Чудеса бывают ложные и истинные. Чтобы была возможность определить их достоинство, они должны иметь какой-либо отличительный признак, иначе они были бы бесполезны. А они не бесполезны, напротив, служат основанием. Необходимо поэтому, чтобы правило для определения чудес, не разрушало доказательства, доставляемого истинными чудесами об истине – главной цели чудес.

Не будь, вовсе ложных чудес, не было бы места и сомнению. При отсутствии правила для различения истинных от ложных, чудеса были бы бесполезны, и в них не было бы основания для веры.

Как различать истинные чудеса от ложных, о том говорит Моисей в двух местах (Втор. 13:1–3 и 18:22); также Иисус Христос: *никто, сотворивший чудо именем Моим, не может вскоре злословить Меня* (Мк.9:39).

(Откуда следует, что открыто объявляющий себя противником Иисуса Христа не может делать чудес Его именем. Поэтому, если он и делает их, то не именем Иисуса Христа, и ему не должно давать веры. Таковы случаи, когда чудеса исключают веру. Других исключений не должно допускать: в Ветхом Завете, когда чудо имеет целью отвратить вас от Бога, в Новом Завете – от Иисуса Христа.

Поэтому при виде чуда нужно или подчиниться ему, или иметь необыкновенные признаки противоположного; нужно видеть, отрицает ли совершающий чудо или Бога, или Иисуса Христа, или Церковь.

III.

Ложна всякая религия, не поклоняющаяся Богу, как началу всех вещей и, в своем нравственном учении, не указывающая любить одного Бога, как цель всех вещей. Всякая религия, не признающая Иисуса Христа теперь, есть очевидно ложная, и чудеса никакой пользы принести ей не могут).

Иудеи имели о Боге, как мы об Иисусе Христе, учение, подтвержденное чудесами; им было запрещено верить чудотворцам, если бы те хотели совратить их в ложное учение, даже более того, – им было повелено прибегать в таких случаях к первосвященникам и их держаться (Втор. 17:12; Мал. 2:7).

И таким образом те же причины, которые побуждают нас отказать в вере чудотворителям, имели и иудеи относительно появившихся среди них пророков.

Однако, они были весьма виновны, отвергая творивших чудеса пророков и Иисуса Христа, и не были бы виновны, если бы чудес не видели. *Если бы Я не сотворил между ними дел, каких никто другой не делал, то не имели бы греха* (Ин. 15:24).

Отсюда следует, что Иисус Христос считал Свои чудеса верными доказательствами того, чему учил, и иудеям надлежало верить им. И действительно, собственно чудеса сделали иудеев виновными в их неверии. Свидетельства, которые Иисус Христос и апостолы извлекают из Писания, не доказательны, ибо ими подтверждается только, что Моисей предсказал пришествие пророка, но не доказывается, что этот пророк был именно Иисус

Христос, а в этом весь вопрос. Эти места Писания показывают лишь, что признание Иисуса Христа Мессиею не противоречит Писанию, а не то, что оно прямо согласуется с ним.

IV.

Пророчества одни не могли доказать истинности Иисуса Христа, как Мессии, во время Его жизни, а потому не было бы вины в неверии в Него до Его смерти, если бы недостаточно было чудес Его, помимо учения. А не уверовавшие в Него при Его жизни были грешниками, и, как Сам Он говорит, грешниками непростительными. Следовательно, противясь чудесам, они противились истинному свидетельству; так как, за неимением истолкований, они должны были руководствоваться чудесами. Стало быть, для веры достаточно одних чудес, если они не противоречат учению.

Иисус Христос свою истинность, как Мессии, никогда не доказывал согласностью Своего учения с Писанием и пророчествами, но всегда доказывал ее чудесами.

Никодим, по чудесам Иисуса Христа, признал, что учение Его от Бога: *Равви! мы знаем, что Ты учитель, пришедший от Бога; ибо таких чудес, какие ты творишь, никто не может творить, если не будет с ним Бог* (Ин. 3:2). Он не судит о чудесах по учению, но об учении судит по чудесам.

Существует взаимный долг между Богом и людьми. *Рассудим*, говорит Бог устами пророка (Ис. 1:18), и в другом месте: – *Что же еще надлежало бы сделать для виноградаря Моего, чего Я не сделал ему?* (Ис. 5:4).

Долг людей к Богу – принимать посылаемую Им религию; долг Бога к людям – не вводить их в заблуждение. Опасность впасть в заблуждение была бы неминуема, если бы делающие чудеса проповедовали учение, но очевидно ложное в глазах здравого смысла, и Сам величайший Чудотворец не предупредил людей о грозящей им опасности со стороны лжеучителей, подкрепляющих свою проповедь знамениями. Если бы, таким образом, при случающихся в Церкви разделениях, еретики, в роде ариан, утверждавших, что их учение основано на том же Писании, как и у православных, стали совершать чудеса, когда в истинной Церкви их бы не совершалось, то это, наверное, привлекло бы многих на их сторону. Ибо, насколько человек, возвещающий вам тайны Божии, не достоин веры, когда опирается только на свой личный авторитет, так что и нечестивцы сомневаются в нем, так, напротив, даже в глазах нечестивых, заслуживает веры тот, кто, в доказательство своего общения с Богом, воскрешает мертвых, предсказывает будущее, переносит моря, исцеляет болезни. Неверие фараона и фарисеев есть следствие сверхъестественного ожесточения.

(Но не сказано ли, что Бог искушает нас? А потому, не может ли он искушать нас чудесами, которые, по видимому, ведут к заблуждению?)

Между понятиями искушать и вводить в заблуждение есть большая разница. Бог искушает, но никогда не вводит в заблуждение. Искушать, значит давать поводы, совсем не налагающие необходимости. Вводить в заблуждение, значит, ставить человека в необходимость делать ложные заключения и им следовать.

Так как Бог вводить в заблуждение не может, то человеку, скрывающему свое дурное учение и обнаруживающему только учение доброе, согласное, по его словам, с Богом и Церковью, очевидно невозможно делать чудеса, чтобы провести ложную и тонкую доктрину – этого быть не может. Еще менее возможно, чтобы Бог, который знает сердца, творил чудеса ради подобного человека.

V.

Далеко не одно и то же не быть за Иисуса Христа и говорить это, или не быть за Иисуса Христа и показывать вид, что принадлежишь к Его последователям. Первые могут делать чудеса, последние – нет; ибо относительно одних можно прямо заключить, что они против

истины, относительно же других – нельзя; от этого различить чудеса становится гораздо легче.

Таким образом, чудеса решают спорные случаи между иудеями и язычниками, иудеями и христианами, православными и еретиками, оклеветанными и клеветниками.

(Это самое наблюдалось во всех случаях борьбы правды против заблуждения, Авеля против Каина, Моисея против магов фараона, Илии против лжепророков, Иисуса Христа против фарисеев, св. Павла против Вариисуса, апостолов против заклинателей бесов, христиан против неверных, православных против еретиков; то же самое будет при борьбе Илии и Эноха против Антихриста. Правда всегда одерживает верх в чудесах).

(Наконец) в спорах об истинном Боге или об истинности религии никогда не случилось чудес на стороне заблуждения без того, чтобы еще большие чудеса не совершались также и на стороне истины.

(В силу этого правила ясно, что иудеи обязаны были уверовать в Иисуса Христа. Иисус Христос был для них подозрителен, но Его чудеса были бесконечно яснее имевшихся против Него подозрений. Поэтому следовало веровать в Него).

(Во времена Иисуса Христа) одни веровали в Него, другие не веровали, основываясь на пророчествах, говоривших, что Он родится в Вифлееме. Но последним надлежало обстоятельнее расследовать, не в самом ли деле Он там родился. В виду убедительности Его чудес, они должны были вполне увериться относительно кажущихся противоречий Его учения с Писанием, и эта неясность не извиняла, но ослепляла их.

Иисус Христос исцелил слепорожденного и сотворил много других чудес в субботний день, чем ослеплял фарисеев, настаивавших, что следует судить о чудесах по учению.

(Но в силу того же самого правила, по которому следовало веровать в Иисуса Христа, никак нельзя будет веровать Антихристу.)

Иисус Христос не говорил ни против Бога, ни против Моисея. Антихрист и лжепророки, предсказанные в обоих Заветах, будут открыто говорить против Бога и против Иисуса Христа. Скрывающего свою вражду к Богу Бог не допустил бы открыто совершать чудеса.

Моисей предсказал Иисуса Христа и заповедал Ему следовать (Втор. 18:15). Иисус Христос предсказал Антихриста и запретил ему следовать (Мф. 24:23, 24).

Чудеса Иисуса Христа не предсказаны Антихристом; чудеса же Антихриста предсказаны Иисусом Христом. Потому, если бы Иисус Христос не был Мессия, Он непременно ввел бы в заблуждение; но не разумно было бы впасть в заблуждение от чудес Антихриста. Вот почему чудеса Антихриста нисколько не вредят чудесам Иисуса Христа. (Действительно), когда Иисус Христос предсказывал чудеса Антихриста, думал ли Он разрушить этим веру в Свои собственные чудеса?

Нет ни одного основания для веры в Антихриста, по которому не следовало бы верить в Иисуса Христа, но для веры в Иисуса Христа есть такие основания, которые не могут служить для веры в Антихриста.

VI.

Чудеса послужили основанием и впредь послужат продолжению Церкви до Антихриста, до конца.

Бог (чтобы сохранить для Своей Церкви это доказательство) или изблужил ложные чудеса, или предсказал их; таким образом, Он возвысил Себя, а вместе и нас самих над тем, что в наших глазах сверхъестественно.

(Так будет и в грядущем: или Бог не допустит ложных чудес, или Он сотворит еще большие; ибо) чудеса имеют такую силу, что Бог должен был предупредить, дабы (при сопротивных Ему чудесах) не подумали, как бы очевидно это ни казалось, что они от Бога, иначе они могли бы соблазнить людей.

Следовательно, места в тринадцатой главе Второзакония, содержащие запрещение верить или слушать тех, которые будут совершать чудеса, и отвращать от служения Богу,

затем следующие слова в Евангелии от Марка: *Восстанут лжехристы и лжепророки, и дадут знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных.* (Мк. 13:22), а также некоторые другие подобные места далеко не содержат в себе чего-либо противного авторитету чудес; что скорее не указывало бы на силу их.

VII.

Не верить истинным чудесам заставляет недостаток любви: *Вы не верите*, говорит Иисус Христос, обращаясь к иудеям, *потому что вы не из овец Моих* (Ин. 10:26). Тот же недостаток любви заставляет верить чудесам ложным: *За то, что они не приняли любви истины для своего спасения. И за сие пошлет им Бог действие заблуждения, так что они будут верить лжи* (2Фес. 2:10, 11).

Когда я размышлял, откуда у лжеучителей, выдающих себя за обладателей спасительных средств, является столько последователей, готовых иногда отдать в распоряжение их даже самую жизнь, то мне казалось, что настоящая причина этого та, что в числе подобных средств есть и истинные. Иначе было бы невозможно существование стольких ложных средств и чтоб им давали такую веру. Если бы вообще не было средств ни против какого зла, и все виды его были бы не исцелимы, то нельзя было бы допустить, чтоб люди вообразили себе, будто они могут дать эти средства, а тем более чтобы столько других людей давали веру выдающим себя за обладателей таких средств. Если бы явился человек и стал уверять, будто может избавить от смерти, – ведь никто не поверил бы ему, потому что такого примера никогда не было. Но так как, даже по признанию самых великих людей, было много средств, оказавшихся истинными, то у людей явилось доверие, как к этим истинным, так и вообще ко всяким средствам. Народ рассуждает обыкновенно так: если вещь возможна, значит, она существует; ибо, раз она не может быть отрицаема вообще, вследствие некоторых частных обнаружений ее на деле, то народ, не могущий различить, которые из этих частных проявлений истинны, верит им всем. Подобно этому, верят столь многим ложным влияниям луны вследствие того, что некоторые ее влияния, как, например, прилив, существует в действительности.

Желая объяснить себе, почему существует столько ложных чудес, ложных откровений, волшебств и т. п., я пришел к предположению, что причина этого та, что в числе ложных явлений такого рода есть и истинные. Невозможно же думать, чтобы было столько ложных чудес, если бы не было истинных, столько ложных откровений, когда бы не было откровений истинных, ни столько ложных религий, но одной – истинной. Ибо людям не возможно было бы представить себе того, чего никогда не было, а тем более невозможно, чтобы столько людей тому поверили. Но так как на свете действительно бывали весьма великие вещи и потому находили веру и у великих людей, то впечатление таких истинных событий было причиной, что почти все люди стали способными верить и ложным. И таким образом вместо заключения, что совсем нет истинных чудес, потому что есть столько ложных, следует, напротив, сказать, что есть истинные чудеса, если есть столько ложных, и есть ложные только потому, что есть истинные; а также, что есть ложные религии только потому, что есть одна истинная. Этому противоречит существование религии и у дикарей; но если дикари имеют религию, то это потому, что они слышали, как можно заключить по кресту, найденному св. Андреем (Первозванным), об истинной религии, о потоке, об обрезании и т. д. Происходит это оттого, что ум человека, склонившись в эту сторону под влиянием истины, делается склонным к принятию и всякой лжи.

VIII.

Сказано: веруйте в Церковь; но не сказано: верьте чудесам, – по той причине, что последнее естественно, а первое – нет. Одному нужно было научить, другому не нужно.

СТАТЬЯ XXII.

Различные мысли о религии

I.

Скептицизм Пиррона, в ряду других дохристианских систем философии, был вполне прав, ибо люди, до Иисуса Христа, не знали своего истинного положения – считать ли им себя ничтожными или великими. Те, которые думали решить эти вопросы, сами ничего не знали, действовали наобум, без всякого основания, и всегда заблуждались, потому что были односторонни, вполне отвергая одно из двух.

II.

Бог, управляющий всем с кротостью, влагает религию в ум посредством умственных заключений, а в сердце посредством благодати. Но желать поселить религию в сердце и в уме насильно, угрозами значит вселять в них не религию, а страх. Сначала пожалейте неверующих; они и так несчастны. Поносить их было бы уместно только в том случае, когда бы это могло принести им пользу; но это вредит им.

Вся вера заключается в Иисусе Христе и в Адаме; вся мораль в сознании чувственности и необходимости благодати.

III.

Сердце имеет свои основания, которых ум не знает: это явствует из множества данных. Я говорю, что сердцу человеческому свойственно от природы любить высшее, всеобъемлющее существо и свойственно любить самого себя, и эта любовь его направляется в ту или другую сторону, смотря потому, какими основаниями оно руководится; и ожесточается оно против того или другого по своему выбору. Вы отвергли одно и соблюли другое: по рассуждению ли вы любите? Сердце чувствует Бога, а не разум. Вот что есть вера: Бог ощутителен для сердца, а не для разума.

IV.

Мир существует для дел милосердия и суда; но люди, составляющие этот мир, уже не те, какими вышли из рук Творца; они стали врагами Божиими, которым, по милосердию Своему, Он сообщает достаточно света для того, чтобы они могли возвратиться к Нему, если захотят искать Его и за Ним последовать, но вместе и для того, чтобы наказывать их, если они откажутся искать Его и за Ним следовать.

V.

Хорошо утомиться в бесполезном искании истинного блага, чтобы протянуть руки к Избавителю с просьбой о помощи.

Мало, говорю я, есть истинных христиан даже в отношении веры. Много есть верующих, но по суеверию; много есть неверующих, но по легкомыслию. Средних между двумя этими разрядами мало.

К суеверным я не причисляю ведущих вполне благочестивую, нравственную жизнь, а также всех верующих по внушению сердца.

VI.

Достоинно сожаления в людях, что все они решают только средства, а не цель. Всякий заботится, как ему выполнить назначение, приличное своему званию или положению, но выбор положения или отечества – дело судьбы. Жалко видеть, что столь магометан, еретиков, язычников следует примеру и образу жизни своих отцов потому только, что им внушили, что этот образ жизни наилучший. Этим определяется всякое звание и профессия, слесаря ли, солдата ли и т. п. Поэтому-то дикари не понимают, что может быть хорошего в Провансе.

VII.

Что бы ни говорили, нужно признаться, что в христианской религии есть нечто удивительное! Это, скажут, потому, что вы родилась в ней. Совсем не потому: я именно по этой причине

сопротивляюсь такому признанию из боязни, чтобы это предубеждение не подкупило меня. Но хотя я и родился в ней, не перестану признавать ее такою.

VIII.

Есть два способа убеждать в истинах нашей религии: один силами рассудка, другой – авторитетом убеждающего. Пользуются же не вторым, а первым способом. Не говорят: следует верить этому, потому что так говорит Писание, которое от Бога; но говорят обыкновенно, что следует верить по такой-то и такой причине. Однако, последние доводы слабы, так как разум может подчиняться всему.

(Самые, по-видимому, рьяные противники славы религии не будут бесполезны для других. Мы воспользуемся ими как первым аргументом: в таком сопротивлении есть что-то неестественное, ибо подобное заблуждение не естественно. Если их безумие заставляет их так сопротивляться своему собственному благу, то оно послужит для других предупреждением, благодаря ужасу, который внушается столь плачевным примером и столь достойным сожаления безумием).

IX.

Без Иисуса Христа мир не существовал бы, ибо ему надлежало или быть разрушенным, или стать подобием ада.

Единственный, знающий природу, не для того ли только будет знать ее, чтобы быть жалким? Единственный, знающий ее, будет ли только один несчастным?

Не следует человеку совсем ничего не видеть, но следует также видеть ему столько, чтобы у него было основание предположить, что он обладает истиною вполне. Но видеть ему нужно лишь настолько, чтобы увериться в утрате этой истины; ибо для познания утраченного нужно и видеть и не видеть; и таково именно состояние, в котором находится природа.

Дело истинной религии указать человеку и его величие, и его ничтожество, научить его уважать и презирать себя, любить и ненавидеть.

Я замечаю, что христианская религия основана на предшествовавшей ей религии, как оно и есть на самом деле.

Я не говорю здесь о чудесах Моисея, Иисуса Христа и апостолов, потому что сначала они не представляются убедительными, но хочу лишь выставить здесь все те неоспоримые основания этой христианской религии, которые не могут быть заподозрены кем бы то ни было.

X.

Религия столь великая вещь, что становится вполне справедливым, когда ее лишаются те, которые не дают себе труда искать ее, если она не ясна. На что же жалуются, когда она может быть найдена, если поискать ее?

Гордость уравнивает и перевешивает все немощи и недостатки. Это – чудовище и яркое свидетельство ослепления человека. Вот он пал со своего места и с беспокойством ищет его.

Вследствие повреждения мира грехом надлежит всем находящимся в этом состоянии знать его, безразлично, уживаются ли они с ним или им тяготеется. Но несправедливо всем видеть искупление.

Когда говорят, что Иисус Христос умер не за всех, то злоупотребляют известным пороком людей, готовых тотчас придаться к этому исключению. Это значит помогать отчаянию, вместо того, чтобы отвлекать от него и оживлять надежду.

XI.

Нечестивцы, слепо предающиеся своим страстям, не зная Бога и не трудясь искать Его, подтверждают сами собою то оспариваемое ими основание веры, что природа людей находится в поврежденном состоянии. Иудеи, такие упорные противники христианской религии, подтверждают собою другое основание этой ненавистной им религии – что Иисус Христос есть истинный Мессия, пришедший искупить людей, вывести из состояния растрепанности и беспомощности, в котором они находились. Подтверждают они это столько же своим настоящим положением, предсказанным в пророчествах, сколько этими самыми пророчествами, ими же хранимыми, как непререкаемые свидетельства, по которым можно узнать Мессию. (Таким образом доказательства поврежденности человечества и искупления его Иисусом Христом, т. е. двух основных истин, утверждаемых христианством, выводятся из существования нечестивых, живущих в полном равнодушии к религии, и иудеев, находящихся в непримиримой вражде с нею).

XII.

Достоинство человека заключалось в его невинности, в господстве над тварями и пользовании ими; теперь же оно состоит в отрешении себя от тварей и покорности им. (То есть, в покорном перенесении зол, сопряженных со здешнею жизнью. – прим. перев.)

XIII.

(Есть люди, заблуждение которых тем опаснее, что принцип своего заблуждения они выводят из какой-либо истины. Ошибка их не в следовании ложному взгляду, а в следовании одной истине при исключении другой).

Есть много истин и веры и нравственности, по-видимому, противоречащих друг другу, но, тем не менее, существующих одновременно в замечательном согласии.

Источник всех ересей есть исключение каких-либо из этих истин; а источник всех возражений, делаемых нам еретиками, есть неведение каких-либо из этих истин.

Обыкновенно бывает так, что, не будучи в состоянии заметить взаимное отношение двух противоположных истин, они принимают одну и исключают другую.

1-й пример: Иисус Христос есть Бог и человек. Ариане, не умея связать этих двух, по их мнению, несовместимых понятий, говорят, что Он человек: в этом смысле они православны. Но они отрицают Его божественность: в этом они еретики. Они утверждают, что мы отрицаем Его человеческую природу: в этом их неведение.

2-й пример, по поводу св. Тайн.

Мы веруем, что, так как существо хлеба изменяется и пресуществляется в существо тела Господа нашего Иисуса Христа, то Он действительно присутствует в нем. Вот одна истина. Другая истина та, что это таинство есть также один из символов креста и славы, и воспоминание того и другого.

Так вселенская вера соединяет эти две, по-видимому, противоположные истины.

Ересь нашего времени, не понимая, что это таинство включает вместе и присутствие Иисуса Христа, и символ этого присутствия, – что это жертва и в тоже время воспоминание жертвы, думает, что нельзя принять одну из этих истин, не исключив другую.

По этой причине они придерживаются того только мнения, что это таинство имеет лишь значение символа, и в этом нет ереси. Они думают, что мы исключаем эту истину, оттого и делают нам столько упреков, ссылаясь на отцов Церкви, ясно на то указывающих. Наконец, они отрицают реальное присутствие Иисуса Христа в таинстве, и в этом их ересь.

Потому-то самое простое средство помешать возникновению ересей – поучать всем истинам, и самое верное средство опровергать их – объяснять все истины.

Благодать будет всегда в мире, как и природа; она, так сказать, естественна. Поэтому всегда будут и пелагиане, и правоверные, и всегда будет борьба; потому что первое рождение производит одних, а благодать второго рождения производит других.

Одною из мук осужденных будет сознание, что они осуждены своим собственным разумом, которым думали осудить христианскую религию.

XIV.

Между жизнью обыкновенных и святых людей общее то, что те и другие стремятся к блаженству; разница только в предмете блаженства. Те и другие называют своими врагами препятствующих им в достижении цели.

О том, что хорошо и что дурно, нужно судит согласно с волею Бога, который не может быть несправедливым или заблуждаться, а не с нашей собственной, всегда слепой и злой, волей.

XV.

Когда св. Петр и апостолы (Деян. 15) рассуждали об уничтожении обряда обрезания, при чем возникал вопрос о действии против закона, они не справлялись с пророками, а просто руководствовались изливанием Духа Святого на необрезанных. Они гораздо вернее судят, что, стало быть, Бог принимает тех, которых Он исполняет Своего Духа, что дело не в соблюдении закона; они знали, что целью закона был лишь Дух Святой и поэтому, если получали Его необрезанные, то обрезание не обязательно.

XVI.

Двух законов достаточно для упорядочения всего христианского государства, чем всех законов политических: (любви к Богу и ближнему) (Мк. 12:28 и сл.).

Религия соответствует всякого рода умам. Простые люди, каковых большинство, довольствуются ее настоящим состоянием и устройством; и эта религия такова, что одним своим существованием доказывает свою истинность. Другие восходят до апостолов, а самые ученые и до начала мира. Ангелы видят ее еще лучше и дальше.

Очень счастливы те, которым Бог вложил религию в сердце; убеждать их нет надобности. Людям же, лишенным веры, мы можем внушать ее только путем рассудочным, в ожидании, что Сам Бог запечатлеет ею сердца их, без чего вера для спасения бесполезна.

Бог, чтобы оставить за Собою одним право просвещать нас и чтобы сделать нам недоступным понимание нашего собственного существа, скрыл от нас завязку тайны так высоко, или, вернее, так глубоко, что мы не в состоянии достигнуть ее, и не работой своего ума, а только покорностью его, можем мы действительно познать самих себя.

XVII.

Нечестивцы, признающие только разум своим руководителем, должны быть необыкновенно сильны умом. Что же мы от них слышим? Не видим ли мы, говорят они, что живут и умирают животные, как и люди, турки, как и христиане? У турок есть свои обряды, свои пророки, свои учителя, свои святые, свои подвижники, как и у нас и т. п. А разве это противоречит Писанию? Разве оно не говорит всего этого? Если вы совсем не заботитесь о познании истины, ее достаточно с вас, чтобы оставаться в покое. Но если вы всем сердцем хотите познать истину, то ее недостаточно, и вам нужно узнать подробности. Может быть, этого довольно было бы для суетного вопроса философии; но здесь – где идет дело обо всем... Впрочем, после легкого размышления в таком роде идут развлечься и т. д.

Страшно становится видеть, как постоянно утекает все наше достояние (и как возможно так привязываться к нему, чтобы не искать чего-либо прочного).

Образ жизни на свете должен находиться в зависимости от следующих различных предположений: 1е, можно ли всегда оставаться на свете; 2-ое, верно ли, что уже недолго остается прожить на нем, и не верно ли, что пробудешь на нем еще только один час. Последнее предположение – наше.

XVIII.

По вероятностям судя, вам следует заняться отысканием истины. Ибо вы погибли, если умрете, не поклонившись истинному Началу. Ио, скажете вы, если бы Он хотел, чтобы я поклонялся Ему, Он бы дал мне возможность узнать Свою волю. Он так и сделал, но вы пренебрегли узнать ее. Поищите, по крайней мере – это стоит труда.

Атеисты должны бы высказывать вполне ясные, очевидные вещи. А что доказывают они, как не потерю здравого рассудка, утверждая, будто смертность души вполне очевидна? Я понимаю нежелание углубляться в мнения Коперника, но смертность или бессмертие души – вопрос всей жизни.

XIX.

Пророчества, даже самые чудеса и другие доказательства нашей религии не таковы, чтобы можно было назвать, их, абсолютно убедительными; но в то же время нельзя сказать, что нет смысла верить им. Таким образом, в них есть одновременно и очевидность, и темнота – в просвещение одних и помрачение других. Но эта очевидность такова, что она превосходит или, по крайней мере, равняется очевидности противоположного: так что не рассудок может решить ей не следовать, а разве только чувственность и ожесточенность сердца. Таким образом, в доказательствах нашей религии достаточно очевидности для осуждения и недостаточно для убеждения; из этого явствует, что в признающих ее действует любовь, а не разум, а в отвращающихся от нее действует тоже не разум, а чувственность.

Не понимаю, как можно оставаться равнодушным и не принимать религии, которая в совершенстве ведает то, что познается более и более по мере приобретаемого света.

XX.

Два рода людей признают одного Бога: имеющие кроткое сердце и любящие самоунижение, на какой бы высокой или низкой ступени умственного развития они ни стояли; или имеющие достаточно ума, чтобы видеть истину, несмотря на все свое сопротивление ей. Мудрецы из язычников, утверждавшие, что есть только один Бог, подвергались преследованию, иудеи презирались, а христиане и того более.

XXI.

Что можно сказать против воскресения или против зачатия Пресвятой Девы? Разве труднее воссоздать человека, чем сотворить его?

XXII.

Существует большая разница между спокойствием и уверенностью совести. Спокойствие приобретается только искренним стремлением к истине, и только истина сообщает уверенность.

Есть две одинаково неизменные истины веры: одна – что человек, в состоянии первобытного блаженства, или в состоянии благодати, возвышен над всю природою, уподобляется Богу и становится способным к общению с Ним; другая – что, в состоянии повреждения и греха, он лишился своего прежнего состояния и приравнялся животным. Оба эти положения одинаково тверды и верны. Писание ясно возвещает нам их в некоторых местах: *Радость моя с сынами человеческими* (Прит. 8:31). *Изолью духа Моего на всякую плоть* (Иоил. 2:28). *Вы – боги* и т. д. (Псал. 81:6); в других оно говорит: *Всякая плоть трава* (Ис. 40:6). *Но человек в чести не пребудет; он уподобится животным, которые погибают* (Пс. 48:13). *Сказал я в сердце Своем о сынах человеческих, чтоб испытал их Бог и чтобы они видели, что они сами по себе животные* (Еккл. 3:18).

XXIII.

Примеры славной смерти лакедемонян мало нас трогают, ибо, что можем мы извлечь из того? Смерть же мучеников нас трогает, потому что это наши члены. У нас есть общая связь с ними: их решительность может повлиять на нашу не только своим примером, но тем что, может быть, ею заслужена наша решительность. Ничего такого нет для нас в примерах язычников; общего с ними мы ничего не имеем. Ведь не обогащает же нас богатство чужого, как богатство отца или мужа.

XXIV.

Предсказано, что избранные не будут сознавать своих добродетелей, а осужденные своих грехов: *Господи, скажут те и другие, когда мы видели Тебя алчущим?* и т. д. (Мф. 25:37, 44).

Иисус Христос не желал совсем, чтобы о Нем свидетельствовали демоны или к тому не призванные люди: свидетелями Своими Он называл Бога и Иоанна Крестителя.

XXV.

Сравнению прошедших событий в Церкви с видимым в ней теперь мешает то обстоятельство, что обыкновенно смотрят на св. Афанасия и других, как на увенчанных ореолом славы. Теперь, когда время осветило вещи, это так и представляется. Но во времена гонений этот великий святой был человек, по имени Афанасий, подобно прочим. *Илия был человек, подобный нам*, говорит св. апостол Иаков (Иак. 5:17) и, стало быть, столь же доступный страстям, как и мы. Этими словами апостол хочет отнять у христиан то неверное мнение, которое заставляет нас отвергать примеры святых, как несоответствующие нашему состоянию: то были святые, говорим мы, а не такие, как мы.

XXVI.

Иные люди имеют презрение к религии; они ненавидят ее и боятся, что она истинна. Чтобы исцелить это зло, нужно начать с указания, что религия совсем не противоречит

разуму; затем, что она достойна уважения, и – внушать это уважение; что она заслуживает любви, и внушать желание найти ее истинной, а потом – показать, что она действительно истинна, достойна уважения, потому что вполне познала человека, и достойна любви, как обещающая истинное благо.

Одно слово Давида или Моисея, как, например, что Бог обрежет сердца (Втор. 30: 6), позволяет нам судить об их духе. Если бы все остальные речи их были двусмысленны, если бы нельзя было с уверенностью сказать, слова ли это философов или христиан, то одно подобное слово определяет все остальные, как одно слово Эпиктета решает противоположно смысл всего остального. Только до этого слова продолжается обоюдоострие, но не далее.

(Не ужасно, если бы была ошибка в признании христианской религии истинною; но какое несчастье ошибиться, считая ее ложной!)

XXVII.

Условия, самые удобные для жизни светской, самые неудобные для жизни в Боге; и, наоборот, по мнению света, нет ничего труднее религиозной жизни, а по Божьему, ничего нет легче этого. Всего легче, в мирском смысле, занимать высокий пост и обладать богатством; нет ничего труднее, как жить в таких условиях, по Божьи, не привязываясь и не услаждаясь ими.

XXVIII.

Ветхий Завет заключал в себе прообразы будущего радования, Новый же Завет содержит средства к его достижению. Прообразы были о радости, средства же в покаянии; пасхальный агнец вкушался с горькими травами (Исх. 12:8) (в знак того, что радость обретается только горечью).

XXIX.

Слово *Галилея*, как бы случайно произнесенное толпою иудеев, обвинявших Иисуса Христа перед Пилатом (Лк. 23:5), подало последнему повод послать Иисуса Христа к Ироду, в чем исполнилась тайна, что Ему надлежало быть судимым и иудеями и язычниками. Простая, по-видимому, случайность была причиною исполнения тайны.

XXX.

Одно лицо сказала мне однажды, что чувствовало большую радость и уверенность, идя от исповеди; другое – что оно оставалось в страхе. По этому поводу я подумал, что из двух этих людей вышел бы один хороший человек, и что в каждом из них недоставало того, что чувствовал другой.

XXXI.

Приятно быть на корабле, выдерживающем бурю, когда уверен, что он никогда не погибнет. Преследования, обращенные против Церкви, походят на стихии, обуревающие такой не гибнущий корабль.

Историю Церкви следует собственно назвать *Историей истины*.

XXXII.

Так как грехи наши имеют два источника, гордость и леность, то Бог открыл нам в Себе два свойства для их исцеления: Свое милосердие и Свое правосудие. Свойство правосудия смирять гордость, как бы ни святы были дела человека: *и не вниди в суд* (Пс. 142:2);

милосердию же свойственно побеждать леность, внушая добрые дела, как сказано: *Благость Божия ведет тебя к покаянию* (Рим. 2:4); *Покаемся, может быть, Бог умиласердится* (Иона 3:9). Таким образом, милосердие Божие далеко не оправдывает нерадения, напротив, последнее всего более противоречит этому свойству Божию, и вместо того, чтобы говорить: если бы в Боге совсем не было милосердия, нужно было бы употреблять всевозможные усилия, чтобы жить добродетельно, следует сказать так: «так как Бог милосерд, то нужно всячески стараться о добродетели».

XXXIII.

Все, что в мире есть похоть плоти или похоть зрения, или гордость жизни, *похоть плотская, и похоть очес, и гордость житейская* (1Ин. 2:16). Несчастлива земля проклятия, скорее опаляемая, чем орошаемая этими тремя огненными реками! Счастливы те, которые среди этих потоков не погружаются в них, не дают им увлекать себя, но крепко держатся – не стоя, а сидя в низкой и прочной ладье, из которой они никогда не поднимаются до рассвета; но, мирно отдохнув в ней, простирают руки к имеющему поднять их, поставить на ноги и укрепить на ступенях священного Иерусалима, где они уже безопасны от ударов и нападений гордости. До тех же пор они плачут не от сожаления о гибели преходящих вещей, увлекаемых потоками, но от воспоминания о своей дорогой отчизне, небесном, Иерусалиме, о котором непрестанно вздыхают в своем продолжительном из него изгнании!

XXXIV.

Чудо, говорят, укрепило бы мое верование. Говорят так, пока его не видят. Пределы, по-видимому, ограничивающие наш кругозор, если смотреть на них издали, не ограничивают его более, когда мы к ним приблизимся, ибо отсюда открывается опять новый вид. Ничто не останавливает подвижности нашего ума. Говорят, что нет правила без исключения, как нет столь общей истины, которая бы не представляла с какой-нибудь стороны недостатка или неполноты. Достаточно не быть ей абсолютно всеобщей истиной, чтобы дать нам повод приложить исключение именно к настоящему случаю, и сказать: это не всегда верно; стало быть, есть случаи, где этого не бывает. Остается потом лишь показать, что данный случай принадлежит сюда же; и нужно иметь большую неудачу или быть очень неумелым, чтобы когда-нибудь не достигнуть этого.

XXXV.

Заповедь любви не есть заповедь символическая. Утверждать, будто Иисус Христос, пришедший снять символы и заменить их истиной, явился только ради установления символа любви и устранения существовавшей до Него действительности – это ужасно.

XXXVI.

Сколько, благодаря изобретению увеличительных стекол, открыто нами новых существ, неизвестных прежним философам! По поводу упоминаемого в св. Писании множества звезд со злорадством восклицали: их только тысяча двадцать две, мы это знаем!

XXXVII.

Человек так создан, что если постоянно говорить ему, что он глупец, то он верит этому, как и в том случае, если сам будет повторять себе это; ибо человек с самим собою ведет внутреннюю беседу, которой упорядочение весьма важно: *худые сообщества развращают добрые нравы* (1Кор. 15:33). Нужно по возможности больше времени в молчании и

беседовать только о Боге, который есть истина; и таким путем, наконец, сам убедишься в этом.

XXXVIII.

Какая разница между солдатом и монахом относительно послушания? Ведь тот и другой одинаково обязаны повиноваться старшим, и зависят от них, и выполняют одинаково трудные обязанности. Но солдат всегда надеется стать начальником, хотя никогда им не делается; несмотря на то, он не теряет надежды и всегда стремится к цели своих желаний. Монах в то же время дает обет вечного повиновения. Таким образом, они не различаются по своей всегдашней служебной подчиненности, зато отличаются тем, что один всегда надеется, а другой никогда.

XXXIX.

Наша воля никогда бы не удовлетворялась, если бы имела власть над всем, чего захочет; но удовлетворение получается и ту же минуту, стоит лишь отказаться от собственной воли. Имея ее, нельзя быть вполне довольным; без нее же можно быть только довольным.

Истинная и единственная добродетель заключается в самопрезрении, так как мы достойны презрения за свою чувственность, и – в отыскании истинно достойного предмета нашей любви. Но как мы не можем любить того, что вне нас, приходится любить существо, которое в нас, но которое не мы. А таково только Единое Существо. Царство Божие внутри нас (Лк. 17:21); всеобщее благо в нас самих, но не есть мы.

XL.

Суверен тот, кто возлагает свою надежду на обрядности, и горд, надменен, не желающий им подчиниться.

XLI.

Все религии и все секты руководились природным рассудком. Одни христиане принуждены брать руководства извне и согласоваться с правилами, которые Иисус Христос оставил нашим предкам для передачи нам. Есть люди, тяготящиеся этим принуждением. Они, подобно другим народам, хотят следовать своему воображению. Напрасно мы взываем к ним, как некогда пророки взывали к иудеям: *Идите в среду Церкви узнайте законы, оставленные ей предками, и идите стезями их.* Они же, подобно иудеям, отвечают: *Мы не пойдём по ним; мы хотим следовать помыслам нашего сердца и быть подобно другим народам* (См. 1 Цар. 8:20).

XLII.

Есть три средства уверовать: разум, привычка и вдохновение. Христианская религия, одна имеющая разум, не признает своими истинными чадами верующих без вдохновения; это не значит, что она исключает разум и привычку – совершенно напротив; но ум должен быть доступен доказательствам, укрепляться в них привычкою; смирением и покорностью открыть себя для вдохновения, которые только и могут иметь истинное и спасательное влияние: *Да не упразднится крест Христов* (1 Кор. 1:17).

XLIII.

Никогда зло не совершается полнее и радостнее, как вследствие ложного вывода совести.

XLIV.

Иудеи, призванные к покорению народов и царей, сделались рабами греха, а христиане, коих призвание – подчиняться и служить, делаются свободными сынами (См. Рим. 6:20; 8:14, 15 и сл.).

XLV.

Можно ли назвать мужеством, если человек при последнем издыхании вздумает противиться всемогущему и вечному Богу?

XLVI.

Я охотно верю событиям, за которые свидетели их не убоялись пожертвовать жизнью.

XLVII.

Добрый страх происходит от веры, ложный – от сомнения. Добрый страх приводит к надежде, так как порождается верою, и присущ человеку, уповающему на Бога, в которого он верит; дурной же страх влечет за собой отчаяние, ибо это страх перед Богом неверующего в Него. Одни боятся не найти Бога, в которого веровали, другие боятся найти Бога, которого они отрицали.

XLVIII.

Все язычники говорили о зле Израиля, и пророк также, но израильтяне далеко не имели бы права сказать ему: Ты говоришь, как язычники, ибо над тем, что язычники говорят одинаково с ним, он возвышается в своей величайшей силе.

XLIX.

Бог не желает, чтобы мы веровали Ему без рассуждения и не налагает на нас никакой тирании, но Он и не думает также давать нам отчет во всем. Чтобы согласовать эти противоположности, Он, путем убедительных доказательств, желает ясно обнаружить нам свои божественные признаки, которые убедили бы нас в Его существовании, и показать нам свою силу в чудесах и иных неопровержимых знамениях; так чтобы мы, не колеблясь, верили вещам, Им нам указуемым, раз мы не найдем иной причины отрицать их, как только потому, что сами не можем знать, существуют они или нет.

L.

Есть только три разряда людей: одни, обретшие Бога и служащие Ему, другие не нашедшие Его, но стремящиеся к тому, третьи те, которые живут без Бога и не ищут Его. Первые рассудительны и счастливы, последние безумны и несчастны, средние несчастны, но разумны.

LI.

Люди часто принимают свое воображение за ощущения своего сердца и, лишь подумав об обращении, уже считают себя обратившимися.

Разум действует медленно, руководствуется столькими соображениями я принципами, которые должны быть всегда в виду, что ежечасно утомляется и заблуждается, за неимением налицо всех этих принципов. Чувство же действует иначе; оно работает быстро и всегда

готово к действию. Поэтому следует, чтобы верою было исполнено наше сердце, иначе она будет постоянно колебаться.

ЛII.

Если Бог существует, то следует любить только Его, а не преходящую тварь. Рассуждение нечестивых в книге Премудрости (См. Прем. 2:1–9) основано только на предположении, что Бога не существует. А если так, говорят они, то будем наслаждаться тварью: иного исхода быть не может. Но если бы они знали, что есть Бог, достойный любви, то пришли бы к совершенно противоположному заключению. А вот каково заключение мудрых: если есть Бог, то не будем наслаждаться тварью. Отсюда дурно все, что побуждает нас привязываться к твари, ибо мешает нам – или служить, Богу, если мы Его знаем, или искать Его, если мы Его не ведаем. А так как мы полны чувственности, то полны и зла, и, следовательно, можно презирать самих себя и все, что возбуждает в нас привязанность к чему-либо иному, кроме одного Бога.

ЛIII.

Когда мы хотим думать о Боге, не является ли многое, отвращающее нас от этого и уклоняющее наши мысли в совершенно другую сторону? Все это – зло, родившееся вместе с нами.

ЛIV.

Неправда, будто мы достойны любви других, и несправедливо нам желать этого. Если бы мы родились разумными или равнодушными, с познанием самих себя и других, мы бы совсем не имели этой склонности. Однако мы родимся с этою склонностью, стало быть, родимся несправедливыми, ибо всецело преданы самим себе. Это противно всякому порядку, ибо истинный порядок требует стремления к всеобщему благу. Самолюбие служит началом всякого беспорядка в войне, в политическом устройстве, в хозяйстве, в отдельном человеческом теле и т. д. Следовательно, воля наша испорчена.

Если члены естественных и гражданских общин стремятся к благу целого, то общины в свою очередь должны стремиться к благу того, более общего целого, которого части они составляют.

Слеп не презирающий в себе чувства самолюбия и того инстинкта, который заставляет служить себе, как Богу. Кто не согласится, что нет ничего более противоречащего справедливости и истине? Ибо не верно, что мы заслуживаем любви, а не только несправедливо, но и невозможно достигнуть этого, так как все требуют того же самого. Стало быть, это очевидная несправедливость, в которой мы родились и от которой избавиться не можем, хотя и должны о том заботиться.

Однако ни одна религия (кроме христианской) не заметила ни этого греха, ни того, что мы родились в нем и должны бороться с ним, и ни одна не подумала дать человеку средства для этой борьбы.

LV.

В человеке происходит вечная внутренняя борьба между рассудком и страстями. Он мог бы наслаждаться некоторым миром, если бы у него был только рассудок без страстей... или одни страсти без рассудка. Но, раз в нем есть то и другое, он не может быть без борьбы, не имея возможности быть в мире с одним, не воюя в то же время с другим. Таким образом, человек всегда разъединен и в противоречии с самим собою.

Если неестественно слеп человек, живущий без всякого желания познать самого себя, то просто страшна слепота человека, живущего дурно и притом верующего в Бога.

LVI.

Несомненно, что душа или смертна, или бессмертна. То или другое определение имеет решающее значение на нравственность; тем не менее, философы устанавливали мораль независимо от этого.

Как бы красива ни была комедия в остальных частях, последний акт всегда бывает кровавым. Набросают земли на голову – и конец навеки!

LVII.

Бог, сотворив небо и землю, не сознающие счастья своего бытия, хотел создать существа, которые бы познали Его и составили одно тело чувствующих и сознательных членов. Наши члены совсем не сознают своей связи, удивительного между собою отношения, забот, прилагаемых природою, чтобы вложить в них силы, дать им рост и жизнь. Как бы они были счастливы, если б сознавали это и видели! Но, для этого им необходимо иметь сознание своего назначения и добрую волю, чтобы согласовать ее с волею всемирной души. Если бы, получив сознание, они удерживали получаемое ими питание только для себя самих, не передавая его другим членам, они оказались бы не только несправедливыми, но и жалкими, доказали бы этим не любовь, а ненависть к самим себе: ибо не только благополучие, но и долг их состоит в согласовании себя с волею и действиями целой души, которая любит их больше, чем они сами.

LVIII.

Быть членом значит жить и двигаться только в духе целого и для целого. Отделившийся член, не видящий более тела, к которому принадлежит, живет недолго и погибает.

Однако он думает, что составляет целое, и, не видя тела, от которого зависит, полагает, что зависит только от себя и сам составляет свое средоточие и свое целое. Но, не имея в себе жизненного начала, он лишь заблуждается и дивится непорочности своего существа, чувствуя, что сам не составляет целого, и, не видя в то же время, что он член каково-то целого. Наконец, когда ему удастся познать себя, он как бы возвращается к себе домой и любит уже себя только как часть целого, сожалеет о своих прошлых заблуждениях.

По своей природе он не мог бы любить постороннюю вещь, как только ради самого себя, ради своей пользы, ибо все любит себя больше, чем остальное. Но, любя тело, член любит самого себя, ибо только в нем, им и для него существует: *Соединяющийся с Господом есть один дух с Господом* (1Кор. 6:17).

Тело любит руку; и рука, если бы имела волю, должна была бы любить себя так, как любит ее душа: всякая любовь, к себе, большая такой любви, – несправедлива. *Соединяющийся с Господом есть один дух с Господом*. Любят себя как члена Иисуса Христа. Любят Иисуса Христа как тело, коего часть составляют. Все едино, как едины лица св. Троицы.

Любить нужно только Бога, а презирать, только себя. Если бы нога никогда не знала, что принадлежит к телу и что есть тело, от которого она зависит; если бы она знала и любила только себя, а потом узнала, что принадлежит телу, от которого и зависит, как сожалела бы, как смущалась бы она своею прежнею жизнью, – что была бесполезна для тела, сообщавшего ей свою жизнь. Как жалко погибла бы она, если бы тело отвергло и отлучило ее, как она сама от него отлучалась. Как горячо молила бы она не отвергать ее! Как смиренно подчинялась бы воле, управляющей телом, даже до согласия быть отрезанной, если нужно! Да, иначе, она потеряла бы свое значение, как члена, ибо всякий член необходимо должен быть готов умереть ради тела – единственной цели всего.

Чтобы члены были счастливы, они должны иметь волю, согласную с волею тела.

Чувственность и сила суть источники всех наших чисто человеческих действий: чувственность вызывает действия произвольные, сила – невольные.

LIX.

Платоники, даже Эпиктет и его сектаторы, верят, что один Бог достоин любви и удивления; однако, и они желали, чтобы люди любили их и удивлялись им; и они, стало быть, не знают о растрепанности и немощности своей природы. Если они считают себя исполненными чувства любви и готовности поклониться Ему и в этом находят свое главное благо, то пусть их – в добрый час. Но если они чувствуют нерасположение к этому, склонны только к желанию быть самим в почете у людей и, вместо всякого совершенствования, не принуждая людей, будут стараться внушать им, что благо их в любви к ним, я назову такое совершенство ужасным. Как! они знали Бога и не пожелали, чтобы люди любили только Его, а не их самих почитали; захотели стать произвольным предметом людского счастья!

LX.

Правда, не легко вступать на путь благочестия. Но эта трудность происходит не от начинающего образоваться в нас благочестия, а от не оставляющего еще нас нечестия. Если бы наши чувства не противились покаянию, и наша греховность не противоречила чистоте Божией, то благочестивая жизнь не представляла бы никаких для нас трудностей. Мы страдаем лишь по силе сопротивления высшей благодати прирожденного нам порока. Сердце наше разрывается в этих противоположных усилиях. Но было бы несправедливо это насилие ставить в вину Богу, привлекающему нас, вместо того, чтобы приписать его миру, который нас удерживает. Это подобно ребенку, которого мать вырывает из рук хищников; он должен любить в испытываемой боли любовное и законное насилие матери, старающейся освободить его, и ненавидеть только грубое и тираническое насилие неправо удерживающих его. Самая жестокая борьба, какую Бог мог бы послать людям в этой жизни, была бы тогда, если бы Он оставил их без этой борьбы, которую принес с Собою. *Не мир пришел Я принести, но меч*, говорит Он и чтобы указать эту борьбу: *Огонь пришел Я низвести на землю* (Мф. 10:34; Лк. 12:49). До Него свет пользовался ложным миром.

LXI.

Бог смотрит только на внутреннего человека; Церковь судит только по внешности. Бог разрешает от греха, как только видит раскаяние в сердце; Церковь – когда видит раскаяние в делах. Бог создаст Церковь чистую внутренне; своею внутренней и вполне духовной чистотой она смутит внутреннее нечестие надменных мудрецов и фарисеев. Церковь создаст собрание людей, коих нравы настолько чисты с внешней стороны, что приведут в смущение нравы язычников. Если есть столь искусно замаскированные лицемеры, что Церковь не в состоянии открыть в них сердечную злобу их, то она терпит их, ибо если они еще и не приняты Богом, которого обмануть они не могут, то приняты людьми, коих они обманывают. Таким образом, она не обесчещивается их поведением, так как оно, по-видимому, свято.

Но вы хотите, чтобы Церковь не судила ни по внутреннему человеку, судить коего может только Бог, ни по внешнему, так как Бог взирает лишь на душу, и таким образом, отнимая у нее всякое право выбора, вы удерживаете в Церкви самых распутных людей, бесчестящих ее в такой степени, что ни еврейские синагоги, ни философские секты не потерпели бы их в своей среде как недостойных, а презирали бы как нечестивых.

LXII.

Закон не разрушил природы, а просветил ее: благодать не разрушила закона, но заставила его действовать.

Из самой истины делают себе кумир, потому что истина без любви не есть Бог: она – образ Его и не должна быть, подобно кумиру, любима и поклоняема; тем менее допустимо любить и поклоняться противному ей, т.е. лжи.

LXIII.

Все крупные увеселения опасны для христианской жизни; но между всеми развлечениями, изобретенными светом, нет ничего опаснее театральные представления. Это такое натуральное и изящное изображение страстей, что порождает и возбуждает их и в нашем сердце, в особенности любовную страсть, и главным образом, когда изображают ее вполне целомудренною и честною. Ибо чем невиннее она представляется невинным душам, тем способнее она трогаться ею. Сила ее нравится нашему самолюбию, которое тотчас получает желание воспроизвести столь хорошо представленное на сцене; в то же время совесть убаюкивается честностью созерцаемых чувств, страх чистых душ пропадает; они начинают воображать, что не значит оскорблять чистоту, любя такую кажущуюся им мудрую любовь. И вот из театра выходят с сердцем, столь переполненным всевозможными красотами и прелестями любви, с душой и умом, так уверенными в ее невинности, что является полная готовность получать первые впечатления любви, или скорее – искать случая произвести их на чье-нибудь сердце, чтобы получить те же самые удовольствия и такие же жертвы, которые видели столь прекрасно изображенными в комедии.

LXIV.

Распушенность взглядов так нравится людям, что странным становится, как могут не нравиться их (иезуитов) мнения. Это потому, что они превзошли всякую меру. Мало того, есть много людей, видящих правду, но не могущих достичь ее. Зато мало таких, которые бы не знали, что чистота религии противоречит нашему растлению. Смешно сказать, будто вечная награда ожидает двуличные души.

LXV.

Я боюсь, не дурно ли я написал, что меня проклинают; но пример стольких благочестивых писаний заставляет меня верить противному. Хорошо писать больше не позволено, – так испорчена или невежественна инквизиция.

Лучше повиноваться Богу, чем людям. Я ничего не боюсь, ни на что не надеюсь; другое дело епископы. Пор-Рояль боится, да и не политично разлучать их: они перестанут бояться и сделаются более опасными.

Молчание самое сильное гонение. Никогда святые не умолкали. Конечно, для этого нужно призвание, но призвания этого не приходится ждать от решений совета: говорить заставляет необходимость.

Если мои *Письма* осуждены в Риме – я осуждаю в них то, что осуждено на Небе.

Инквизиция и Общество (иезуитов) – два бича истины.

LXVI.

Природа имеет совершенства, свидетельствующие, что она образ Божий, и имеет недостатки в доказательство того, что она не более как образ.

LXVII.

Люди столь необходимо безумны, что значило бы еще раз сойти с ума, чтобы не быть безумным.

LXVIII.

Рвение святых в искании и делании добра было бесполезно, если учение о пробабиллизме считать верным.

LXIX.

Чтобы сделать из человека святого, необходима благодать; сомневающийся в том не имеет понятия ни о святости, ни о человеке.

LXX.

Желают спокойствия совести и ради этого хотят, чтобы папа был непогрешим в вопросах веры, а ученые доктора в своих нравах.

LXXI.

О том, что такое папа, нельзя судить по некоторым словам отцов, как говорили это греки на одном соборе (важное правило!), но по действиям Церкви и отцов, и по канонам.

LXXII.

Папа – первый. Кто другой известен всем? Кто другой признан всеми за имеющего власть управлять умом всего тела, * так как он держит втирающуюся всюду главную ветвь **.

LXXIII.

Еретично объяснять *omnes* всегда в смысле *все* и еретично не объяснять его иногда в смысле *все*. *Bibite ex hoc omnes* («Пейте от нее все» (Мф. 26:27)): гугеноты еретики, потому что переводят *omnes* словом «все». *In quo omnes peccaverunt* («В нем же все согрешили» (Рим. 5:12)): гугеноты еретики, потому что исключают детей верных. Необходимо, стало быть, следовать отцам и преданию, чтобы знать, когда и как объяснять *omnes*, ибо можно опасаться ереси и с той и с другой стороны.

LXXIV.

Малейшее движение влияет на всю природу: один камень производит изменение в целом море. Так и в благодати: малейшее действие влияет на все остальное. Стало быть, все важно.

LXXV.

Все люди от природы ненавидят друг друга. Пользовались, как умели, чувственностью для общественного блага. Но это лишь притворство, ложное подобие любви к ближнему, ибо, в сущности, это тоже ненависть. Это злое начало в человеке, *figmentum malum*, только прикрито, а не устранено.

LXXVI.

Если хотят сказать, что человек слишком ничтожен, чтобы входить в общение с Богом, то нужно быть очень великим, чтобы иметь возможность судить о том.

LXXVII.

Если смотреть на Церковь как на единицу, то любой папа, глава ее, есть как бы все. Если считать ее за множественность, то папа не больше как часть ее. Множественность, не восходящая в единство, есть беспорядок; единство, не зависящее от множественности, есть тирания.

LXXVIII.

Бог не творит чудес в обыкновенном ходе Своей Церкви. Было бы странным чудом, если бы непогрешимость была в одном, но в множественности она была бы так же естественна, как тайное присутствие Божие в природе, как и во всех прочих творениях Его.

LXXIX.

Из того, что христианская религия не единственная на свете, далеко не следует, чтобы она не была истинною; напротив, это-то и заставляет верить в ее истинность.

LXXX.

Писание есть наука не ума, а сердца. Оно понятно только для чистых сердцем. Завеса, прикрывающая Писание для иудеев, имеет силу и в отношении христиан. Любовь не только главный предмет священных книг, но и дверь в них.

LXXXI.

Если бы все действия наши имели в виду только несомненное, тогда, пожалуй, ничего не следовало бы делать и в отношении религии, не имеющей в себе несомненности. Но чего только не предпринимается в целях, вполне проблематичных! Таковы морские путешествия, битвы. По-моему, совсем ничего не следовало бы делать, потому что уверенности нет ни в чем, и в религии больше несомненности, чем в надежде, что мы увидим завтрашний день; уверенности, что мы доживем до завтрашнего дня, не существует, зато очень возможно, что мы его не увидим. Нельзя того же сказать о религии. К вещам несомненным ее отнести нельзя. Но кто осмелится сказать, что ее, наверное, не существует? А обыкновенно считают, что поступают разумно, работая для завтрашнего дня и ради возможного.

LXXXII.

Изобретения людей из столетия в столетие идут вперед. Тоже можно сказать о добродетели и зле мира вообще.

LXXXIII.

Нужно иметь заднюю мысль и по ней судить обо всем, говоря при этом одинаково с народом.

LXXXIV.

Сила – царица мира, а не мнение; но мнением признается только то, что употребляет силу.

LXXXV.

Случай дает мысли, случай их отнимает; ни сохранять, ни приобретать искусством их нельзя.

LXXXVI.

Слушаются только уха, за неимением сердца.

LXXXVII.

Дети боятся намыленного ими лица, потому что они дети; но как сделать, чтобы столь слабое в детском возрасте укрепилось с годами? Меняют только слабость.

LXXXVIII.

Одинаково непостижимо как бытие Бога, так и Его небытие; – пребывание или отсутствие души в теле; – сотворен ли мир или не сотворен; – существует первородный грех или не существует.

LXXXIX.

Неверующие оказываются самыми легковерными. Они верят в чудеса Веспасиана, чтобы не верить чудесам Моисея. (О том, что Веспасиан, находясь в Александрии, исцелил будто бы свою слюной слепого и другого, разбитого параличем, рассказывает Тацит (Ист. IV, 81). См. также Светония и Флавия. – прим. пер.)

XC.

Вера есть дар Божий. Не думайте, что мы считаем ее даром рассудка. Другие религии не говорят, этого о своей вере; чтобы получать веру, которая все-таки не дается им, они не знают иного средства, кроме рассуждений.

Бог обратил чувственность иудеев на службу делу Иисуса Христа.

XCI.

Авраам ничего не просит для себя, но только для своих слуг (См. Быт. 14:24); так праведный ничем не пользуется в мире ради себя, но только ради страстей своих, над которыми господствует, говоря: пойдя и придя (См. Мф. 8:9, слова сотника). *Sub te erit appetites tuus* («Да будут вожеления твои покорны тебе»). Таковы, приблизительно, слова Бога к Каину. См. Быт. 4:7. – прим. пер.).

Страсти, таким образом, управляемые, делаются добродетелями. Необходимо только пользоваться страстями, как рабами, и, давая им пищу, препятствовать душе отведывать ее, потому что страсти, беря верх, делаются пороками и тогда дают свою пищу душе; душа же, питаясь ею, отравляется.

XCII.

Наша религия и мудра, и безумна. Мудра потому, что она самая сведущая и самая обоснованная путем чудес, пророчеств и т. д. Безумна потому, что совсем не этим всем руководствуется верующий. Хотя этого достаточно для осуждения неверующих, но не то заставляет верить верующих. Верить заставляет их крест: *Да не упразднится крест Христов*

(1Кор. 1:17). Потому-то апостол Павел, пришедший в превосходстве слова и мудрости, говорит, что он пришел не в превосходстве слова и мудрости, ибо пришел проповедовать (1Кор. 1:21, 23). Приходящие же с целью убеждать, могут говорить, что пришли в мудрости и слове. (Выражение «в превосходстве слова и мудрости» заимствовано из 1Кор. 2:1. Вообще весь этот параграф основан на смысле 1-ой и 2-ой главы упомянутого Послания апостола Павла. – прим. пер.)

XCIII.

Fascinatio nigacitatis. Чтобы страсть не вредила, будем поступать так, как будто жить нам остается только одну неделю.

XCIV.

Из всего, что есть на земле, истинный христианин принимает участие только в огорчениях, а не в радостях; он любит своих ближних, но любовь свою не ограничивает этими пределами, а простирает ее на своих врагов и затем на врагов Бога.

СТАТЬЯ XXIII.

Размышления о Тайне Христовой

I.

Иисус Христос переносит в Своих страстях муки, причиняемые Ему людьми, но в смертной борьбе страждет муками, Самим на Себя наложенными: *Сам возмутился* (См. Ин. 11:33). Эта казнь уже не от руки человеческой, но от руки всемогущей, и только всемогущим Существом переносимая.

Иисус Христос ищет некоторого утешения, по крайней мере, у троих наиболее близких друзей Своих, но те спят. Он просит их пободрствовать с Ним несколько времени, но те с полным небрежением покидают Его; в них так мало сострадания, что оно даже не в силах отогнать их сон и на минуту. Таким образом, Иисус вполне одиноким был предоставлен гневу Божию.

Иисус одинок на земле, которая не только не сочувствует и не разделяет Его страданий, но даже их не ведаёт: ведомо это лишь Небу и Ему Самому.

Иисус в саду, но не в том саду, исполненном всяческих утех, где первый Адам погубил себя и все человечество, а в саду мучений, где спасен был он и с ним весь человеческий род.

Эти муки и это небрежение Он переносит в страшный час ночи.

Я полагаю, что Иисус жаловался только в этот единственный раз, но и тут Он жалуется как бы, не будучи в состоянии вместить в Себе Свою крайнюю скорбь: *Душа Моя скорбит смертельно* (См. Мф. 26:38; Мк 14:34).

Иисус ищет общества и облегчения со стороны людей. Мне кажется, это единственный случай во всей его жизни. Но Он не получает ни того, ни другого, ибо ученики Его спят.

Иисус, среди этого всеобщего равнодушия, когда даже избранные друзья отказались пободрствовать с Ним, найдя их спящими, огорчается в виду опасности, которой они подвергают не Его, а самих себя. (Опасности искушения. См. Мф. 26:41; Мк. 14:38 и Лк. 22:46. – прим. пер.)

Он предупреждает их относительно их собственного спасения и их пользы; обнаруживает в этом сердечную нежность к ним, несмотря на их неблагодарность, и предвещает, что дух бодр, а плоть немощна.

Находя их еще спящими, от чего не могло удержать их опасение ни за Него, ни за себя, Иисус не будит их, с любовью предоставляя им покоиться.

Иисус просил людей, но не был ими услышан.

Иисус, пока ученики Его спали, совершил их спасение. Он совершил спасение каждого из верных, пока они спали, и в небытии, до их рождения, и в грехах после рождения.

Слова «да мимо идет от Меня чаша сия» Он произносит один раз и то с покорностью, но два раза молится о ниспослании Ему этой чаши, если на то есть воля Отца.

В Иуде Христос видит не вражду его, а орудие Бога, которого любит и ...так как называет его другом.

Иисус оставляет средю Своих учеников, чтобы предаться смертной тоске; в подражание ему следует покидать самых близких друзей и присных наших.

В виду предсмертных и величайших мук Иисуса, продлим и усугубим нашу молитву («И, находясь в борении, прилежнее молился (Лк 22: 44). – прим. пер.)

II.

Утешься: ты не стал бы искать Меня, если бы уже не обрел Меня.

Я думал о тебе в Своих предсмертных муках; Я пролил за тебя кровь Мою.

Ты не столько испытываешь себя, сколько искушаешь Меня, думая, в состоянии ли будешь совершить такой-то и такой-то подвиг: когда он совершится, то совершителем его буду Я.

Руководствуйся Моими правилами; посмотри, как управляла рука Моя в жизни Девы и апостолов, предавшихся Моей воле.

Отец любит все, что Я творю.

Хочешь ли ты, чтобы Я продолжал потеть кровавым потом Своей человеческой природы, когда и слез не даешь Мне?

Мое дело обратить тебя на путь спасения: не бойся ничего и молись с упованием.

Я предстою тебе в Писании Своим словом, в Церкви Своим духом и учением; в священниках Своею властью, в верных молитвою.

Врачи не принесут тебе исцеления, ибо смерть для тебя неминуема. Мною же получается исцеление и бессмертие тела (См. 1 Кор. 15:53).

Неси телесные узы и рабство; в настоящее время Я избавляю тебя только от рабства духовного.

Я наилучший из друзей твоих, ибо больше всех их сделал для тебя. Они не стали бы страдать так, как пострадал от тебя Я, и за тебя, неверного, жестокого, не умерли бы, как сделал это Я и как всегда готов сделать и делаю для Своих избранных.

Если бы ведомы были тебе грехи твои, не вынесло бы этого твое сердце. – О, Господи! я готов потерять свое сердце, ибо верю в злобу грехов моих, по словам Твоим.

Нет, ибо Я, показавший тебе грех твой, могу исцелить тебя, и говорю тебе то в знак моего желания помочь тебе. По мере твоего раскаяния в грехах, ты познаешь их, и тебе будет сказано: вот возвращены тебе грехи твои. Раскаивайся же в своих скрытых грехах и в видимой злобе грехов, тебе известных.

– Господи, все предаю Тебе.

– Я люблю тебя больше, чем ты любишь свою скверну. *Ut immundus pro luto* («Как человек нечистый любит свою нечистоту»). Неизвестно, откуда заимствовано Паскалем это выражение, но его нет в Писании. – прим. пер.) Мне приличествует слава (твоего спасения), а не тебе, червь земной.

Вопрошай своего духовного отца, когда Мои собственные слова дают тебе повод к злу, тщеславию или любопытству.

III.

Я вижу всю бездну моей гордости, любопытства, чувственности. Никакой правды нет в моих отношениях к Богу, ни к Иисусу Христу. Но, не знавший греха, Он сделан для нас жертвою за грех (2Кор. 5:21); все бичи Твои пали на Него. Он принижен больше меня, но не только не отвращается от меня, а еще удостаивает меня обращением к моей помощи. (Вероятно, автор имеет в виду то место в Евангелии от Матфея (26:38), где Спаситель просит учеников пободрствовать с Ним: *«побудьте здесь и бодрствуйте со Мною»*. – прим. пер.)

Но Он исцелился от незаслуженных язв Своих и исцелит мои язвы, справедливо мною заслуженных. К Его язвам мне надлежит приложить свои и присоединиться к Его страданиям: спасая Себя, Он спасает и меня.

Но не дерзнем наносить Ему в будущем новые раны.

IV.

Утешьтесь: не от себя вам нужно ждать спасения; напротив, вы должны ждать его, ничего не ожидая от себя.

V.

Иисус Христос умер, но видим на кресте. Он умер и скрыт в гробе.

Иисуса погребали только святые.

Иисус не совершил никакого чуда у гроба.

Входят в него также одни святые.

В гробе Иисус принимает новую жизнь, а не на кресте. Это последняя тайна страданий и искупления.

Иисусу Христу негде было на земле приклонить голову, как только в гробе.

Враги Его прекратили свои преследования только у Его гроба.

VI.

Я часто беседую с тобою, когда не может говорить с тобою твой духовник, ибо Я не хочу, чтобы ты был лишен назидания. И, может быть, Я делаю это по его молитвам, так что он невидимо руководит тобою. Ты бы не искал Меня, если бы Я не был в тебе; успокойся же.

VII.

Сравнивай себя не с другими, а со Мною. Когда не находишь Меня в тех, с которыми себя сравниваешь, значит сравниваешь себя с гнусными. Если же находишь, то сравнивай. Но кого ты будешь сравнивать? Себя ли самого или Меня в себе? Если себя, то это такая же скверна. Если Меня, то сравниваешь Меня со Мною же. Так Я Бог во всем.

VIII.

Мне кажется, что Иисус Христос по воскресении позволял прикасаться только к Своим ранам. *Не прикасайся мне* (Ин. 20:17). Нам подобает только сострадать Ему.

IX.

...Приобщаться Себе Он допустил как смертный на Тайной Вечери, как воскресший – ученикам в Эммаусе, как воскресший на небо – всей Церкви.

X.

«Молитесь, чтобы не впасть в искушение» (Лк. 22:46). Впасть в искушение опасно; и если кто впадает в него, то потому что не молится.

И ты некогда, обратившись, утверди братьев твоих (См. Лк. 22:32). Но предварительно, *Господь, обратившись, взглянул на Петра* (См. Лук. 22:61, 62. На этом тексте Паскаль хочет основать учение о вызывающей и предупреждающей благодати: он хочет показать, что Петр *обращается* к Иисусу только *после* того, как Иисус *обратился* к нему. – прим. пер.)

Св. Петр просит позволения ударить Малха и ударяет, не выслушав ответа; Иисус Христос отвечает потом.

XI.

Иисус Христос не хотел быть убитым без соблюдения форм правосудия, ибо гораздо постыднее умирать по правосудию, чем вследствие несправедливого возмущения.

XII.

Ложное правосудие Пилата было только причиной лишних страданий для Иисуса; потому что, по своему несправедливому суду, он велит бичевать Его и затем убить. Лучше бы ему раньше убить Его. Таковы ложные блюстители правосудия. Они делают добрые дела

и дурные, чтобы угодить миру, показать, что они не совсем на стороне Иисуса Христа, так как стыдятся Его. Наконец, в случаях сильного искушения, они Его убивают.